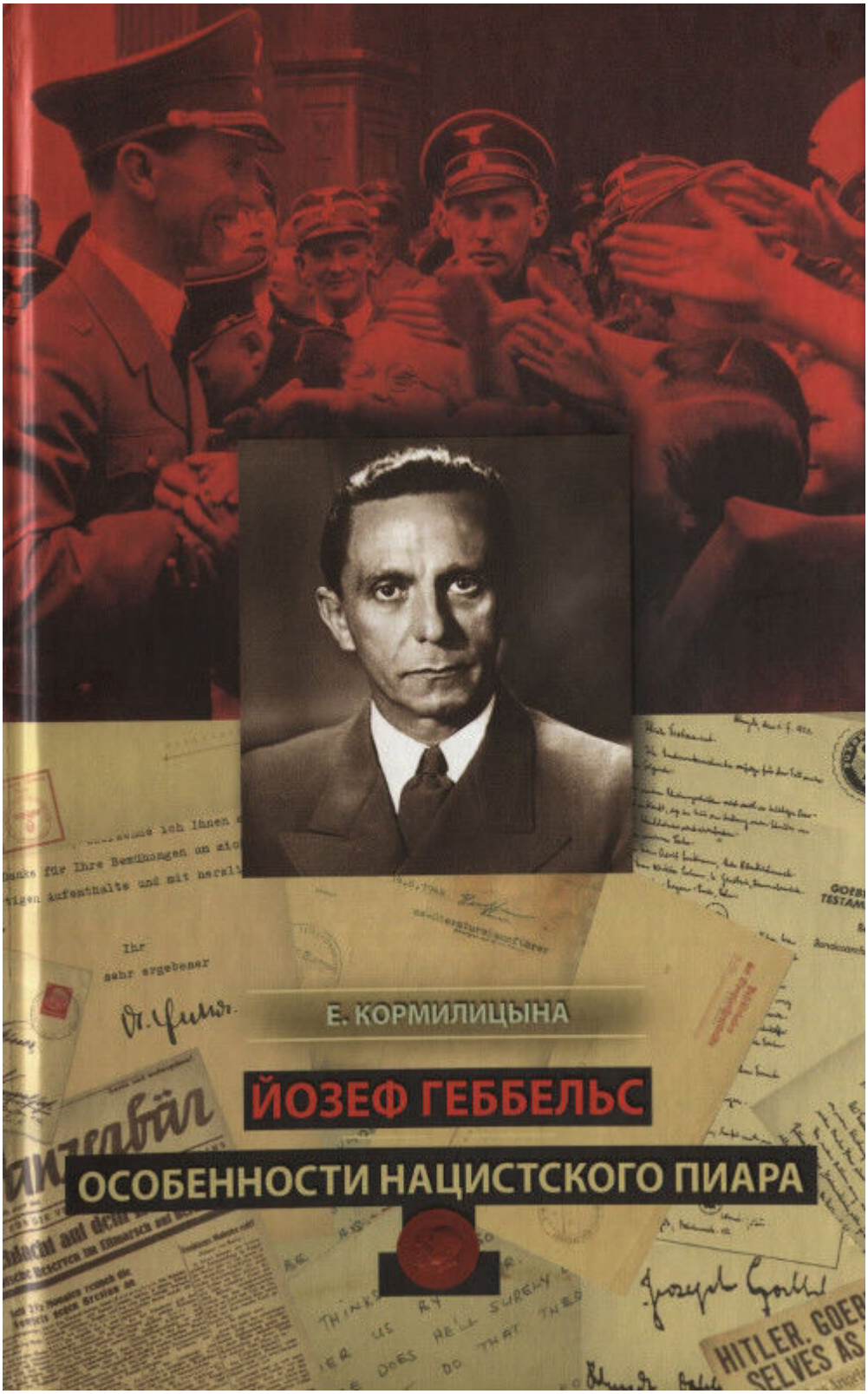
Е. Г. Кормилицына
ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС. ОСОБЕННОСТИ НАЦИСТСКОГО ПИАРА



Е. Г. Кормилицына
ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС. ОСОБЕННОСТИ НАЦИСТСКОГО ПИАРА

КРОШКА ЦАХЕС НА ВЫСОКОЙ ТРИБУНЕ

Маленький, нескладный, хромоногий, но зато обладающий приятным голосом, ясным рассудком и несгибаемой волей, наделенный умением пользоваться собственным словом как мощнейшим оружием, этот персонаж, родись он на несколько столетий раньше, мог бы стать вождем крестового похода. Из тех, кто способен в минуты полнейшего отчаяния, когда кругом враги, колодцы отравлены, а последние припасы съедены пару дней назад, воодушевить войско на безумную, почти безнадежную атаку, отыскав, а то и выдумав чудотворную святыню.

Он мог бы в равной степени оказаться инквизитором, одним словом своим зажигающим по всей стране костры охоты на ведьм. Он бы искренне уверовал в правильность того, что делает. Способность к убеждению и самоубеждению ему была дана немалая. Вот только времена крестовых походов, великих инквизиторов и пламенных проповедников миновали.

Дар, доставшийся ему, казалось, не будет востребован. И тогда он поставил свое умение превращать обыкновенные слова в нечто большее на службу власти, на службу режиму. Самому проклинаемому из всех известных нам сегодня. Режиму Адольфа Гитлера.

Речь, разумеется, идет о Йозефе Геббельсе.

Кем же он был, этот политик, демагог и оратор? Бесноватой обезьянкой на плече бесноватого фюрера, каким его изображали карикатуристы? Гением пропаганды, сумевшим ввести в искус и очарование, прельстить и предать целый народ? Фанатиком, заставившим уверовать в постулаты новой веры всех, в том числе и себя самого?

В первую очередь он был организатором. Созданная им пропагандистская система, обслуживавшая гитлеровский режим, была неуклюжа, нестабильна, держалась во многом на личности самого Йозефа Геббельса. Но при этом она была эффективна. Едва ли не более эффективна, чем любая другая система подобного плана за минувшую сотню лет. Шеф имперской пропаганды мог заставить немцев поверить практически во что угодно. В то, что Гитлер — голубоглазый высокий блондин, обладающий всеми признаками арийской расы; в то, что даже когда русские входят в Берлин, у гитлеровской империи есть еще шанс на победу…

Все это было ему по силам, потому что в руках у имперского пропагандиста было чудесное оружие. Волшебная палочка под названием СМИ. Об этом оружии, о том, как и для чего его применял Йозеф Геббельс, и пойдет речь в этой книге.

Как ни странно, о главном пропагандисте Третьего рейха пишут совсем не часто. И куда реже, чем стоило бы, о нем пишут беспристрастно, отделяя пропагандистский вымысел от правды. В результате же один из опаснейших соратников Адольфа Гитлера, человек, приложивший массу усилий к подготовке и осуществлению самой страшной войны в истории человечества, либо остается в тени, либо выглядит персонажем карикатурным, комическим. Скорее смешным, чем пугающим.

Между тем всем известно, что врага — пусть даже и ныне покойного — не воспринимать всерьез просто опасно. Тем более такого врага, чье оружие остается действенным даже после его смерти. И, заметим, еще более действенным именно после смерти. Забыть об этом было бы серьезнейшей ошибкой.

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС И ПАРТИЯ. ПУТЬ НАВЕРХ

Злу присуща вечная молодость.
Каждый раз оно приходит, как в первый раз.
Потому что некому помнить, как оно выглядело прежде.

С. Лурье

Я сыт по горло нашей партией.
Й. Геббельс. 20 Января 1926

Мало какой период в истории Германии может похвастаться таким количеством ярких событий, как рубеж девятнадцатого и двадцатого веков. Казалось, что время сжалось. Собственно, вот еще и Германии - то никакой нет. Но вдруг что - то резко меняется. Мгновенно проносятся три победоносные войны Пруссии против Дании, Австрии, и Франции. И вот уже в Зеркальном зале Версальского дворца на страх французам, да и всему остальному миру, прусский король провозглашается германским императором. Чопорный канцлер оглашает документ, предвещающий населению новорожденной империи жизнь в условиях мира, благосостояния, свободы и цивилизации. Проходит немного времени, нет уж того императора, а новый торопливо отправляет в отставку канцлера, любителя действовать «железом и кровью». Германская империя начинает проводить настолько активную внешнюю политику, что ее результатом становится одна из самых кровопролитных войн в истории человечества. А еще через некоторое время империя, побежденная и сломленная, перестанет существовать, превратившись в аморфную и непрочную республику.

Именно во время существования Веймарской республики происходят огромные изменения в мировосприятии немцев. От размышлений на тему, как не умереть от голода в условиях безработицы и жесточайшего кризиса, население Германии переходит к осмыслению роли родной страны в мировой политике. Осмысляет оно, правда, не совсем само. Самые разные политические силы, самые талантливые ораторы пытаются доказать, что именно их схема развития фатерланда является единственно верной. На свою беду, страна пошла за самыми напористыми и самыми убедительными. Поддержка промышленных кругов, денежные вливания из самых разных источников, щедрые посулы и последовавшее за ними народное одобрение — и вот уже строится в Германии третья по счету империя. Но одновременно с ней растет структура, ничуть не уступавшая по степени могущества Третьему рейху, ее породившему. Речь идет о системе управления пропагандой. В этой своеобразной империи был свой правитель, тот, кто ее, собственно, создал и руководил ею до самого конца: человек, лично преданный фюреру, умный, нестандартно мыслящий, трудоголик, настоящий профессионал. Окажись он хоть немного менее профессиональным, и, возможно, судьба Германии сложилась бы несколько иначе. Но рейхсляйтер, имперский руководитель пропаганды, глава Имперского министерства просвещения и пропаганды, президент Имперской палаты культуры, государственный президент Берлина и, наконец, преемник Гитлера на посту имперского канцлера Йозеф Геббельс прекрасно знал свое дело.

Отношения будущего имперского министра с НСДАП и лично с Гитлером сложились далеко не сразу. Начнем с того, что Геббельс был изначально чужд национал–социалистическому движению по очень многим показателям. Маленького роста, темноволосый, с горящим взглядом умных темных глаз, хромой — результат перенесенного в детстве полиомиелита, — он, казалось, всем своим обликом взялся показать свою чужеродность движению, возводившему на пьедестал «истинных германцев». «Древний германец, высохший и охромевший от древности», «Мефистофель»[1] — вот лишь некоторые прозвища, которыми наградят его товарищи по партии. Современные историки не забудут присовокупить: «колченогий, тщедушный, большеголовый, с яркими признаками физического вырождения». Дни, когда ему надо было пройти перед выстроившимися воинами на им же самим организованных торжествах, становились днями его кошмара. Забегая вперед, следует сказать, что впоследствии, добившись высокого положения в

[1] *Брамигтедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. Ростов–на–Дону, 2000. Стр. 6.

партийной иерархии, Геббельс будет находить горькое удовлетворение в осознании своего интеллектуального превосходства над теми, кого он называл «изумительным человеческим материалом»[2].

Не лучше обстояли дела с военным прошлым. В движении национал–социализма очень многое, особенно поначалу, строилось на осознании принадлежности к фронтовому братству. Самым верным в идеологическом плане образом члена НСДАП был образ солдата, проливавшего свою кровь на фронте, в то время как демократы «наносили Германии удар в спину». Геббельс честно приходил на призывной пункт вместе с шестнадцати- и семнадцатилетними одноклассниками, желавшими пойти на фронт добровольцами. Окажись он участником этой войны, он получил бы полное право заявить: «Мне нравятся в качестве товарищей… простые, прямые, сильные люди… Все говорят мне "ты", и я всем говорю "ты", совсем как на поле битвы или в окопах… Именно это должен обрести наш фатерланд. Не все кругом равны, но все — братья»[3]. На призывном пункте его признали негодным к военной службе в связи с увечьем.

Образовательный уровень, благодаря которому Геббельс выгодно отличался от товарищей по партии, казалось, тоже должен был сослужить ему плохую службу. Докторская степень могла стать серьезной помехой в партии, где зачастую ставился знак равенства между понятиями «интеллектуал» и «еврей». Постоянную рефлексию, одолевавшую Геббельса и, возможно, являвшуюся следствием всех вышеперечисленных факторов, тоже смело можно отнести к тем признакам, которые теоретически должны были отдалить его от НСДАП. Действительно, для товарищей по партии, привыкших действовать, а не рефлексировать, он так и не смог стать своим:

«Темпераментная личность Геббельса производила большое впечатление на аманнов[4], розенбергов[5] и федеров[6], они восхищались его молниеносными действиями и бесконечным числом идей, которые генерировал его мозг. Он даже внушал им некоторый трепет, но теплых чувств точно не вызывал. Чутье подсказывало им, что он не одной с ними породы, на их взгляд, он не был нацистом чистой воды. Поэтому его никогда не принимали за своего»[7].

---

[2] *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». Москва. 2004. С. 114.

[3] Goebbels J. Michael. Ein Deutsches Schicksal in Tagebuchblaettern. Munich, 1929. Цит. по: Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 51.

[4] Аманн Макс (24.11.1891–30.03.1957), партийный деятель, рейхсляйтер, обергруппенфюрер СС. После прихода нацистов к власти сосредоточил в своих руках руководство германской прессой, превратив издательство «Эхер ферлаг» в крупнейший в мире газетный концерн. Занимал посты президента Имперской палаты печати и президента Германского объединения издателей газет. В 1948 году был приговорен к 10 годам рабочих лагерей. Был освобожден в 1953 году.

[5] Розенберг Альфред (12.01.1893–16.10.1946), партийный деятель, руководитель оккупационного режима на захваченных территориях СССР, рейхсляйтер, обергруппенфюрер СА. В 1933 возглавил Внешнеполитическое управление НСДАП. Являлся уполномоченным фюрера по вопросам морально–философского образования НСДАП, по вопросам Германского рабочего фронта и всех связанных с ним организаций. Автор теоретической работы по обоснованию национал–социализма «Мифы 20–го столетия». Был приговорен трибуналом в Нюрнберге к казни через повешение.

[6] Федер Готфрид (27.01.1883–24.09.1941), один из основателей нацистской партии, вместе с Гитлером, А. Дрекслером и Д. Эккардом был автором «Двадцати пяти пунктов» — программы НСДАП. В 1933 был назначен статс–секретарем Имперского министерства экономики. Пытался развить свою антикапиталистическую программу. В 1934 был уволен из министерства и назначен имперским комиссаром по ценам. Впоследствии рассматривал Третий рейх как «измену революции».

[7] *Курт Рисс.* Геббельс. Адвокат дьявола. Москва. 2000. С. 84.

Окружающих раздражали его манеры «наполовину офранцузившегося ученика иезуитской школы», пугали «поверхностная диалектика, латынь и дикция, остроумие и леденящая ирония»[8]. Казалось бы, о какой партийной карьере может идти речь, если тебя отвергают товарищи по партии. Однако, вопреки всему, Геббельс сумел выбраться наверх и занять одно из самых ответственных мест в партийной иерархии. Он обошел многих из тех, кто по духу идеально соответствовал национал–социализму. Он врос вместе с партией в государственную систему, подчинив себе все то, что подпадало под определение «просвещение и пропаганда». Слияние оказалось настолько полным, что, когда погибло государство, погиб и он сам.

О том, как будущий министр пропаганды пришел в НСДАП, существует несколько версий. Первая, наиболее «причесанная», принадлежит самому Геббельсу. По этой версии «для народа» выходило, что, впервые услышав фюрера в 1922 году, он настолько проникся высказанными им идеями, что более не испытывал никаких сомнений относительно своего предназначения:

«Я с трудом осознал, что кто‑то поднялся на трибуну и стал говорить, вначале с некоторым колебанием, как бы подыскивая слова поточнее, чтобы выразить величие мысли, которой были тесны рамки обычного языка. Потом вдруг речь обрела невиданную силу. Я был захвачен, я вслушивался… Толпа встрепенулась. Осунувшиеся серые лица озарила надежда. Кое–где люди потрясали кулаками. Сосед расстегнул воротник и утирал пот со лба. За пару мест от меня старик офицер плакал как дитя. Меня бросало то в жар, то в холод. Я не понимал, что происходит, это было похоже на канонаду… Я не мог сдержаться, я закричал: "Ура!" И никто не удивился. Человек, стоявший наверху, встретился со мной взглядом. Его голубые глаза словно зажгли меня. Это был приказ. В это мгновение я переродился… Теперь я знал, каким путем мне идти…»[9]

На деле приход Геббельса в НСДАП был гораздо прозаичнее. До того как получить в 1924 году партийный билет № 8762, он много чего перепробовал. Попытка прокормиться частными уроками не принесла ничего, кроме разочарования. Место биржевого служащего в одном из отделений «Дрезденер–банка», может, и было более приемлемым в плане заработка, однако не приносило творческого удовлетворения, скорее иссушало. Первый журналистский и ораторский опыт пришел лишь после того, как Геббельс поступил на службу к Францу Вигерсхаузу, депутату от мелкой правоэкстремистской партии «Народная свобода». Выступая время от времени на собраниях, а также участвуя в выпуске партийной газеты, тогда еще никому не известный секретарь Вигерсхауза набирался опыта в том, что касалось ведения полемики и журналистской деятельности. На этих же собраниях произошла первая встреча с представителями НСДАП. Сложно сказать, что повлияло на решение Геббельса предложить в 1923 году свои услуги достаточно влиятельному в среде нацистов политическому деятелю Карлу Кауфманну[10]. Скорее всего, оно созрело в том числе и под влиянием карьерных устремлений. Кауфманн, в свою очередь, сообщает о проявленной инициативе братьям Грегору и Отто Штрассерам, которых на тот момент смело можно было

---

[8] Albert Krebs in The Infancy of Nazism: The Memoirs of Ex‑Gauleiter Albert Krebs 1923–1933, William S. Allen, ed. (New York: 1976), pp. 191—205. Цит. по: *Герцштейн Р. Э.* С. 59.

[9] Albert Krebs in The Infancy of Nazism: The Memoirs of Ex‑Gauleiter Albert Krebs 1923–1933, William S. Allen, ed. (New York: 1976), pp. 191–205. Цит. по: Герцштейн Р. Э. С. 31.

[10] Кауфманн Карл Отто Курт (10.10.1900–4.12.1969), партийный деятель, обергруппенфюрер СС. Участвовал в Первой мировой войне, служил в пехоте и авиации. Вступил в НСДАП в 1921 году. Являлся одним из создателей нацистской организации в Руре. С 1925 по 1928 год был гауляйтером Рура. Исключался из НСДАП за растрату партийных средств. Вскоре, однако, был восстановлен. С 1929 по 1945 год — гауляйтер Гамбурга. С 1942 года — имперский комиссар морских перевозок. В 1948 году был осужден английским судом на 18 месяцев тюремного заключения. Освобожден по состоянию здоровья.

отнести к ближайшему окружению Гитлера[11]. Так Геббельс стал одновременно секретарем в партийном бюро Кауфмана и заместителем редактора газеты «Национал–социалистише брифе», начавшей выходить с 1925 года.

На этих должностях, он настолько хорошо зарекомендовал себя, что Грегор Штрассер сделал его к тому же своим личным секретарем, уволив с этой должности (вот ведь как тесен мир) другого молодого человека по имени Генрих Гиммлер, не справлявшегося со своими обязанностями[12]. Кто знает, как сложилась бы судьба молодого партийного деятеля дальше, не разойдись пути Гитлера с братьями Штрассерами. Суть разногласий заключалась в том, какое понятие считать решающим в названии партии: «национализм» или «социализм». Грегор был сторонником «социалистической» ориентации НСДАП. Он и его приверженцы выступали за национализацию тяжелой промышленности и крупных поместий. Крайнее неудовольствие Гитлера, в частности, вызвало выступление Штрассера в рейхстаге с поддержкой законопроекта, выдвинутого коммунистами и социалистами и содержащего требования экспроприации собственности бывших германских монархов. Гитлер, много чем обязанный крупному капиталу, напротив, не спешил с национализацией, сетуя на то, что с этим словом — «социализм» в названии партии «сплошные проблемы». А на вопрос Отто Штрассера, что следует делать с Круппом, давал весьма категоричный ответ: «Конечно, я оставлю его в покое… Не считаешь ли ты меня сумасшедшим, способным разрушить великую германскую промышленность?» [13] У Штрассеров, впрочем, были насчет германской промышленности собственные планы. На воплощение этих планов Геббельс бросил всю свою энергию, все силы и… перестарался. Читатели «Национал–социалистише брифе» приняли его за скрытого коммуниста. Да и как было не принять, читая, например, такое: «Мы не достигнем успеха, если будем учитывать интересы только имущих и образованных слоев населения. Но мы добьемся всего, если обратимся к обездоленным и голодным массам»[14]. Не так уж и неправы были эти читатели. Идеи социализма не были для Геббельса чем‑то чуждым. Большевистская Россия и, в частности, Ленин вызывали у него если и не горячую любовь, то по крайней мере симпатию. Сам он, впрочем, впоследствии утверждал, что изначально искал социализм национальный, поскольку интернациональный аспект марксизма не удовлетворял его патриотического настроя. Доказательства каждый желающий мог получить, обратившись к роману «Михаэль», с главным героем которого Геббельс себя во многом отождествлял:

«Я вижу перед собой новое отечество. Теперь учусь любить его. И чем более позорным оно мне представляется, тем сильнее становится моя любовь к нему. Если я вижу новых людей, то стараюсь определить, немцы ли они. Хотел бы, чтобы моя душа принадлежала отечеству. В мыслях и желаниях страна моя для меня — мать. Не будем закрывать глаза на ее недостатки и упущения. Ведь мы должны любить их, поскольку эти недостатки и упущения — наши. Новый национализм — это будущее Германии, а не реставрация разрушенного прошлого. Что такое национализм? Мы стоим за Германию, так как мы немцы, а Германия — наше отечество, немецкая душа — наша душа, ибо все мы

---

[11] Позднее пути Гитлера и братьев Штрассеров разойдутся. Грегор, ставший в 1923 году, после провала Пивного путча, фактическим лидером НСДАП, попытался занять место единоличного руководителя партии. Воспользовавшись своей депутатской неприкосновенностью, он избежал заключения в тюрьму и начал проведение широкомасштабной кампании по «выдавливанию» Гитлера из нацистского движения. Выражалось это в том, что его протеже получили доступ почти ко всем влиятельным постам в нацистской партии. Фактически именно Штрассер сформировал из баварской партии общегерманскую.

[12] *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р* . Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. С. 21.

[13] *Отто Штрассер* . Гитлер и я. М. 2005. С. 165.

[14] Цит. по: *Курт Рисс* . Геббельс. Адвокат дьявола. С. 43.

частица немецкой души. Ненавижу болтунов, которые слова "отечество" и "патриотизм" произносят втуне»[15]. Справедливости ради следует заметить, что данное произведение, хотя и писалось между 1921 и 1924 годами, опубликовано было с ведома и под покровительством нацистов лишь в 1929 году. Естественно, что к этому времени текст подвергся редакции со стороны Геббельса и главный герой из мечтателя и юного патриота, для которого национализм имел исключительно абстрактно–идеалистическое значение, превратился в убежденного национал–социалиста, жертвующего своей жизнью в борьбе против французов, оккупировавших Рурскую область.

В отличие от своего литературного альтер эго Геббельс весьма долгое время мог с полным правом считать себя оппозиционером по отношению к национал–социалистическому движению в том виде, в каком его замыслил Адольф Гитлер. Выступая на совещаниях и митингах, он высказывал прямо противоположные Гитлеру суждения, касающиеся большевизма, России и будущего партии; вместе со Штрассерами планировал изменения в партийном уставе, подразумевая, что Гитлеру вот–вот придется отойти от дел: «Мы будем навещать его раз в году и будем с ним очень любезны»[16]. Впоследствии, именно Геббельс станет инициатором того, чтобы «мелкого буржуа Адольфа Гитлера» вообще исключили из партии. Раскол в отношениях между Мюнхеном и северогерманской группировкой Штрассера становился все глубже с каждым месяцем. 14 февраля 1926 года Гитлер и другие партийные деятели, в том числе Геббельс, приняли участие в конференции в Бамберге, где Штрассер и его сторонники очутились почти в полной изоляции. Тем не менее они вступили в полемику с Гитлером и оказались буквально смяты, правда, не доводами, а эмоциями и напором.

Состояние Геббельса на тот момент можно было бы охарактеризовать одним словом — смятение. Ему, привыкшему к аналитическому подходу, было понятно, что Гитлер обходит многие вопросы стороной и говорит вещи, кажущиеся нелепыми. Но как говорит! Наивно было бы предполагать, что человек, привыкший агитировать других, сам сразу и безоговорочно поддался чужой пропаганде. Скорее, он интуитивно почувствовал, за кем сила. Дальнейшие события наглядно продемонстрировали, за кем деньги и за кем, наконец, власть. Уже 5 марта Грегор Штрассер, оказавшийся в меньшинстве, вынужден будет «покаяться», заявив о своем отказе от изменения программы НСДАП. А 10 июня Геббельс напишет в своем дневнике с оттенком снисходительности: «Штрассер подозревает, что я пойду на компромисс с Мюнхеном. Я разубеждаю его в этих глупых выдумках… Д–р Штрассер эмоциональный, симпатичный человек. Пока еще наполовину марксист. Но фанатик. Это уже кое‑что… Добродушный, нуждающийся в поддержке… Я его порой очень люблю»[17]. Любви хватило ненадолго. Через два дня в дневнике появится еще одна запись: «Я хотел бы уже, чтобы Гитлер призвал меня в Мюнхен… Все канальи, включая меня…»

В конце марта 1926 года Геббельс был приглашен в Мюнхен для участия в партийном митинге. Его противоречивая натура наконец‑то оказалась полностью удовлетворена. Геббельс — расчетливый циник мгновенно учуял запах денег и усмотрел возможности для неограниченного карьерного роста. Геббельс — творческая личность осознал, что вряд ли какая еще обстановка позволит ему найти более полную возможность для самовыражения. Геббельс — неуверенный в себе мечтатель наконец‑то нашел то, чего ему всегда не хватало: веру. Ведь в Гитлере харизмы и веры с избытком хватало на всю Германию. Какая

---

15 Goebbels J. Michael. Ein Deutsches Schicksal in Tagebuchblaettern. Munich, 1929. Цит. по: *Джордж Моссе* . Нацизм и культура. Идеология и культура национал–социализма. М. 2003. С. 138.

16 Цит. по: *Курт Рисс* . С. 47.

17 *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 62.

именно из этих ипостасей захватила над ним власть в данный конкретный период, сложно сказать. Скорее всего, он наконец‑то пришел к гармонии. Оставалось лишь отречься от старых убеждений, даже не отречься, а лишь подкорректировать их. Это было проделано очень быстро и без колебаний. Время критического отношения к вождю НСДАП ушло в прошлое безвозвратно.

«Гитлер говорит о политике, идее и организации. Глубоко и мистично. Почти как Евангелие… Грудь полна верой. Германия пробуждается»[18].

Гитлер, со своей стороны, углядел в Геббельсе огромный потенциал. Чем еще можно объяснить назначение его на пост гауляйтера Берлина, последовавшее в конце октября?

Задача перед новым гауляйтером была поставлена необыкновенно сложная: формирование крепкой нацистской ячейки в практически красном Берлине. На тот момент на весь город с трудом можно было набрать 1000 членов партии, зато высокую активность проявляли социалисты и коммунисты. Геббельс взялся за дело с таким пылом, что и без того немногочисленная нацистская партия потеряла еще 200 человек. Казалось бы, полный провал. На деле вышло иначе. С самого начала гауляйтер понял, что необходима прочная основа, на базе которой возможно дальнейшее развитие. Пускай потеряно какое‑то количество народа, зато оставшиеся члены НСДАП будут организованы так, что потери не почувствуются. Намного позже в своей речи он сформулирует свое видение того, что есть правильная организация:

«В жизни людей организация играет решающую роль. В ее задачу входит формирование человеческих групп в сообщества, с тем чтобы целеустремленно и успешно вывести их на стартовую позицию. Таким образом, организация является средством и, как говорится, неизбежным злом. Правильно осуществленная, она способствует сокращению и упрощению пути к успеху, будучи временами единственным путем к нему. Вместе с тем она способна ограничивать и удерживать в необходимых рамках естественное развитие событий, особенно если они отклоняются от необходимого направления и становятся самоцелью»[19].

«Правильное осуществление» новоиспеченный гауляйтер начал с того, что упорядочил поступление партийных средств. Вторым шагом стало проведение массовых собраний, имевших большой идеологический эффект. Третьим стало то, что он заручился согласием Гитлера на активное использование подразделений СА для организации уличных боев с коммунистами, справедливо полагая, что мощь организации лишь возрастет, если направить силы не на внутренние разборки, а на борьбу с внешним врагом.

Начиналась совсем другая жизнь. Штрассерам и их сторонникам не было места в ней. Однако Грегор, несмотря на то что его позиция была отвергнута большинством партии, пока еще оставался крупнейшим партийным деятелем[20]. Его отношения с Геббельсом, и так далекие от идеальных, после отступничества последнего обострились до крайности. Растущая личная неприязнь подпитывала обоих в идеологическом противостоянии. Дошло до того, что в штрассеровской газете появилась сугубо «научная» статья: «Результаты смешения рас». Автор статьи со всей определенностью доказывал, что «люди с изуродованными ногами — подозрительные субъекты». В качестве примеров вспоминались горбатый и хромой Ричард III, калека–шут Людовика XIII, а также Талейран с его больными ногами. «Довольно примеров, — говорилось дальше в указанной статье. — Все они

---

18 Там же. С. 62.

19 Из выступления Геббельса на ежегодном конгрессе палаты культуры совместно с организацией «Сила через радость» в Берлине 26 ноября 1937 года. Цит. по: *Джордж Моссе.* Нацизм и культура. Идеология и культура национал–социализма. М., 2003. С. 195.

20 С конца 1926 года Грегор Штрассер являлся гауляйтером Нижней Баварии — Оберпфальца и одновременно имперским руководителем пропаганды НСДАП.

показывают нам, к каким ужасающим результатам приводит смешение рас, дегенерация рас. Лица с физическими и духовными недостатками, обусловленными их расовым происхождением, правда, нередко обладают качествами и способностями, которые вначале подкупают в их пользу; но эти достоинства подобны вспыхиванию электрической лампочки перед коротким замыканием тока и наступлением постоянной темноты. Это — всегда смышленые, но безмерно честолюбивые, бесчувственные эгоисты, приносившие до сих пор народу только вред»[21].

Подобные прозрачные намеки, казалось бы, требовали хоть какого-то вмешательства партийных высших инстанций. Однако Гитлер уже в то время был верен своему принципу формирования структуры власти с учетом поощрения борьбы компетенций. Он хранил возвышенное молчание, в то время как усиливался конфликт между недавними союзниками. Конфликт, выразившийся, в частности, в том, что Геббельс стал выпускать газету Der Angriff, старательно игнорируя имевшуюся Berliner Arbeiter Zeitung, под редакцией О. Штрассера. Да и зачем было вмешиваться: Геббельс по мере сил осторожно ослаблял позиции Штрассера, при этом отлично выполняя свои обязанности гауляйтера.

Может показаться странным, что в рамках партии не проводилось первоначально каких-то более решительных мероприятий, направленных на ликвидацию штрассеровских сторонников. На самом деле ничего странного и нелогичного в этом не было. Представая в красных городах социалистом, Гитлер добивался тем самым роста популярности в среде рабочих. Достаточно интересное тому подтверждение можно найти в воспоминаниях Альберта Шпеера[22], в частности, в его высказываниях по поводу выборов в рейхстаг, проходивших в 1930 году:

«14 Сентября состоялись выборы в рейхстаг, которые только потому и запомнились мне, что их результат крайне взволновал моего отца. Национал–социалистическая рабочая партия Германии получила в рейхстаге 107 мест и неожиданно стала главной темой политических дискуссий. Этот непредвиденный успех на выборах вызвал у моего отца самые мрачные предчувствия, которые прежде всего были направлены против социалистических тенденций партии, недаром его уже раньше тревожила сила социал–демократов и коммунистов»[23]. Получается, что для обывателя достаточно просто было поставить знак равенства между национал–социалистами и коммунистами. Задачей партии и, в частности, Геббельса стало изменить знак равно на знак больше, показав дополнительные возможности НСДАП.

Гауляйтер Берлина взялся за эту работу с необыкновенным рвением. Он интуитивно понимал, что индивидуум и толпа — это совершенно разные существа. Берлинец образован, рассудочен, скептичен. Ему сложно принять что бы то ни было на веру. Толпа совсем иная. Ее характеризуют такие свойства, как «импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенная чувствительность»[24]. Чьим вниманием завладеть легче? Конечно, толпы! А раз так, то все методы пропаганды должны выстраиваться именно с учетом подобной направленности. Не следует опасаться, что они окажутся слишком грубы и примитивны. Те, кого они будут поначалу шокировать, проникнутся ими, следуя за большинством.

---

21 *Конрад Гейден.* Путь НСДАП. Фюрер и его партия. М., 2004. С. 286.

22 Альберт Шпеер (1906–1981) — известный деятель Третьего рейха, руководитель военной промышленности в 1942–1945 гг. Был осужден Нюрнбергским трибуналом.

23 *Альберт Шпеер.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 47.

24 *Гюстав Лебон.* Психология народов и масс. СПб, 1995. С. 166.

«В толпе идеи, чувства, эмоции, верования — все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы. Это явление вполне естественное, и его можно наблюдать даже у животных, когда они находятся в стаде. Паника, например, или какое‑нибудь беспорядочное движение нескольких баранов быстро распространяется на целое стадо. В толпе все эмоции так же точно быстро становятся заразительными, чем и объясняется мгновенное распространение паники. Умственные расстройства, например безумие, также обладают заразительностью»[25]. И Гитлер, и Геббельс не занимались теоретическими изысканиями. Им это было не нужно. Методику превращения общества в толпу и управления ею они осваивали на практике, быстро и успешно. То, как следует действовать в каждый конкретный момент, им безошибочно подсказывала интуиция.

Толпа любит зрелищность — что ж, она получит ее. Что может быть выразительнее, чем шествие национал–социалистов со знаменами в руках через коммунистические кварталы Берлина? Толпа любит демонстрацию силы? Будет и это. На одном из митингов коммунисты вынуждены были спешно ретироваться, несмотря на численное превосходство, поскольку их оппоненты из НСДАП использовали в качестве аргументов бутылки, стулья и пивные кружки. Интеллигентные берлинцы ужаснулись, но «большой берлинец»[26], созданный воображением Геббельса, отреагировал совсем иначе.

Через несколько дней после этого случая численность партии выросла на 2600 человек[27]. Гауляйтер понял, что он на правильном пути. Его действия становились все более агрессивными и нарушающими закон. Наконец отреагировала берлинская полиция. Деятельность местного отделения НСДАП оказалась под запретом на 11 месяцев. Однако Геббельс не был бы Геббельсом, не найди он обходные пути. В Берлине стали вдруг появляться самые странные общества, как то: «Клуб хранения лишних денег», «Общество любителей игры в шар», «Клуб любителей плавания при высокой волне», «У тихого озера», «Чудесный желудь», «Перелетные птицы 27–го года». Нет нужды говорить, что за каждым названием скрывалось несанкционированное объединение членов НСДАП. Официальный запрет на деятельность партии несколько обеднил жизнь Геббельса–оратора, но оказался только на руку Геббельсу–публицисту. Был проведен целый ряд мероприятий, призванных выставить гонителей НСДАП в самом черном цвете. В частности, заместитель начальника берлинской полиции Вайсс, проявивший излишнее, по мнению Геббельса, служебное рвение, надолго привлек к себе самое пристальное внимание гауляйтера. Со страниц Der Angriff не сходили язвительные статьи в адрес того, кого сам автор, представляя чудовищем, считал, в сущности, «безвредным идиотом»[28]. За оскорбления Геббельс был приговорен к трем неделям тюремного заключения. Впрочем, отсидеть их не довелось.

Запрет на деятельность НСДАП в Берлине был снят как раз незадолго перед выборами в рейхстаг. Из‑за ограниченных сроков Геббельс вынужден был проявлять бешеную активность. Он кочевал из одного переполненного зала в другой. Выступал перед толпами, в свободное время писал передовицы и снова выступал. Он был в восторге от своей предвыборной пропаганды и от себя самого. Выборы не принесли НСДАП ожидаемого успеха, однако для Геббельса неудача обернулась триумфом. Пускай партии принадлежало 12 из 491 места в рейхстаге, зато одно из этих двенадцати мест — его. Выборы принесли с собой депутатскую неприкосновенность и защиту от тюрьмы. Они позволили почувствовать

---

25 *Гюстав Лебон.* Психология народов и масс. СПб, 1995. С. 241.

26 Как тут не вспомнить бессмертного Ходжу Насреддина с его «большим бухарцем»!

27 *Штурм власти.* Пер. с англ. М. Иванова. М., 1997. С. 28.

28 *Брамштедте Г., Френкель Р., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. С. 66.

свою полную безнаказанность. Деятельность свежеиспеченного депутата стала наглядным подтверждением того факта, что республика медленно убивала сама себя, опираясь на собственные законы.

В Der Angriff по этому поводу появится саркастическое высказывание: «Я вовсе не член рейхстага. Я лишь обладатель иммунитета, я обладатель бесплатного проездного билета, я тот, который поносит "систему" и получает за это благодарность республики в виде 750 марок ежемесячно»[29].

Дезорганизирующие задачи, которые поставила перед собой на тот момент НСДАП, не ограничивались, конечно, лишь парламентской борьбой. В ход шли и такие проверенные временем методы, как факельные шествия и массовые митинги, все то, что не дает остаться одному, анализировать или хотя бы просто задуматься. Геббельс не раз имел возможность убедиться в успешности этих старых методов. Любой, самый разумный человек в одночасье теряет свой скептицизм и критическое восприятие действительности, если он, пускай даже и вынужденно, существует некоторое время в ритме окружающей его толпы. Обратимся снова к воспоминаниям одного из самых здравомыслящих иерархов Третьего рейха, — Альберта Шпеера:

«Через несколько недель после выступления Гитлера, речь которого произвела на меня сильное впечатление, друзья уговорили меня сходить на манифестацию во Дворце спорта. Там выступал берлинский гауляйтер Геббельс. Сравнить нельзя с Гитлером, совершенно иное впечатление: фразы, из которых каждая поставлена на выигрышное место и четко сформулирована, бушующая толпа, обуреваемая все более фанатичными взрывами восторга и ненависти, адский котел выпущенных на свободу страстей, сравнимых лишь с теми, какие мне доводилось испытывать ночами шестидневной регаты. Все это внушало мне отвращение. Положительный настрой, в котором я находился под воздействием речей Гитлера, стал проходить, если вообще не пропал.

Дворец спорта опустел, толпа медленно текла вниз по Потсдамштрассе. Исполнившись отваги под воздействием Геббельса, люди демонстративно заняли всю мостовую, перекрыв движение машин и трамваев. Поначалу полиция отнеслась к этому вполне спокойно, возможно, она просто не хотела дразнить толпу. Однако в боковых улочках уже ждали конные отряды и стояли наготове грузовики с дежурными командами. Конная полиция с резиновыми дубинками наготове врезалась в толпу, чтобы расчистить проезжую часть. В смятении я следил за происходящим. Мне никогда еще не приходилось видеть, чтобы полиция применяла силу. Но одновременно я ощутил, как дух противоречия, перемешавшись с сочувствием, породил во мне сознание причастности, которое не имело под собой политической подоплеки. По сути, ничего необычного не произошло. Даже раненых — и тех не было. Но спустя несколько дней я подал заявление в НСДАП и был принят в январе 1931 года, партийный билет № 474 481».[30]

Что тут еще сказать! Осуществился мгновенный переход от скептицизма и неприятия к сопричастности и поддержке. Получается, что даже кратковременное пребывание в «ритме толпы» способно оказать сильнейшее воздействие. Возможно, кому-то данный постулат покажется спорным. Возможно также, что больше, чем Геббельса, «благодарить» за успехи НСДАП следует тогдашнее правительство с его непоследовательной политикой. Возможно. Факт остается фактом: число сторонников партии постоянно возрастало.

Гитлер был необыкновенно доволен. Он постарался по достоинству оценить труды своего гауляйтера, отдав ему вожделенный пост руководителя пропаганды, который до сего момента занимал Грегор Штрассер. Впоследствии, когда Третьему рейху останется жить буквально несколько дней, Геббельс вспомнит эти дни в разговоре с фюрером. С горьким

---

[29] Der Angriff, 22.04.1928; 28.05.1928. Цит. по: *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. С. 72.

[30] *Альберт Шпеер.* Воспоминания. С. 50.

удовлетворением он отметит, что Гитлер явно не в полной мере осознавал, какой замечательный пропагандист мог бы сопровождать партию буквально с первых ее шагов:

«Он (Гитлер) сказал мне, например, что, конечно, поставил бы меня во главе всей партийной пропаганды с превеликим удовольствием еще в 1922 году, если бы знал меня тогда; но тогда он просто не имел представления о моем существовании. Поэтому глупо было бы и спрашивать, почему я не руковожу партийной пропагандой с 1922 года. Человека можно познать, только общаясь с ним»[31].

ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА. А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Моя партия — моя церковь.
Й. Геббельс. 16 октября 1928

С 9 января 1929 года новый глава стал выполнять свои обязанности на посту имперского руководителя пропаганды в системе имперского руководства НСДАП[32]. Переехав по адресу: Постшлитцфах, 80, где, собственно, и располагалось Ведомство имперского руководства пропагандой, Геббельс со всем пылом взялся за «воплощение воли фюрера в самых различных вопросах».

Спустя 4 года, когда он станет министром, большинство функций ведомства будет передано министерству пропаганды, а центральное ведомство в системе Имперского руководства НСДАП превратится в дублирующую региональную службу пропаганды и станет служить местом ссылки для неудобных партийных функционеров. Однако даже в таком «урезанном» виде оно будет поражать воображение обилием поставленных перед ним задач. Что уж говорить о том времени, когда министерства еще не было и в помине? Геббельсу приходилось рассматривать вопросы, зачастую не только не связанные между собой, но и вообще имеющие мало отношения к информационной политике. Вот лишь некоторые из функций, осуществлявшихся ведомством:

1) единое руководство пропагандой всех подразделений и присоединенных формирований НСДАП;
2) руководство транспортным отделом с государственным автопоездом «Германия» и вспомогательным поездом «Бавария», которые использовались для проведения крупномасштабных пропагандистских мероприятий;
3) руководство Главным управлением печатной пропаганды, занимавшимся технической обработкой пропагандистских материалов и отправкой их в национал–социалистическую и другую прессу;
4) организация выставок и ярмарок;
5) контроль за деятельностью партии в отношении пропаганды:

а) управление активной пропагандой с целым рядом дополнительных служб;
6) управление делами кино;
в) управление радиовещанием;

---

[31] Записи от 31 марта 1945 года. Й. Геббельс. Последние записи. Смоленск, 1993. С. 355.

[32] Имперское руководство НСДАП (Reichleitung der NSDAP) — центральный аппарат НСДАП. В разное время наиболее важными его составными частями являлись Политическая организация, а затем Партийная канцелярия. Имперское руководство состояло из главных управлений и служб, большинство из которых возглавлялось рейхсляйтерами.

г) управление культурой[33];

д) координация работ партийных и государственных органов.

Этот период жизни Геббельса, как и последующие, характеризовался колоссальной загруженностью на работе. Утонув в рутине, он, однако, не забывал реализовывать свои карьерные амбиции, действуя жестко и без сантиментов.

Не прошло и года, как судьба вновь столкнула его с окончательно впавшими в немилость братьями Штрассерами. Произошло это при довольно драматичных обстоятельствах. Именно Геббельсу было суждено сыграть одну из ключевых ролей в процессе выведения из игры ставших неудобными бывших соратников.

Началось все с того, что внештатных работников, находившихся в подчинении у Отто Штрассера, стали под разными предлогами исключать из партии. Политический конфликт между Гитлером и Штрассерами назрел давно. Пока, правда, Гитлер сыпал угрозами, не предпринимая каких‑то официальных действий. Так долго продолжаться не могло. Штрассер ожидал, что рано или поздно последует официальное заявление о разрыве. Возможно, это будет открытое письмо на страницах газет или еще что‑то в этом роде. Время шло. Исключения из партии продолжались. Настала очередь особо ценного сотрудника Штрассера — Рихарда Шапке. Обладая незаурядным журналистским талантом, Шапке не раз позволял себе статьи, где с особой язвительностью отзывался о методах работы Гитлера. Очередная статья спровоцировала исключение Шапке из партии. Штрассер заявил о своей солидарности с соратником и призвал Геббельса провести в Берлине конференцию партийных работников.

Не вполне ясно, на что Штрассер при этом рассчитывал, но, к его огромному удивлению, Геббельс согласился. Второго июля, в назначенный день, Штрассер попытался войти в здание, где намечалась конференция. Дорогу ему преградили шестеро эсэсовцев. Штрассеру был задан вопрос, является ли он жителем данного политического округа, и если нет, то что он делает на партийном собрании, которое не имеет к нему никакого отношения? Напрасно Штрассер кричал, что собрание проводится по его инициативе. Ни он, ни его сторонники так и не попали внутрь здания. Ему оставалось лишь рассуждать о трусости и подлости Геббельса, не имея возможности что бы то ни было предпринять.

Данный инцидент и целый рад других закончился выходом Отто Штрассера из НСДАП в 1930 году. То, что Штрассер был выведен из игры, можно было оценить не только как политическое событие, но и как личную победу Геббельса. Несмотря на то что «Ангрифф» выходил каждый день, а штрассеровское издательство «Кампф» переживало не лучшие времена, его устранение принесло Геббельсу необыкновенное удовлетворение. В дальнейшем ситуация разрешалась уже помимо него. Грегор Штрассер был убит во время «Ночи длинных ножей». Отто избежал подобной участи лишь потому, что хорошо прятался. После того как он решился на открытую конфронтацию с Гитлером и даже создал Союз революционных национал–социалистов (т. н. «Черный фронт»), ему ничего другого не оставалось. На выборах в 1930 году «Черный фронт» провалился, а Штрассер покинул Германию и переехал в Прагу, а затем в Канаду. Реакция Гитлера очень хорошо описана в мемуарах шефа политической разведки Германии Вальтера Шелленберга:

«Гитлер снова помолчал, словно о чем‑то размышляя, и вдруг разразился бешеной тирадой против Грегора и Отто Штрассеров. Грегор величайший предатель и получил по заслугам. Конечно, Отто до него далеко, но как заговорщик он очень опасен, особенно если имеет поддержку чужих правительств. Это обстоятельство и тот факт, что Штрассер прекрасно осведомлен о деятельности нацистов за пределами Германии, делали его грозным врагом.

---

[33] Под управлением понимались самые разные вещи, в частности, художественное оформление различных мероприятий, отбор музыкальных и поэтических произведений для использования на манифестациях, составление программ партийных мероприятий, решение вопросов, связанных с архитектурой, и т. д.

— Поэтому я решил, — сказал Гитлер, — уничтожить Отто Штрассера любыми средствами»[34].

Дальнейшие события напоминали классический шпионский роман. Шелленберг отправился в Лиссабон, поскольку появилась информация, что именно там следует искать Штрассера. В кармане пальто он вез два контейнера с флаконами. Одной капли сильнейшего яда хватило бы на то, чтобы человек скончался в считанные часы от болезни, похожей на тиф. К счастью для себя, Штрассер не появился там, где его искали, и тем самым избежал безвременной кончины. Флакончики были утоплены в море и пребывают там по сей день, а Штрассер до конца существования Третьего рейха находился в постоянной тревоге, поскольку попытки его физического устранения не прекращались.

Меж тем Геббельс продолжал свою деятельность на новом для него посту руководителя пропаганды. Одной из самых главных своих заслуг этого периода он считал то, что сейчас мы называем созданием мифа о фюрере. В данном случае наблюдался достаточно интересный симбиоз Гитлера и его «имиджмейкера». Чем более популярным становился фюрер, тем более прочные позиции завоевывал глава пропаганды, и, в свою очередь, возрастание авторитета Геббельса подхлестывало его в мифотворчестве, связанном с фюрером. Придерживаясь мнения, что средний человек мыслит, как правило, иррационально, Геббельс сделал основную ставку на эмоции и не ошибся. Теоретики пропаганды обозначили бы методы, выбранные им, как методы персонификации и стереотипизации[35].

Персонификация в данном случае проявилась в том, что характеристика политического течения свелась по сути к характеристике его главы — Адольфа Гитлера, который должен был стать близким и родным буквально каждому «Студентам и интеллектуалам предоставлялся Гитлер в качестве художника и архитектора, оторванного от своей учебы в 1914 году необходимостью служить нации. Для особ сентиментальных у Геббельса имелся Гитлер, который питал любовь к детям. Рабочим он подавал Гитлера–рабочего. Перед ветеранами Гитлер представлялся в образе Неизвестного солдата Первой мировой войны»[36]. В более кардинальном своем проявлении метод персонификации сводится к полному слиянию образа лидера с течением, которое он возглавляет.

Однако подобное полное отождествление было опасно тем, что самый незначительный промах лидера тут же могло лечь пятном на все движение в целом. Геббельс прекрасно отдавал себе в этом отчет. Выход был найден им в том, чтобы сделать фигуру лидера вообще неподсудной. Таковой она могла стать в том случае, если бы лишилась человеческих черт и обрела бы черты божественные. В речах Геббельса, в его статьях, все чаще стала появляться чисто религиозная экзальтация. Организуя выступления фюрера в немецких городах, он часто предварял его речи колокольным звоном, полагая, что не следует упускать методы воздействия, наработанные веками.

Впоследствии идея богоподобности Гитлера была подхвачена и другими соратниками по партии. В 1934 году Геринг в речи перед берлинской ратушей заявил: «Все мы, от простого штурмовика до премьер-министра, существуем благодаря Адольфу Гитлеру и через него». В 1938 г. в предвыборных призывах утвердить аншлюс Австрии и одобрить воссоздание Великой Германии говорилось, что Гитлер есть «орудие Провидения», и далее в ветхозаветном стиле: «Да отсохнет рука, которая выведет "нет"». Бальдур фон Ширах присвоил городу Браунау, где родился Гитлер, статус «места паломничества немецкой молодежи». Тот же Бальдур фон Ширах издал «Песнь верных», «стихи сложенные

---

34 *Вальтер Шелленберг.* Лабиринт. М., 1991. С. 169.

35 Стереотипизация — психологическое воздействие с помощью создания иллюзорных стереотипов.

36 *Роберт Э. Герцштейн.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 66.

неизвестными юношами из австрийского Гитлерюгенда в годы гонений с 1933 по 1937 гг.» Там есть такие слова: «…Как много тех, кого ты вовсе не видал, но для которых ты — Спаситель»[37]. В дальнейшем, после прихода НСДАП к власти, политика, направленная на придание фигуре вождя сакральных черт, поддерживаемая государственными механизмами, станет более агрессивной. Она захватит самые разные слои населения и возрастные категории. Достаточно сказать, что питомцы детских садов начинали свой день с молитвы, являвшейся по сути вольным пересказом «Отче наш», где фюрера благодарили за «хлеб наш насущный». Принципиальное отличие «модифицированной» молитвы заключалось в том, что слово «Бог», заменялось на выражение: «Гитлер, мой Гитлер, посланный Богом».

В данном случае Гитлер выступал в качестве Мессии, пришедшего к людям, чтобы «спасти Германию от тяжелейшей нужды».

Тему мессианского служения фюрера будут весьма активно «разрабатывать» в течение всего времени существования Третьего рейха. Однако ни Геббельсу, ни самому Гитлеру так и не удастся использовать весь заложенный в данном методе пропагандистский потенциал. Дело в том, что в Германии с ее развитыми христианскими традициями оказалось необыкновенно трудно создать новое единое религиозное учение, лишенное внутренних противоречий. Подобные попытки предпринимались, но не получали стопроцентного охвата. Что говорить о стране, если даже лидеры национал–социалистического движения не могли договориться между собой окончательно. Например, взгляды Гитлера и Альфреда Розенберга на христианство существенно отличались друг от друга, а ведь оба они являлись творцами «библий», содержавших основы национал–социалистического мировоззрения[38].

Говорить об отношении Геббельса к христианству довольно сложно, поскольку для него, как и для всей верхушки НСДАП, данный вопрос перешел из разряда личных и мировоззренческих в разряд политических. В детстве он молился вместе с мамой, регулярно посещал с ней церковь. Сохранились сведения, что она мечтала о том, что когда‑нибудь ее Йозеф прославит себя как церковнослужитель. Возможно, что мечты эти рухнули после того, как юный Геббельс получил аудиенцию у одного из руководителей Католического общества Альберта Великого. «Мой юный друг, ты не веришь в Господа», — таков был итог многочасовой беседы со священником[39]. Впоследствии, по мере взросления и продвижения по партийной лестнице, в отношении религии у Геббельса доминировал сугубо потребительский подход. Всячески подчеркивая свое отрицательное отношение к христианской доктрине, он не забыл обратиться перед началом войны с СССР к представителям евангелической церкви, ища у них поддержки: «Быть может, мы обратимся к немецкому епископату… чтобы он благословил эту войну как дело богоугодное»[40]. О далекой, детской вере он вспоминал один раз в год, сентиментально отдавая дань традиции, радуясь Рождеству, прославляя «народный рождественский праздник». Уже будучи министром, он никогда не забывал самолично одаривать подарками сотрудников и их детей. Однако Христу не было места в душе, где все больше утверждался Гитлер. Даже шеф политической разведки В. Шелленберг в своих воспоминаниях сетовал на то, что чересчур активная антицерковная политика Геббельса способна была лишь повредить имиджу Германии за границей:

«В течение 1943 года я очень часто ссорился с Геббельсом по вопросу отношения к церкви. Я предупредил Гиммлера, чтобы он не оказался втянутым в антицерковную

---

37 *Клемперер В.* Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 147.

38 Имеются в виду «Моя борьба» и «Мифы 20 столетия».

39 *Курт Рисс.* Геббельс. Адвокат дьявола. М., 2000. С. 19.

40 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М., 2004. С. 340.

кампанию, которую вели Геббельс и Борман, поскольку Гиммлер как вероятный преемник Гитлера потерял бы в будущем всякое уважение за границей, если бы позволил вовлечь себя в эту кампанию»[41].

Отойдя от христианской веры, Геббельс ни в коем случае не отошел от веры вообще. Более того, он был ею буквально пропитан.

Существует мнение, что хороший пропагандист может убедить кого хочешь в чем хочешь, внутренне дистанцируясь от собственных утверждений, но отличный пропагандист проникнется ими в первую очередь сам. Убедив себя в своей правоте, он сможет творить чудеса. Геббельс был отличным пропагандистом. В конце войны масса народа вопреки разуму верила в то, что ко дню рождения фюрера, враг будет изгнан за пределы Германии. После войны люди сознательно шли на то, что не могли работать по специальности из‑за не поданного прошения о реабилитации. Ведь подача прошения подразумевала отречение от режима и лично от фюрера. Если первое представлялось для многих мучительным, то второе — просто невозможным: «Другие его не поняли, предали его. Но в него, в НЕГО я все еще верю»[42]. Словом, метод работал.

Стереотипизация — второй из основополагающих способов психологического воздействия, применявшийся Геббельсом. Основан он был на создании иллюзорных стереотипов. Впервые понятие «социальный стереотип» было использовано американским журналистом Уолтером Липманом в книге «Общественное мнение», вышедшей в 1922 году. Сущность данного термина он свел к следующему: «Человек сначала представляет мир, а потом уже видит его»; поскольку «реальная действительность слишком обширна, сложна и изменчива для непосредственного знакомства с ней», человек перестраивает окружающий мир по «простой модели». Под влиянием информации о событиях, а не непосредственного наблюдения за ними, утверждает Липман, в сознании человека складываются упрощенные образы, стандартизированные представления об окружающем мире, «картинки в наших головах», или стереотипы»[43]. С автором трудно не согласиться, ведь во многом процесс человеческого мышления представляет собой своеобразную подгонку под уже имеющиеся схемы.

Попробуйте как‑нибудь ради опыта нарисовать совершенно фантастическое существо. Вскоре вы с удивлением обнаружите, что каждый из его компонентов или оно само целиком имеет сходство с известным нам живым существом, предметом или явлением. Человеческий мозг не любит неизвестности и стремится по мере сил приноравливать информацию к готовым схемам. Таким образом, прием стереотипизации органично вписывается в саму природу человеческого мышления. Поиск нового сопряжен с кропотливой работой. Задача же грамотного пропагандиста — не допустить этой работы, а предложить своеобразный духовный полуфабрикат, который намного проще и удобнее потреблять и перерабатывать. Тезисы, формируемые при этом пропагандистом, неизбежно упрощаются до полностью примитивных. При этом чем более многогранное и сложное явление упрощено до стереотипа, тем дальше упрощенная картинка будет находиться от реальности. Этот факт не особо волновал Геббельса. Он с восхищением писал о фюрере как о мастере упрощения, который «видит сложнейшие проблемы в их лапидарной примитивности»[44]. Сам же действовал ничуть не хуже. Его задачей было «выражаться просто», поскольку он «имел дело с простым народом». Вот типичный образец

---

41 *Вальтер Шелленберг.* Указ соч. С. 356.

42 *Клемперер В.* Указ соч. С. 154.

43 Методы и приемы психологической войны. Сост. — ред. А. Е. Тарас. М., 2006. С. 56.

44 *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. С. 135.

«простонародных» выражений, направленных против политических оппонентов: «Эй, сволочь, выходи! Сорвите у этих гадов маску с рожи! Хватайте их за шкирку, бейте ногами в жирное брюхо, выметайте их с треском из храма!»[45] Грубость выражений в данном случае призвана была подчеркнуть естественность, близость партии к массам. Позже этот «народный» способ выражать свои мысли трансформируется в короткие и емкие лозунги: «Германия, пробудись! Жид, издохни! Фюрер, приказывай!»[46] и т. д. Рождался стереотип: НСДАП — не искусственное образование, члены этой партии и есть народ.

Разные стереотипы постепенно становились основой для мифов. В качестве самого хрестоматийного примера геббельсовского мифа, основанного на стереотипах, можно вспомнить миф о Хорсте Весселе. Процесс его создания, основанный на героизации отдельной личности, а через нее и всего движения в целом, включал в себя, как и положено, несколько этапов. Первый этап — «поиск натуры». Попытка канонизировать нациста Кютемайера, погибшего в стычке с красными, полностью удалась, несмотря на множество неясных моментов, связанных с его гибелью. Однако эта смерть смотрелась в пропагандистском плане бесперспективно и из нее довольно быстро «выжали» все, что могли. И тут до Геббельса доходят сведения о том, что молодой поэт, три месяца назад приславший в «Ангрифф» стихотворение: «Выше знамена», умирает от ран, нанесенных ему коммунистом. «Натура» была найдена. Второй этап, — героизация. Смертельное ранение Хорста Веселя стало настоящим подарком. Своей смертью этот человек разом вознес себя на недосягаемую высоту. Если отбросить бытовые подробности и выделить идеологическую составляющую, что, собственно, Геббельс и сделал, то получается, что вооруженный коммунист застрелил члена национал–социалистической партии в его собственном доме. Правильный пропагандистский подход позволил «выпекать» героев в рекордно короткие сроки. В этом Геббельс, пожалуй, превзошел своего невольного учителя Густава ле Бона. Последний утверждал: «Даже не является необходимостью, чтобы герои были отделены от нас прошедшими столетиями, для того чтобы их легенда смогла быть трансформирована воображением толпы. Трансформация может произойти в течение нескольких лет»[47]. Каких там лет! Миф о Весселе созрел буквально в течение нескольких дней. Третьим этапом можно считать создание собственно мифа и целого ряда стереотипов, сопутствующих ему, в частности стереотипов об агрессивности и опасности коммунистов, о готовности рядового члена НСДАП к самопожертвованию и пр. Соединяя данные стереотипы с другими, Геббельс вырастил полновесный миф о юном и необыкновенно одаренном поэте, члене НСДАП, безвременно ушедшем вследствие агрессии коммунистов. «Его песня обессмертила его! Ради этого он жил, ради этого он отдал свою жизнь. Странник меж двух миров, днем вчерашним и днем завтрашним, так было и так будет. Солдат немецкой нации!»[48]

«Выпекание» героев впоследствии будет поставлено на поток. В качестве примера можно упомянуть еще одно пропагандистское детище Геббельса — Герберта Норкуса, члена Гитлерюгенда, убитого, можно сказать, при исполнении. Когда 24 января 1932 года юный Норкус с товарищами раздавал предвыборные листовки, на них напали коммунисты. Норкуса ударили ножом, в результате чего он и скончался от потери крови. Его похороны и связанную с ними церемонию на кладбище Плетцензее Геббельс спланировал лично, превратив ее в массовую акцию. Впоследствии собрания на могиле Норкуса стали

---

45 *Фест Й.* Адольф Гитлер. Пермь, 1993. С. 117.

46 *Клемперер В.* Указ. соч. С. 316.

47 *Густав ле Бон.* Психология народов и масс. Цит. по Герцштейн. Война, которую выиграл Гитлер. С. 71.

48 *Goebbels. Der Angriff,* in Aufsaetze aus der Kamfzeit. Munchen. 1935. Ss. 214–217. Цит. по Герцштейн. С. 63.

ежегодными, играя роль воспитательных мероприятий для членов Гитлерюгенда. Тема самопожертвования юношей с подачи Геббельса не будет обойдена и кинематографом. Так, в картине «Член СА Брандт» юный Эрик умирает от раны, полученной в стычке с коммунистами.

Однако все вышеперечисленные приемы при всей их результативности были лишь прелюдией к тому, что впоследствии Геббельс назовет «шахматной партией за обладание властью». Несколько подобных партий были «сыграны» в течение 1932 года, несколько избирательных кампаний были проведены, каждый раз делая Гитлера ближе к власти на один шаг. Истекавший весной 1932 года срок полномочий президента страны заставил многих политических деятелей задуматься о том, что будет после ухода такого гиганта, как Гинденбург, и допускать ли вообще этот уход. Действующий канцлер Брюнинг настаивал на продлении президентских полномочий без выборов.

Гитлер, в свою очередь, оказывался перед очень сложным решением: либо, не испугавшись поражения, самым радикальным образом выступить против всеми уважаемого имперского президента, либо, по предложению канцлера Брюнинга, попросить фракцию НСДАП в рейхстаге одобрить продление президентского срока в обмен на привлекательные политические обещания Брюнинга, играя при этом на руку существующей власти. В сложившейся ситуации Геббельс в очередной раз продемонстрировал свою способность самым коренным образом влиять на ход исторических событий. Он приложил максимум усилий к тому, чтобы убедить сомневающегося Гитлера в целесообразности выступления против престарелого президента. После длительных уговоров, расчетов и сомнений во Дворце спорта прозвучало официальное подтверждение того, что фюрер выдвинул свою кандидатуру. В своем дневнике Геббельс оставит восторженное описание произошедшего: «Дворец спорта переполнен. Общее собрание членов партии Западного, Восточного и Северного районов. Бурная овация сразу же в начале собрания. Когда я после часовой вступительной речи открыто объявляю о кандидатуре фюрера, на целых 10 минут разражается буря воодушевления и восторга. Люди встают, ликуют и выкрикивают приветствия фюреру. Кажется, вот–вот обрушится потолок. Грандиозная картина. Это действительно движение, которое не может не победить. В зале — неописуемая атмосфера упоения и экстаза. Поздно вечером фюрер еще раз позвонил мне. Я доложил ему обо всем, и он еще зашел к нам домой. Он рад, что объявление о его кандидатуре произвело такой эффект. Он был и остается все же нашим фюрером»[49].

Как видно из последнего предложения, Геббельс ощущает себя демиургом новой Германии, «делателем королей». Соответственно, грядущие выборы воспринимаются им как личный вызов. Несмотря на участие в предвыборной борьбе коммуниста Тельмана и представителя радикальных буржуазных правых Теодора Дюстерберга, основными соперниками в борьбе за президентское кресло стали Гитлер и Гинденбург. По признанию самого Геббельса, упор в избирательной кампании был сделан на «плакаты и речи». В этих речах буквально утонула Германия. В последние недели перед выборами нормой стали три выступления за один вечер. Не довольствуясь живой речью, он лично проследил за тем, чтобы были подготовлены к выпуску 50 000 граммофонных пластинок необыкновенно маленького диаметра, которые при необходимости могли бы быть разосланными по всей стране в обычных почтовых конвертах. По улицам ездили грузовики, увешанные наглядной агитацией, с которых разносились политические призывы. Подписи к плакатам зачастую придумывались опять ‑ таки лично Геббельсом. На местах гауляйтеры проводили многочисленные благотворительные акции вплоть до бесплатных обедов. Вся предварительная работа была выполнена отлично. Впоследствии Геббельс будет утверждать, что, несмотря ни на что, он вполне допускал возможность поражения. Слишком уж авторитетен соперник! Однако факты говорят обратное. Пропагандист убедил себя сам.

---

[49] *Goebbels J. Kaiserhof,* S. 22. Цит. по: Й. Фест. Гитлер. Т. 2. С. 176.

13 марта, накануне выборов, в «Ангрифф» было заявлено: «Завтра Гитлер станет рейхспрезидентом». Видимо, в эти дни Геббельс и сформулировал для себя правило на будущее: «Осторожность — мать мудрости». Впоследствии он всеми силами, не боясь конфликтных ситуаций, будет стараться избегать Преждевременных заявлений в средствах массовой информации. Результаты выборов стали потрясением для национал–социалистов. Гинденбург одержал внушительную победу, доказав, что возможности пропаганды огромны, но не безграничны:

«Мы просчитались не столько в оценке наших голосов, сколько в оценке шансов противников. Им не хватило только 100 000 голосов до полного большинства. КПГ совершенно провалилась. С сентября 1930 мы прибавили 86%, но что толку? Наша партия в депрессии и утратила мужество»[50].

Второй тур выборов был назначен на 10 апреля. Снова началась погоня буквально за каждым голосом. Деятельность Гитлера и Геббельса в данный период можно было охарактеризовать кратко: они говорили. Говорили, стараясь найти подход к каждому будущему избирателю. Большое значение в предстоящей борьбе имел тот факт, что оба принадлежали к совершенно разным типам ораторов. Фигура Гитлера без труда угадывается во многих теоретических работах, посвященных типологизации агитаторов.

«Одним типом агитатора является возбужденный, беспокойный и агрессивный человек. Его динамичное и энергичное поведение привлекает к нему внимание людей; им передается его возбуждение и беспокойство. Он склонен действовать, прибегая к драматическим жестам, и выражать свои мысли, используя театральные эффекты. Его появление и поведение питают инфекцию беспокойства и возбуждения»[51]. Достаточно посмотреть фотографии Гитлера, сделанные во время публичных выступлений или кадры кинохроники, чтобы понять справедливость подобной классификации его как оратора. Очевидцы его выступлений замечали, что как бы Гитлер ни пытался чередовать интонации, все равно возникал судорожный и надрывный крик. Срывающийся голос, неправильно выстраиваемые фразы — все это воспринималось толпой как ярость, боль и страдание человека, неравнодушного к судьбе Германии. Кампания «Гитлер над Германией» подразумевала огромное количество подобных выступлений. Наняв для себя и своего окружения самолет, фюрер перелетал из города в город, буквально завораживая толпы тех, кто уже был готов за ним следовать.

Совершенно к иному типу ораторов относился Й. Геббельс.

«Второй тип агитатора более холоден, спокоен и величав. Он волнует людей не тем, что делает, а тем, что говорит. Он может быть скупым на слова, но способным говорить острые, едкие и язвительные вещи, которые "проникают под кожу" людей и заставляют их взглянуть на обсуждаемое в новом свете»[52]. Геббельс был вполне способен не только привести слушавших его в истеричное состояние, но и доказать свою мысль, убедить в ее правильности, а значит, вербовать новых сторонников среди тех, кто поначалу не поддерживал нацистов. Он аргументированно доказывал, что правительство беспомощно, что оно не способно вывести страну из кризиса.

Несмотря на все старания, нацисты снова проиграли. Гинденбург остался. Но если рассматривать данное противостояние как борьбу агитационных методов, то становится понятным: данное поражение было еще одним шагом на пути к победе. В то время как

---

50 *Ржевская Е.* Указ. соч. С. 133.

51 *Блумер Г.* Коллективное поведение. Американская социологическая мысль. М., 1994. Цит. по: Психология масс. Самара, 1998. С. 571–572.

52 *Блумер Г.* Коллективное поведение. Американская социологическая мысль. М., 1994. Цит. по: Психология масс. Самара, 1998. С. 572.

Гинденбург в результате предвыборной кампании увеличил количество своих сторонников на один миллион человек, у нацистов их прибавилось два миллиона.

Далее последовали выборы в ландтаги Пруссии, Ангальте, Вюртемберга, Баварии и Гамбурга. В своих дневниках Геббельс сетовал на невозможность остановиться хоть на минуту. Он продолжал выдавать одну идею за другой, более того, лично контролировал их осуществление. Гитлер в это время был оторван от земли в буквальном смысле этого выражения. Он вновь летал, выступая в самых разных городах[53]. После выборов в рейхстаг 31 июня, когда НСДАП далеко опередила все другие партии, оставалось сделать буквально один шаг к власти. Пройдет меньше года, и Гитлер будет приведен к присяге в качестве канцлера. В первые дни лично Геббельсу этот факт не принесет ничего, кроме разочарования. 5 февраля он не без горечи напишет в своем дневнике: «Функ[54] хочет стать госсекретарем по прессе и пропаганде. Этого еще недоставало. Я должен ему помогать. А Руст[55] будет министром культуры. Вот так- то. Я очень угнетен… Меня размазывают по стенке. Гитлер мне почти не помогает. Я потерял мужество…»[56] Но Геббельс переживал совершенно зря. Та власть, которой будет наделен он, даже не снилась Функу и Русту. Ему не придется подстраиваться под новую Германию, ища в ней место для себя, — Германии придется подстроиться под него.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СВОБОДЕ СЛОВА

Наша пресса в общем- то чудесная вещь.
А. Гитлер. 1942 г.

---

53 Лишь в апреле его выступления проходили в 26 городах Германии.

54 Функ Вальтер Эммануэль (18.08.1890, Тракенен-31.05.1960, Дюссельдорф), государственный и партийный деятель. После обучения в университетах Берлина и Лейпцига с 1912 по 1916 год занимался журналистикой. Специализировался на экономических и биржевых вопросах. С 1921 года — главный редактор «Берлинской биржевой газеты». С 1927 года — председатель пресс–службы Берлинского биржевого общества и Берлинской торговой и промышленной палаты. В 1931 году вступил в НСДАП и стал экономическим советником Гитлера. Выступал в качестве «связного» между Гитлером и руководителями германской промышленности. После прихода Гитлера к власти был назначен пресс–секретарем правительства. С 13.03.1933 одновременно являлся младшим статс–секретарем Имперского министерства народного просвещения и пропаганды. С15.11.1933 — вице–президент Имперской палаты культуры. С 1937 года — имперский министр экономики и генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики. С 1939 года являлся президентом Имперского банка. Руководил мобилизацией имперской экономикой накануне войны. С 1943–го — член Центрального штаба по планированию при А. Шпеере. В 1945–м арестован британскими войсками. Приговорен Нюрнбергским международным трибуналом к пожизненному заключению. Освобожден в 1958 году по состоянию здоровья.

55 Руст Бернгард (30.09.1883, Ганновер-08.05.1945, Берн), партийный и государственный деятель, обергруппенфюрер СА. Изучал германистику и философию в Мюнхенском, Галльском и Геттингенском университетах. Участник 1–й мировой войны, имел боевые награды. После войны участвовал в деятельности различных правых организаций. В 1925 году вступил в НСДАП и в том же году был назначен Г. Штрассером гауляйтером Северного Ганновера, в 1928–м — Южного Ганновера–Брауншвейга. С 1930–го — депутат Рейхстага от округа Южный Ганновер. С 1932 года являлся ландесинспектором НСДАП Нижней Саксонии. С 1930 по 1945 год — имперский министр науки, образования и культуры. Руководил нацификацией средней и высшей школы. В 1945 году покончил с собой.

56 *Ржевская Е.* Указ соч. С. 142.

Принято считать, что возникновение тоталитарного государства достаточно резко меняет отношение общества к своим правам. Одним фактом своего существования оно вдруг ущемляет все возможные демократические свободы. Все то, что было естественным, становится запретным. Обычно первое, что страдает в таких случаях, — это свобода слова. Наделе вопрос свободы слова является достаточно неудобным доя любого, даже самого лояльного по отношению к инакомыслию режима. Есть ли она вообще, эта свобода слова?

Ведь любое государство, подобно живому организму, стремится не допустить собственной гибели. При этом совершенно очевидно, что свобода слова, не ограниченная ни моральными, ни какими иными нормами, действует на него разлагающе. Вот и приходится балансировать, подобно канатоходцу. Крен вправо — ты сорвался в диктатуру, крен влево — ты сорвался в нее же. А если пустить все на самотек? Это будет означать начало конца. Всегда есть внешние и внутренние силы, готовые «помочь» падению. Да простит меня читатель за излишне поэтическое сравнение: Веймарская республика не удержалась на своем канате. Но будем справедливы — пыталась.

Стремясь не допустить самоубийственных тенденций, она неоднократно предпринимала попытки обезопасить себя от вседозволенности. Другое дело, что попытки эти по силе оказались несопоставимы с тем разрушительным воздействием, которое она на себе испытала.

Вернемся к 1933 году, ставшему одной из важнейших вех в немецкой истории, когда в огне подожженного 27 февраля рейхстага родилась Германия «нового образца».

Вечером именно этого дня весь мир облетело сообщение:

«В понедельник около 21 часа 15 минут вечера пожарная команда была вызвана в рейхстаг, где в части здания с куполом возник пожар. По вызову пожарная команда направилась туда с машинами десяти берлинских пожарных постов… Прибывшие пожарные команды нашли большой золотой купол рейхстага охваченным пламенем. Вся окрестность была залита дождем искр. Пожарная команда и полиция немедленно проникли в рейхстаг, и здесь им удалось задержать человека, который открыто признался в поджоге. Он заявил, что принадлежит к нидерландской коммунистической партии»[57].

Странный, полуслепой и полусумасшедший член голландской Партии международных коммунистов Маринус Ван дер Любе, пойманный на месте преступления, оказался провозвестником нового государства, с новой идеологией и новыми правовыми нормами. Нацисты получили замечательный «подарок» незадолго до «дня национального пробуждения»[58], до выборов в рейхстаг, назначенных на 5 марта. Тут же были найдены «сообщники» юного пиромана. Ими оказались лидер коммунистов в рейхстаге Эрнст Торглер, Георгий Димитров, Василий Танеев и Благой Попов. На суде посыпались взаимные обвинения. И коммунисты, и нацисты, с одинаковым негодованием указывали на Ван дер Любе, как на нацистского и коммунистического агента соответственно, а он только твердил, что действовал в одиночку. Сразу же появились самые разные версии: коммунисты, начиная с Димитрова, твердили о «несчастном Фаусте», направляемом нацистским Мефистофелем, нацисты пугали общественность рассказами о кровавых планах коммунистов в отношении мирного населения Германии. Ссылались они при этом на документы, обнаруженные в штаб–квартире коммунистов. В конечном итоге каждый получил свое: трое коммунистов были освобождены за недостатком улик, несчастный Ван дер Любе лишился головы[59], а нацисты стали торопливо извлекать из произошедшего пожара политическую выгоду. Надо сказать, что особо трудиться им не пришлось. Уже на следующий день Гитлер с теперь уже

---

57 *Конрад Гейден.* Путь НСДАП. С. 235.

58 Данное определение было дано Геббельсом.

59 В прямом смысле, т. е. был обезглавлен.

вице–канцлером Папеном пришли к Гинденбургу с текстом документа, окончательно «избавившего» Германию от таких явлений, как «свобода политических собраний», «свобода слова», «тайна переписки» и т. д.

А что же было со свободой слова до того? С чем подошла Германия к новому этапу своего политического развития? В каком состоянии находились пресловутые демократические свободы на рубеже между республикой и рейхом? Для того чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно будет ненадолго углубиться в законотворческие дебри. Любой хоть сколько‑то значимый для государства вопрос всегда сопровождается бумажным вихрем. А значит, такая важная отрасль, как средства массовой информации, обязательно будет регулироваться целым рядом законов. Самым же важным на тот период средством массовой информации была пресса.

Во времена республики она представляла собой довольно развитую, но абсолютно децентрализованную систему. Складывание этой системы началось еще в имперской Германии, и к 20–м годам XX века страна уже могла похвастаться самыми разнообразными и многочисленными изданиями. Например, в 1928 году выходило 3356 ежедневных газет. В одном только Берлине их можно было встретить 147 наименований[60]. К 1933 году, ни одна высокоиндустриальная страна не обладала таким огромным количеством ежедневных и еженедельных газет как Германия[61]. Вся эта весьма внушительная армия печатных изданий, впрочем, не отличалась высокими тиражами. Тираж лишь 0,7% от общего числа издаваемого переваливал за 100 000 экземпляров. Необыкновенно высокие тиражи отличали такие заслуженные солидные издания, как Berliner Morgenpost — 400 000 экз. в будние дни и 623 000 по воскресеньям, Vossische Zeitung и Deutsche Algemeine Zeitung — свыше 100 000 экз. ежедневно[62].

В республиканской Германии параллельно с количественным ростом тиражей имел место процесс экономической концентрации различных газет и журналов. Таких, например, как лояльные республиканскому строю «Моссе» или «Улльштайн», или их противник — издательство «Шерл». Парадокс заключался в том, что последнее всячески распространяло антидемократические, националистические идеи, опираясь на довольно мягкие законы, этой самой демократией порожденные. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить тот факт, что в 118–й статье Веймарской конституции специально оговаривалось право на свободное высказывание собственного мнения, в том числе и в прессе[63]. Подобная формулировка вовсе не означала, что пресса когда‑либо оставалась совсем уж без присмотра и действительно могла позволить себе все. Степень государственного контроля можно при желании проследить еще с имперских времен. Дело в том, что уже упоминавшаяся 118–я статья опиралась на закон от 7 мая 1874 года[64]. Согласно этому закону на любом периодическом издании, если оно не служило целям науки, искусства, индустрии или рекламы, в обязательном порядке должна была стоять печать полицейского ведомства. В особых

---

60 *Eberhard Kolb.* Die Weimarer Republik. München. 1993. S. 102. Oldenbourg Verlag GmbH. 309 S.

61 *Koszyk.* Sozialdemokratische Presse 1914–1945. Berlin. 1972./Vrg. Wilhelm Deist/Manfred Messerschmidt/Hans Erich Volkmann/Wolfram Wette. Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. F/M. 1991. S. 130.

62 *Edtrhard Kolb.* S. 102–103.

63 *Fischer Lexikon.* Publizistik Massen Kommunikation. Hrsg. Von Elisabeth Noelle-Neuman, Winfried Schulz, Jurgen Wilke. F/ Main 1994. S. 439.

64 Press G. 7. Mai 1871. R. G.B1.1. Berlin.1871. S. 65. // Graf Hue de Grais. Handbuch der Verfassung und Verwaltung im Preussen und dem Deutschen Reiche. Berlin. 1926. S. 408.

случаях данное ведомство получало право конфискации печатного издания, не дожидаясь судебного решения. К таким особым случаям относились те, когда содержание статей становилось поводом для противоправных действий. Если подобное происходило, то конфискация следовала мгновенно[65].

В дальнейшем государственный контроль за прессой будет лишь усиливаться. Вышедшие в 1922 и 1930 годах законы с общим названием «В защиту республики» дадут целый ряд оснований для запретов и закрытий печатных изданий. С 1930 года они могли быть прикрыты на срок от 4 до 6 месяцев. Тот, кто продолжал выпускать газету, невзирая на ее запрет, рисковал просидеть в тюрьме 3 месяца. Полицейское ведомство и издатели «сомнительных» газет как будто соревновались друг с другом в хитроумии. Стоило только закрыть какую‑ то «провинившуюся» газету, как появлялся под другим именем ее двойник. Пришлось отдельно зафиксировать на бумаге, что закон о закрытии автоматически распространяется на издания–дубли[66].

Причины, по которым можно было «впасть в немилость», поначалу не могли похвастаться особой многочисленностью. Санкции следовали в тех случаях, когда на страницах газет и журналов появлялись «злонамеренные и неуважительные высказывания, порочащие конституционно закрепленную республиканскую форму правления как в рамках всего государства, так и в отдельных землях» или же «неуважительные высказывания, равно как и клевета в адрес имперского президента, члена имперского правительства или члена правительства одной из земель». Особенно оговаривались случаи, когда печатные издания позволяли себе оскорбительные высказывания, связанные с государственным знаменем или символикой.

Национал–социалисты, которые то и дело позволяли себе «злонамеренные и неуважительные высказывания», одними из первых опробовали на себе новый закон. Сохранилось в частности небезынтересное свидетельство о закрытии газеты «Шлезишер беобахтер». Это событие произошло 25 апреля 1930 года на основании решения, принятого имперским судом. Поводом послужило то, что в номере от 19 апреля 1930 года в статье «Проснись, Германия» газета позволила себе жесткую критику, а проще говоря — ругань в адрес членов правительства. Заканчивалась статья весьма традиционно для этого типа изданий: «Они никогда бы не стали выдающимися людьми этой республики, если бы не их деятельность в угоду еврейству»[67].

Следующим немаловажным документом стало «Постановление имперского президента о защите немецкого народа». Семь его параграфов были посвящены проблеме печатных изданий и других средств массовой информации. Согласно постановлению печатные издания, содержание которых «могло причинить вред общественной безопасности или общественному порядку», конфисковывались полицией. Список того, что можно было считать «причиняющим вред», существенно расширился. Периодические печатные издания могли быть запрещены в следующих случаях:

1) Если в них содержались призывы к неповиновению и к подрыву законов или имеющих законную силу постановлений, а также распоряжений конституционного правительства.

2) Если в них содержались призывы к насильственным действиям или прославлялись оные, после того как они начались.

---

65 § 24 Press G.// Ebenda S. 408.

66 §§ 13, 14. Gesetz zum Schutze der Republick. Vom 25. Maerz. R. G.B1. 1. Berlin. 1930. S. 92.

67 Aus der Zeitungsartikel "Sind die Zeitungsverbote des Republik‑ schutzgesetzes Veifassungsaendernd?" "Deutsche Presse". Zeitschrift fuer die gesamten Interessen des Zeitungswesens. Organ des Reichsverbandes der deutschen Presse. Berlin. Schoenbeig. 14 Juni 1930. S. 349.

3) Если в них содержались призывы ко всеобщей забастовке или к забастовке на жизненно важном производстве.

4) Если в них подвергались поношению или злонамеренно неуважительно изображались государственные органы власти, инстанции или государственные служащие.

5) Если подвергались поношению и злонамеренно неуважительно изображались религиозные объединения, их устройство, обычаи, предметы религиозного почитания.

6) Если в них содержались неверные новости, распространение которых могло быть опасным для интересов государства.

7) Если главный редактор не имел право по какой‑то причине отвечать по закону за свои профессиональные действия[68].

Срок, на который могло быть запрещено печатное издание, как и ранее, не мог превышать шести месяцев.

Решение о закрытии теоретически можно было обжаловать в течение двух недель со дня его объявления. На практике обжалования происходили довольно редко, поскольку, во–первых, не давали отсрочки и печатные издания закрывались все равно, а во–вторых, не вызывали зачастую ничего, кроме ярких проявлений бюрократической волокиты. В данном вопросе раскрывались едва ли не карикатурные черты немецкой бюрократической системы с ее обстоятельностью и медлительностью. Утомляет даже простое перечисление тех действий, которые должны были совершить те, кто решился на апелляцию.

Посудите сами: просьба об обжаловании вносилась первоначально именно в те земельные инстанции, которые, собственно, и вынесли решение о закрытии того или иного печатного издания. Если представитель закрывшегося печатного издания оказывался в достаточной мере настойчив, то заявление об обжаловании могло быть направлено в адрес высших земельных инстанций. Те в свою очередь могли либо удовлетворить прошение, либо, что скорее, переправить его в адрес министра внутренних дел. Последний имел право либо удовлетворить его, либо направить в Сенат имперского суда. Если имперский министр внутренних дел решал удовлетворить ходатайство, а земельные инстанции не были согласны с таким решением, то в этот раз переписка завязывалась между земельными инстанциями и Сенатом имперского суда. Но предварительно земельным инстанциям следовало проинформировать министра в письменной форме о своем намерении обратиться в Сенат. Если Сенат объявлял запрет допустимым, земельные власти были обязаны незамедлительно поступить в соответствии с данным решением.

По–настоящему быстро и неотвратимо вся эта громоздкая система действовала только в одном случае: когда речь шла не о внутренних, а о внешних интересах страны. В случае, если печатное издание выходило за пределами страны и при этом позволяло себе что‑то не то, меры принимались незамедлительно. Решение о запрете печатного издания принималось непосредственно министром внутренних дел. При этом никакие ходатайства в данном случае не предусматривались.

Среди «новинок» в правовой системе Германии отдельно следует упомянуть о более детально разработанных санкциях, направленных не против печатных изданий в целом, а против лиц, так или иначе причастных к распространению, выпуску, печати запрещенных печатных изданий. Все, кого уличали в подобных действиях, приговаривались к тюремному заключению на срок не меньше трех месяцев. Помимо этого они обязаны были выплатить денежный штраф. То же самое относилось и к лицам, замеченным в распространении выходящих за границей и запрещенных в Германии печатных изданий. Особое внимание уделялось, естественно, тем, кто «попался» с политическими газетами. Теоретически владелец подобной запрещенной литературы или периодики обязан был как можно скорее раскаяться и поспешить в полицейское управление, дабы дать там показания против себя

---

[68] § 9. Verordnung des Reichspraesidenten zum Schutze des deutschen Volkes. Vom 4. Februar 1933. RGB1. 1. Berlin. 1933. Ss. 36–37.

самого. А подозрительные издания должны были немедленно появиться все в том же управление, чтобы там с ними ознакомились. Те же, кто не спешил предоставлять сведения о нелегальной литературе, хранящейся дома (что неудивительно), рисковали провести год в местах не столь отдаленных.

Очень поощрялась дача показаний против своих родственников: супругов, братьев, сестер. Детям предлагалось доносить на родителей, а родителям на детей. В законе это деликатно называлось «показаниями против родственников старшего и младшего поколений». Видимо, чтобы сгладить впечатление, помещалась пометка о том, что духовное лицо вовсе не обязано сообщать сведения о нарушениях, если их ему поведали во время исповеди.

Все вышесказанное с очевидностью свидетельствует о том, что Веймарская республика вовсе не была такой уж беззащитной, а ее демократичность такой уж беспредельной. Пусть тема, рассматриваемая нами в этой главе, достаточно узкая, однако даже на представленном примере видно, что государство теоретически могло себя защитить. Где же находится та грань, за которой законы демократии начинают работать против нее самого? Если бы кто-то знал точный ответ на этот вопрос, обстановка в мире была бы несколько иной.

Самым грозным признаком близкой смены режима в Веймарской республике стало то, что многочисленные постановления использовались не для стабилизации государства, а для борьбы и сведения счетов самыми разными политическими силами. Национал–социалисты добивались закрытия коммунистических газет и наоборот. Следующий признак — появление самоубийственных законов. На основании «Постановления имперского президента в защиту народа и государства»[69] были проведены аресты коммунистических лидеров и закрытие печатных изданий. Пытаясь избежать подобной судьбы, центральный печатный орган немецкой социал–демократии «Форветс» наивно увещевал Гитлера со своих страниц: «Именно социал-демократия дала рабочим равноправие и уважение, только благодаря нам Вы, Адольф Гитлер, смогли стать рейхсканцлером». Пройдет совсем немного времени и пресса левого толка будет полностью ликвидирована. Постановление, несмотря на свою сравнительную краткость, оказало огромное влияние на свободу слова в Германии. Изданное в Берлине 28 февраля, т. е. на следующий день после поджога рейхстага, оно фактически полностью аннулировало то, что оставалось в стране от демократических свобод. В первом же своем параграфе постановление лишило силы главы 114, 115, 117, 118, 123, 124, 153 Конституции немецкого народа, эти свободы гарантировавшие. «В определенных законом границах» оно делало допустимым ограничение личной свободы, права свободно высказывать свое мнение, в том числе — в прессе, права организации союзов и проведения собраний. Допустимым становилось право вмешательства в тайну почтовой переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений. Были узаконены домашние обыски и конфискации. Допустимыми становились денежные штрафы, тюремное заключение, в том числе и пожизненное, а также смертная казнь[70].

Демократия уничтожила себя, опираясь на законы, ею же самой порожденные. Парадокс? Нет, к сожалению, во многом закономерность!

---

69 Verordnung des Reichspraesidenten zum Schutz von Volk und Schtaat. Von 28. Februar 1933. RGB1. 1. Berlin. 1933. Ss. 83–85.

70 Verordnung des Reichspraesidenten zum Schutz von Volk und Schtaat. Von 28. Februar 1933. RGB1. 1. Berlin. 1£33. §§ 1–5

МИНИСТР И ЕГО МИНИСТЕРСТВО. ОРГАНИЗАЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

Мы вовсе не хотим, чтобы каждый инструмент играл одно и то же, мы только хотим, чтобы игра планировалась и в основе концерта лежала симфония.

Й. Геббельс

В Германии вдыхаешь пристрастие к порядку вместе с воздухом… Теперешний беспорядочный писки щебетанье исчезнут, каждая птица будет знать свое время, и, вместо того чтобы надрываться без всякой пользы в четыре часа утра в лесу, горластые певцы будут прилично петь в садиках при пивных под аккомпанементы рояля.

Джером К. Джером

Создание Имперского министерства народного просвещения и пропаганды[71] стало своеобразным итогом для Германии, отказавшейся от свободы слова и законодательно закрепившей свое решение. Это принципиально новое образование позволило трансплантировать партийную организацию в государственный организм, связав их в единое целое. Й. Геббельс дождался своего звездного часа. Став главой министерства, он заявил о его революционном значении в лучших традициях риторики Третьего рейха: «Я вижу в факте создания нового Министерства народного просвещения и пропаганды революционное дело правительства, его замысел, по которому народ более не останется предоставленным сам себе. Это правительство является народным в самом полном смысле этого слова. Мы хотим дать народу даже более того, что ему подобает, конечно, в иной форме, нежели это происходило при демократическом парламентаризме. Мы основали Министерство народного просвещения и пропаганды. Оба его названия отнюдь не повторяют друг друга. Народное просвещение означает по своей сути нечто пассивное, пропаганда, напротив, — нечто активное. Мы не можем довольствоваться тем, чтобы лишь говорить народу то, что мы хотим, просвещая его, как это делалось раньше. О методах пропаганды не может отзываться какой- нибудь эстет. Пропаганда не является самоцелью, лишь средством для достижения цели. Если цель достигнута, значит, средство было хорошее, если не достигнута, значит, плохое. Новое министерство не имеет иной цели, кроме как сплотить нацию вокруг идеи национальной революции. Важнейшими задачами министерства должны стать следующие: для начала мы должны сосредоточить в одних руках все пропагандистские мероприятия и народопросветительские организации. Не менее важной задачей должно стать упрощение сложных пассажей до того, чтобы они стали понятны простому человеку с улицы…»[72]

Неизвестен точно тот день и час, когда иерархов Третьего рейха впервые посетила мысль о необходимости создания подобной структуры. Известно лишь, что задолго до прихода Гитлера к власти Й. Геббельс задумал замечательную по его разумению «многоходовку» — подкинуть мысль о необходимости создания организации, которая занималась бы просвещением и пропагандой; возглавить эту организацию, доказав ее незаменимость; сделать все для перерастания ее в министерство, с ним — Геббельсом — во главе.

Однако действительность превзошла все самые смелые ожидания. Все случилось не в

---

71 Reichministerium fuer Volksaufklaerung und Propaganda (RMfYP).

72 Из речи имперского министра пропаганды Й. Геббельса, произнесенной 15 марта 1933 года на пресс–конференции. См. Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Das Dritte Reich. Die Zertruemmerung des Parteienstaates und die Grundlegung der Diktatur. Berlin. Band 9. S. 430.

несколько этапов, как планировалось, а единым махом. Через 2 дня после выборов в рейхстаг, 7 марта 1933 года, Гитлер на одном из заседаний официально заявил о своем намерении создать министерство пропаганды[73]. Что и было сделано. Официальный указ был подписан имперским президентом Гинденбургом и канцлером А. Гитлером 12 марта 1933 года. На следующий день он появился в имперском сборнике законов. Документ гласил: «Имперское министерство народного просвещения и пропаганды основывается для целей просвещения и пропаганды политики имперского правительства среди населения, а также с целью национального возрождения немецкого отечества. Руководитель данного учреждения впредь будет наименоваться имперским министром народного просвещения и пропаганды. Отдельные задания для министерства будет определять имперский канцлер. Он же в согласии с соответствующими имперскими министрами будет определять задачи их деловой сферы, переходящие к новому министерству, включая тот момент, когда окажется затронутой сфера компетенции соответствующих министерств»[74].

Новое министерство с первых минут своего существования стало костью в горле для очень многих, поскольку перетянуло к себе часть функций иных министерств, получив на это одобрение высшей государственной власти. Спустя три месяца в особом постановлении будут конкретно указаны министерства, обязанные «поделиться» влиянием[75]. Документ появился за подписью Гитлера. Из него следовало, что новый министр пропаганды получает самую широкую степень полномочий и становится ответственным за все, что можно отнести к «задачам духовного влияния на нацию, задачам пропаганды во имя государства, культуры и экономики, а также осведомления общественности как внутри страны, так и за ее пределами о порядке управления мероприятиями, служащими для всех этих целей»[76]. Министерство иностранных дел передало министерству пропаганды контроль за новостями, просвещением за пределами Германии, искусством, различными художественными выставками, кино и спортом. Министерство внутренних дел — контроль за управлением высшими политическими учебными заведениями, подготовкой и проведением национальных праздников и государственных торжеств, искусством, музыкой, театром и кино. Министерство экономики и Министерство сельского хозяйства передали контроль за выставками, ярмарками и рекламным делом. Министерство транспорта, управлявшее, в частности, и почтой с телеграфом, передало всю национальную сеть агентств, бюро путешествий и экскурсий, а также все права на управление радиовещанием[77].

О таком Геббельс не смел и мечтать. В его руки пришла настоящая, реальная власть. Оставалось каторжным трудом и интригами эту власть удержать, благо тех, кто мечтал бы подпортить ему триумф, хватало с излишком.

Вторжение нового министерства в сферы интересов старых не могло обходиться без конфликтов. Совсем недавно Геббельс сетовал, что при дележе министерских должностей его обошел Бернхард Руст, и вот уже он сталкивается с ним вновь, правда, при совсем иных обстоятельствах. Соперничество переходит на новый, более высокий уровень. Теперь за

---

73 Juergen Hagemann. Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn. 1970. S. 25.

74 Erlass ueber die Errichtung des Reichsministeriums fuer Volksaufklaerung und Propaganda vom 13. Maerz 1933. RGB1. 1. 1933. S. 103.

75 Verordnung ueber die Aufgaben des Reichsministeriums fuer Volksaufklaerung und Propaganda vom 30. Juni 1933. RGB1.1.1933. S. 125.

76 Ebenda. S. 125.

77 Насколько новым и непривычным еще было такое явление, как радио, если им занималось Министерство транспорта.

сферы влияния бились министры. Дело в том, что горячим желанием Геббельса было подчинить себе университеты, а Руст — глава Министерства по науке, воспитанию и образованию — не торопился отдавать своему сопернику столь важную сферу. Всесильный министр народного просвещения и пропаганды получил лишь утешительный приз в виде училищ, профиль которых был связан с искусством. Рассудив, что лучше хоть что‑то, чем совсем ничего, Геббельс включит их в созданную позже палату культуры.

При перераспределении компетенций пресса, конечно, тоже не осталась в стороне. Министерство внутренних дел вынуждено было уступить право контроля за германской прессой, в то время как Министерство иностранных дел — значительную часть полномочий, связанных с формированием общественного мнения за рубежом. Публичное заявление по данному вопросу последовало 24 мая 1933 года. Геббельс подчеркнул, что важнейшей задачей возглавляемого им министерства является формирование общественного мнения за рубежом. Гитлер поддержал своего министра заявлением о том, что Департамент по делам печати Министерства иностранных дел «ограничит свою деятельность традиционными рамками», в то время как «активную пропаганду за рубежом» будет вести министерство Геббельса со своим собственным отделом печати. Естественно, что министра иностранных дел Риббентропа такой поворот дел не обрадовал. Он пытался использовать все свое влияние на Гитлера, с тем чтобы отвоевать право на руководство всей пропагандой за границей. Защищая свои только что приобретенные права, Геббельс действовал жестко. Когда представители Министерства иностранных дел появились в министерстве пропаганды, чтобы получить необходимые им сведения, они обнаружили все помещения закрытыми. Конфликт дошел до того, что Гитлер вынужден был сойти со своего Олимпа, чтобы примирить противоборствующие стороны. Вызвав обоих, он приказал им сесть и выработать сообща решение. Прошло три часа, но они так ни о чем и не договорились. Гитлер вынужден был сам продиктовать решение, которое он считал компромиссным.

Обрастая все новыми функциями, министерство, нацеленное на «духовную мобилизацию Германии», стало стремительно увеличиваться в размерах, попутно пополняя свой штат все новыми работниками. Естественно, с началом войны темпы комплектования штата существенно выросли. Так, к 1 апреля 1939 года на ниве просвещения Германии трудились 956 человек, а 1 апреля 1940 года — уже 1356. В течение следующего года общая цифра занятых в министерстве служащих достигала 1902 человек[78].

Особо следует заметить, что людей набирали далеко не случайных. Кадры министерства пропаганды выгодно отличались на общем партийно–административном фоне нацистской Германии. Прежде всего, там были заняты сравнительно молодые люди. Средний возраст чиновников составлял 39 лет. В целом это было на 5 лет меньше среднего возраста членов нацистской администрации и на 10 лет меньше возраста государственной партийной верхушки. Семьи, откуда пришли на службу будущие работники министерства, как правило, играли заметную роль в истории еще кайзеровской Германии. Соответственно, уровень образованности чиновников министерства был намного выше, чем у тех, кто был занят в других министерствах и ведомствах. Примерно половина имела университетские дипломы, в то время как общий показатель кадров с высшим образованием в иных министерствах составлял лишь 25%. В два раза больше было и тех, у кого имелись университетские ученые степени. Третья часть кадров получила гуманитарное образование. А это было вообще не характерно для нацистской Германии, где гуманитарии редко занимали действительно важные посты в администрации. Итак, лучшими рекомендациями при приеме на работу служили высшее гуманитарное образование и научные регалии. Подобная политика подбора кадров не замедлила принести свои плоды: работники Геббельса обладали именно теми знаниями, которые были необходимы хорошим пропагандистам.

Выгодно отличаясь от других министерств по составу работников, новая организация

---

78 Hagemann J. Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn. 1970. S. 26.

имела, с одной стороны, традиционное для третьего рейха структурное построение, что выражалось в замкнутости на центральную фигуру руководителя, с другой стороны — более четкую систему ответственности каждого из сотрудников. В вопросе организации министерства наиболее наглядным источником являются воспоминания главы отделения Немецкой прессы Г. Фриче[79]. Восстановленная им по памяти структура министерства хотя и не является стопроцентно полной, однако верить этой схеме можно[80].

Помимо перечисленных отделов существовали еще и те, которые не были упомянуты в показаниях Фриче. В частности, отдел связи с Верховным командованием германской армии, а также особый отдел по связям с тайной государственной полицией[81].

Сказать, что в министерстве Геббельса, в отличие от всех других министерств, все было четко, ясно и понятно, — это несколько преувеличить. Там царила почти та же неразбериха, что и всюду. Но именно это «почти» делало министерство пропаганды одним из наиболее успешных в рейхе.

Говоря о неразберихе, я имею в виду прежде всего отсутствие четко поставленных задач перед каждым из отделений. Зачастую отделы и секторы занимались вопросами, иногда лишь отдаленно связанными с теми, для которых они были созданы. Для того чтобы представлять себе, насколько отдаленно, достаточно рассмотреть, например, перечень проблем, представлявших интерес для отдела пропаганды: политическая и культурно–политическая пропаганда, разведка с целью пропаганды, здоровье нации и социальная политика, экономика, работа с имперскими ведомствами пропаганды, проблемы молодежи и спорта, домашнее хозяйство, подготовка мирных договоров и целый ряд иных вопросов.

Круг людей, непосредственно отвечавших за решение всей этой уймы проблем, как ни странно, был весьма ограничен. Помимо Геббельса всем занимались три госсекретаря[82], возглавлявших соответственно три отделения министерства. Первое отделение включало в себя три подотдела: немецкой прессы, иностранной прессы, журнальной прессы. С 1933 по 1937 год оно возглавлялось госсекретарем Вальтером Функом. На свою беду, Функ оказался тем человеком, карьере которого в свое время Геббельс завидовал. Неудивительно, что, будучи человеком довольно злопамятным, министр пропаганды не мог отказать себе в удовольствии осложнить Функу жизнь. Как следствие, Функ не долго задержался на своем посту. В 1937 году его сменил Отто Дитрих [83] , который остался на должности

---

79 Фриче Ханс (21.04.1900 — 27.09.1953). Родился в семье служащих. После окончания школы был отправлен на фронт. Учась в Грейфсвальдском и Берлинском университетах на факультетах филологии, истории и философии, закончить образование так и не сумел. С 1923 года — член DNVP. С 1924–го работал редактором в Телеграфном союзе Гутенберга. С 1932 года являлся руководителем бюро новостей Немецкого радио. С 1933 года занял место главы отделения немецкой прессы в Министерстве просвещения и пропаганды. С 1937 года работал радиокомментатором. В ноябре 1942 года стал руководителем отдела радио в геббельсовском министерстве. Был оправдан на Нюрнбергском процессе в 1946 году. Является автором воспоминаний «Говорит Ганс Фриче».

80 Aus den Akten des "Wilhelmstrassen — Prozess" des Militaergerich‑ tshofes 4, Fall 11, Doc. No. NG — 397. Цит. no: Abel Karl — Dietrich. Presselenkung im NS‑ Staat. Berlin. 1968. S. 109.

81 *Залепеев В. Н.* Министерство пропаганды фашистской Германии: структура и методы // Религия, умонастроения, идеология в истории. Брянск, 1996. С. 187.

82 Иерархия гражданских чиновников сложилась еще до прихода НСДАП к власти. Staatssekretaer (статс–секретарь) возглавляет ее. За ним следуют Ministerialdirektor (министерский директор, начальник управления министерства), Ministerialdirigent (министерский диригент), Ministerialrat (министерский советник), Oberregierungsrat (старший правительственный советник, начальник управления провинциальной администрации), Regierungsrat (правительственный советник).

83 Отто Дитрих (31.08.1897 — 22.11.1952). Родился в Эссене. В 1915 году отправился добровольцем на

статс–секретаря до 1945 года, до конца Третьего рейха.

Нельзя сказать, что между министром и новым госсекретарем установились ровные рабочие отношения. Скорее возникло то, что называется «террариумом единомышленников», — вынужденное сотрудничество при взаимном презрении и нелюбви.

Второе отделение министерства включало в себя подотделы домашнего хозяйства, права, пропаганды, радио, фильмов, транспорта, заграницы, театра, музыки, литературы, изобразительного искусства, отдел кадров. Позже добавился подотдел занятых восточных территорий под руководством доктора Тауберта. Все эти подотделы контролировались последовательно сменявшими друг друга статс–секретарями Ханке [84], Гуттерером [85], Науманном[86]. Ханке не долго продержался на своем посту. Министр избавился от него при

войну. После войны изучал в различных университетах Германии экономику, философию и политические науки. С 1926 по 1928 год — редактор «Эссенер альгемайнер цайтунг». В 1928 году стал управляющим газеты «Мюнхенер–аугсбургер абендцайтунг». С 1929 года — член НСДАП. Женился на дочери владельца «Райниш вестфалише цайтунг», рупора тяжелой промышленности, и благодаря этому выступал посредником между Гитлером и рейнландскими промышленными магнатами. В 1931 году был назначен шефом имперской прессы НСДАП. В качестве такового занимался организацией предвыборных кампаний 1932 года. В этом же году вступил в СС. С 1933 года являлся председателем Имперского объединения немецкой прессы. После образования Имперской палаты культуры занял пост вице–президента Имперской палаты прессы. С 1937 по 1945 год занимал должности шефа прессы имперского правительства и статс–секретаря в Министерстве просвещения и пропаганды. Являлся автором ежедневных директив для прессы, а также книг о Гитлере и нацизме. В 1949 году был приговорен к семи годам заключения. Освобожден в 1950 году за хорошее поведение. Скончался в 1952 году. В 1955 году вышла книга его воспоминаний «Двенадцать лет с Гитлером».

[84] Ханке Карл (24.08.1903 — июль 1945). Партийный деятель, последний руководитель СС, рейхсляйтер (29.04.1945), группенфюрер СС (1942). Образование получил в берлинском Педагогическом институте. Участвовал в Первой мировой войне. В 1920 году примкнул к национал–социалистическому движению. В 1928 году вступил в НСДАП. С 1931 года находился на партийной работе. С 1932 года — руководитель по организационным вопросам в гау Берлин, ближайший сотрудник гауляйтера Геббельса. С 6.11.1932 — депутат Рейхстага от округа Потсдам, переведен хауптамтсляйтером в Имперское управление пропаганды НСДАП. С марта 1933 года — личный референт и секретарь имперского министра народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса. С января 1937 года являлся вторым вице–президентом Имперской палаты культуры. С апреля 1934 — мини–стериальдиректор, с февраля 1938–го статс–секретарь Имперского министерства народного просвещения и пропаганды. В составе войск СС участвовал в Польской кампании. С февраля 1941–го гауляйтер и оберпрезидент Нижней Силезии. В последние дни третьего рейха Гитлер, обвинив в государственной измене Г. Гиммлера, назначил 29.04.1945 Х. рейхсфюрером СС и шефом германской полиции. К своим обязанностям он так и не приступил. Будучи в форме офицера СС, он был взят в плен чешскими партизанами и немедленно расстрелян.

Hrsg. Hermann Weiss. Biografisches Lexikon zum Dritten Reich. Frankfurtam Main. 1999. S. 177.

[85] Гуттерер Леопольд (25.04.1902-?), государственный деятель, один из руководителей нацистской пропаганды, бригаденфюрер СС (9.11.1940). В 1925 году вступил в НСДАП (билет № 6275), а вскоре и в СС (билет № 1028). Занимался организацией торжественных маршей и шествий, парадов и смотров. С 1930 года заведовал пропагандой в гау Ганновер. Был издателем партийной газеты в Геттингене. Был хорошо знаком с Геббельсом, являясь его сотрудником еще в самом начале 30–х годов. В 1933 году был приглашен Геббельсом в Имперское министерство народного просвещения и пропаганды, где стал консультантом по вопросам организации митингов и государственных мероприятий. В 1937–м возглавил Управление пропаганды — важнейшее в министерстве. С 1940 г. — статс–секретарь. В случае отсутствия министра пропаганды Г. вел ежедневные совещания с высокопоставленными сотрудниками министерства, передавая им директивы своего шефа. За свою деятельность был награжден Крестом за военные заслуги 1 -го и 2–го класса с мечами. В апреле 1944 был заменен Вернером Науманном.

[86] Науманн Вернер (16.06.1909, Гурхау, Силезия — 25.10.1982, Люденшид), государственный деятель, журналист, оберфюрер СС. В 1928 году вступил в НСДАП. Образование получил в университетах Бреслау и Йены, доктор (1934). Занимал высокие посты в системе СА, но одновременно поддерживал близкие отношения с Гиммлером, что спасло его во время «Ночи длинных ножей». С 1937 года являлся руководителем имперского управления пропаганды в Бреслау. В 1938 году перешел в Имперское министерство народного просвещения и пропаганды, возглавил Берлинское бюро, вскоре был поставлен во главе отдела кадров министерства. В 1940–1941 годах участвовал в военных действиях, в составе войск СС воевал на Восточном фронте. После

первой же возможности. Связано это было не с его профессиональными просчетами, как можно было бы предположить, а с причинами исключительно личного свойства. Даже по прошествии лет, встречаясь с ним, Геббельс не пытался наладить отношения. В частности, в его дневнике, в записях за 1941 год, Ханке был упомянут лишь в следующем контексте: «Шпортпаласт подготовлен (для выступления фюрера)… Ханке тоже присутствовал там. Я игнорировал его»[87]. Причина подобной немилости кроется в том, что когда в свое время Геббельс очень серьезно увлекся актрисой Лидой Бааровой, то Ханке сделал все, чтобы использовать ситуацию в своих целях. Всячески поддерживая фрау Геббельс [88], он одновременно проводил интригу, которая едва не закончилась отставкой министра. Дело в том, что глава СС Генрих Гиммлер на ту пору активно пытался ограничить амбиции Геббельса и, естественно, воспринял его личную драму как подарок судьбы. Именно Гиммлера и избрал Ханке в качестве высокого покровителя. Будучи поставленным перед выбором: любовь или карьера, Геббельс выбрал карьеру. Все пошло своим чередом: семья Магды и Йозефа Геббельсов по–прежнему являла собой образец немецкой семьи. Однако Ханке не простили его отступничества. Лишь перед самым концом войны Геббельс, забыв личные счеты, отдаст должное профессионализму своего бывшего подчиненного. Дело в том, что в 1945 году Ханке, будучи комиссаром обороны Нижней Силезии, организовал эвакуацию гражданского населения, а позже вместе с генералом Г. Нихофом возглавил оборону Бреслау.

«Фюрер наградил Ханке золотым немецким орденом. Стало быть, Ханке — второй после Хирля немец, получающий этот орден, хотя и более низкой степени. Ханке, как он сообщает по телефону, очень счастлив. Он считает положение в Бреслау крайне критическим и не уверен, долго ли еще сможет продержаться. Как бы там ни было, надо приветствовать, что он удостоен такой высокой награды. Он держится превосходно, и его боевой дух делает честь партии»[89].

Насколько искренним было дружеское участие Геббельса, можно только догадываться, но очевидно, что этим людям нечего уже было делить.

«Вечером по радио передавалась из осажденной крепости Бреслау речь гауляйтера Ханке. Она захватывает силой воздействия и преисполнена достоинства и высокой политической морали, заслуживающих восхищения. Если бы все наши гауляйтеры на востоке были такими и работали так, как Ханке, то наши дела обстояли бы лучше, чем они обстоят в реальности. Ханке — выдающаяся фигура среди наших гауляйтеров, действующих на востоке. В нем видна берлинская школа».

Крепость сдалась лишь 7 мая 1945 года.

О следующем человеке, занявшем пост статс–секретаря, довольно трудно сказать что - то определенное, поскольку характеристики Гуттерера, даваемые ему коллегами, отличались редкостным разнообразием. По словам одних, он был «человеком, желавшим

тяжелого ранения вернулся в Берлин. Являлся хауптштурмфюрером СС. С октября 1941 года — управляющий делами министерства. С 1944–го — статс–секретарь министерства. Занимая эту должность, весьма успешно лавировал между Геббельсом и другими влиятельными людьми рейха. На него делали ставку как на своего человека в министерстве и Гиммлер, и Шелленберг. Пользовался расположением Гитлера, который рассматривал Н. как самого достойного преемника Геббельса. При формировании 1–3.05.1945 правительства К. Денница, Н. получил в нем пост имперского министра народного просвещения и пропаганды. 23.05.1945 арестован вместе с другими членами правительства. В 1950 году освобожден. Работал в торговой фирме в Дюссельдорфе. Участвовал в деятельности правой Германской имперской партии.

87 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 115.

88 Есть версия, что он был ее любовником.

89 *Геббельс Й.* Последние записи. С. 402.

служить не противореча, и подхалимом, ориентированным лишь на личный успех», другие видели его как человека «неотесанного и изрекающего банальности оратора и личность, не способную никого вдохновить», третьим он представлялся как «человек неописуемой энергии и способности тщательнейшим образом вникнуть во все детали», и, наконец, четвертые уверяли, что он в сущности «не поверхностный, компетентный, а в своей основе порядочный и прямодушный парень».

Сложно сказать, какое из этих определений ближе к истине, но факт остается фактом: «порядочный и прямодушный парень» увлекся операциями на черном рынке и был удален со своего поста в ходе борьбы с незаконной торговлей. Примечательно, что с Геббельсом у него остались вполне приемлемые отношения. Министр даже «прикрыл» своего бывшего подчиненного от грозивших ему преследований.

Пришедший на смену Гуттереру Вернер Науманн сумел стать образцом буквально во всем. Фантастическая преданность делу, доходившая до фанатизма, аккуратность, профессионализм — все это не осталось незамеченным ни Гитлером, ни Геббельсом. Больше не было нужды подыскивать достойного статс–секретаря, он был найден.

В отделении третьем по счету, не таком опасном и неудобном для карьеры, как остальные, поскольку оно занималось туризмом, все было более статично. Его возглавлял бессменный статс–секретарь Эссер[90].

Структура геббельсовского министерства не являлась чем‑то застывшем и неизменным. Вполне естественно, что происходили новые назначения. Министерство постоянно расширялось. Появлялись новые отделения, перестраивались старые. Количество отделений в 1942 году совпадало с тем, что по памяти перечислил Фриче. Далее последовали некоторые пертурбации: 21.12.1943 в ведение министерства перешла дополнительно Имперская инспекция гражданской противовоздушной обороны; 21.09.1944 отделения театра, музыки, изобразительных искусств были объединены в одно отделение культуры. Последовал еще целый ряд изменений.

По всей территории рейха располагался целый ряд ведомств, которые, имея отношение к министерству, тоже перестраивались и расширялись. В соответствии с заранее утвержденным планом в июле 1933 года было создано 13 земельных инстанций — Landesstellen и 18 инстанций имперской пропаганды — Reichpropagandastellen.

Собственно, вот она — структура вновь созданного министерства. Механизм собран. Ну и как же он будет работать?

---

[90] Эссер Герман (29.07.1900, Рормус, Бавария — 7.02.1981, Хольцкирхен близ Мюнхена). О его жизни в разных источниках содержится достаточно разноречивая информация. Он называется среди основателей нацистской партии. Являлся участником Первой мировой войны. После ее окончания примкнул к социал–демократическому движению. Работал журналистом в левой прессе. В 1919 году вступил в Германскую рабочую партию. С 1920 года являлся редактором «Фелькишер беобахтер». По одним сведениям, участия в Пивном путче не принимал, сославшись на мнимую болезнь, а после провала путча бежал в Австрию. По другим сведениям, принял участие в путче, был схвачен и задержан на три месяца. С 1923 по 1925 год являлся имперским руководителем пропаганды НСДАП. С 1926 по 1932 год — редактор «Иллюстрирте беобахтер». Являлся членом ландтага Баварии. После прихода НСДАП к власти занимал ряд высоких постов в Баварии: министр экономики Баварии, шеф баварской имперской канцелярии, председатель ландтага. С 1936 года — президент имперского объединения туризма. Фриче обозначил 1935 год в качестве года, когда Э. занял место статс–секретаря отделения туризма. По другим источникам, это произошло лишь в 1939 году. Нет ясности и с тем, когда он покинул этот пост. Фриче указывает на 1945 год. По другим источникам, своего поста он лишился еще в 1943 году В мае 1945–го Эссер был арестован американскими войсками и в 1947–м приговорен к двум годам заключения. 8.08.1949 Мюнхенский суд приговорил Э. к пяти годам трудовых лагерей с конфискацией имущества и с пожизненным лишением гражданских прав. Был освобожден в 1951 году. Автор книги «Всемирная еврейская чума».

УПОРЯДОЧЕННЫЙ ХАОС ИЛИ ХАОТИЧНЫЙ ПОРЯДОК?

Без организации, то есть без принуждения,
а значит, без подавления личности
ничего не получится.
А. Гитлер

Аппарат получился весьма громоздким и необыкновенно показательным для Третьего рейха. Дело в том, что вся система власти в государстве строилась на управляемом фюрером принципе борьбы компетенций, или скорее — «хаосе компетенций». С одной стороны, прошло слишком мало времени с того момента, когда НСДАП была оппозиционной партией, не включенной в государственную систему, поэтому партийные структуры привыкли ощущать себя противопоставленными структурам государственным. С другой стороны, не очень - то их торопили и подталкивали к слиянию. Фюрера вполне устраивал принцип «разделяй и властвуй» в отношениях с партийными функционерами и государственными чиновниками.

Лишь 9 сентября 1937 года вышло постановление, на основании которого была сделана попытка как - то систематизировать работу многочисленных инстанций, находящихся в разных землях Германии и связанных с пропагандой. Они стали именоваться RPA — Имперские отделения пропаганды [91] . Тем самым подчеркивалось их непосредственное отношение к государственной системе пропаганды, т. е. — к министерству пропаганды. Однако сколько - нибудь заметного результата данная попытка не имела. Все равно оказывалось, что руководителям отделений было гораздо ближе тянуться до местных гауляйтеров, нежели до Берлина. Таким образом, партийные структуры на местах оказывались намного действеннее, чем государственные.

Постоянное пересечение компетенций имело место и в самом министерстве. Конфликтные ситуации то и дело возникали на самом высоком уровне. Наглядным примером тому могли служить сложные взаимоотношения Геббельса с шефом имперской прессы Отто Дитрихом. Взаимоотношения, в которых достаточно сложно разобраться, где заканчивается профессиональное соперничество и начинается личная неприязнь. По крайней мере, в своих дневниках Геббельс достаточно часто позволяет себе очень резкие высказывания даже не столько о профессиональных, сколько о личностных качествах Дитриха:

«Мое выступление в Шпортпаласте вызвало блестящие отклики в прессе. Это не дает покоя доктору Дитриху… Мягкотелый субъект, врожденная посредственность. Но я все же избавлюсь от него»[92]. Конфликтная ситуация постепенно усиливалась вследствие того, что из - за системы дублирования функций, принятой в Третьем рейхе, эти двое все время «сталкивались лбами»:

«Он (Дитрих) наделен посредственными способностями, ничтожество с гипертрофированным честолюбием. Теперь мне, наверное, придется, хотя это для меня и не просто, обратиться к фюреру. Так как компетенции… должны быть разграничены. Нынешняя ситуация постепенно изматывает нервы»[93].

Даже в последние дни войны, когда делить, казалось, было нечего, Геббельс продолжал свои попытки перекраивания сфер влияния, сопровождая их соответствующими

---

91 Роберт Э. Герцштейн. Война, которую выиграл Гитлер. С. 170.

92 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М., 2004. С. 135.

93 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М,, 2004. С. 136.

комментариями в дневнике:

«Разумеется, я не могу утаить от фюрера то, что доктор Дитрих создает для сегодняшней пропаганды точно такие же трудности, как и в свое время для пропаганды ужасов большевизма. Я привожу фюреру несколько примеров, которые вызывают у него крайнее раздражение и гнев. Он прямо на ходу решает немедленно сместить доктора Дитриха с его поста… Это будет для меня большим облегчением. Доктор Дитрих — явный трус, он не справляется с задачами, вызванными нынешним кризисом. В подобные моменты нужны только сильные личности, прежде всего такие, которые слепо выполняют все, что им поручено. А доктор Дитрих к такой категории не относится. В своей работе я извожу на него столько сил, сколько фюрер изводит на своих генералов»[94].

В конечном итоге Геббельс добьется своего — отправит Дитриха в отпуск на неопределенный срок, Действие это не будет иметь в свете сложившейся обстановки ровным счетом никакого значения, однако принесет министру огромное удовлетворение.

Все это произойдет «под занавес», а первоначально сменивший Функа на посту статс–секретаря министерства Дитрих возглавлял три сектора, получив весьма объемный фронт работ. В его ведение попали подотделы немецкой прессы, иностранной и журнальной. О секторах немецкой и иностранной прессы можно было сказать, что они выполняли функции своеобразных фильтров, через которые проходило все, что печаталось газетами, а также публикации собственно министерства.

О том, как работали эти фильтры, сохранились интересные воспоминания представителя Си–би–эс в Берлине Уильяма Ширера. Этот человек был одним из тех, кто имел негативный опыт общения с представителями соответствующих секторов. «Вина» этого американского журналиста перед руководством Третьего рейха заключалась в следующем: позволил себе написать правду о том, что режим торопливо скрывает следы притеснения евреев в Гармише, где в 1936 году вот–вот должны были состояться зимние Олимпийские игры. В его корреспонденциях, в частности, упоминался тот факт, что нацисты торопливо убирают отовсюду таблички: «Евреи нежелательны». Ширер ничуть не сомневался, что подобные надписи вернутся сразу же после Олимпийских игр. В ответ немецкие газеты разразились оскорбительными публикациями и обвинениями в попытке сорвать игры. Сначала Ширер терпел: он был не новым в журналистике и в политике человеком и знал правила игры, но вскоре и его терпению пришел конец.

«С каждой новой газетой, которую курьер приносил днем в офис, я все больше заводился. Большинство позвонивших мне друзей советовали не обращать внимания и говорили, что если я полезу в драку, то меня вышлют. Но в статьях было столько преувеличений и клеветы, что я уже не мог себя контролировать. Я позвонил в офис Баде[95] и потребовал встречи с ним. Его не было на месте. Я продолжал звонить. Наконец секретарь сказал, что его нет и он едва ли придет. Около девяти вечера я уже не мог себя сдерживать. Я отправился в министерство пропаганды, прошмыгнул мимо охраны и ворвался в офис Баде. Как я и предполагал, он был там и сидел за своим столом. Я без приглашения сел напротив и, пока он не пришел в себя от удивления, потребовал извинения и признания ошибки в германской прессе и по радио. Он начал орать на меня. Я заорал в ответ, хотя от волнения не помню, что говорил, и речь, вероятно, была бессвязной. Наш крик, видимо, встревожил пару лакеев, потому что они открыли дверь и заглянули в кабинет. Баде приказал им закрыть дверь, и мы снова пошли друг на друга. Он стал колотить по столу. Я в ответ. Дверь поспешно открылась, и вошел один из лакеев, якобы предложить шефу сигареты. Я закурил свою. Еще дважды на наш стук заходил лакей, один раз опять с сигаретами, другой — с

---

94 Записи от 31 марта 1945 года. *Геббельс Й.* Последние записи. С. 350.

95 Вильфред Баде возглавлял в министерстве сектор журнальной прессы, но на тот момент отвечал еще и за иностранную.

графином воды. Но я начинал понимать, что ничего не добьюсь, что никто, и меньше всего Баде, не обладает такой властью или просто порядочностью, чтобы внести даже самое маленькое исправление в механизм нацистской пропаганды, который уже запущен, какую бы великую ложь он ни символизировал. В конце концов он успокоился, стал даже слащавым. Заявил, что они решили не высылать меня, как планировали вначале»[96]…

В случае с Ширером дело не дошло до высылки лишь по причине приближающихся Олимпийских игр. В министерстве пропаганды справедливо посчитали, что ни к чему данному конфликту мировой резонанс. Во всех других случаях высылка иностранных журналистов происходила быстро и максимально незаметно. Со своими журналистами разбирались более основательно[97].

В общем, работа у Дитриха была хлопотная, а сфера ответственности огромная. Один лишь сектор немецкой прессы помимо постоянных разборок с журналистами (это называлось «решать вопросы, связанные с политической цензурой») выполнял и другие, подчас совершенно причудливые задачи. Если их перечислять через запятую, то через некоторое время забываешь, что речь идет о маленьком секторе немецкой прессы, и представляешь некую всеобъемлющую гигантскую организацию, которой до всего было дело. Список обязанностей включал в себя помимо вполне объяснимой работы с новостями и корреспонденцией еще и такие экзотические занятия как решение вопросов об увеличении престижа прессы, о качестве бумаги, о многочисленных доносах, о планировании зарубежных командировок редакторов, о нарушении трудовой дисциплины и т. д.

Постепенно список обязанностей расширялся все больше и больше. Складывается впечатление, что в Германии отсутствовали какие‑то иные организации, министерства и ведомства, вот и приходилось одному сектору в отделе министерства брать на себя все. На самом деле все объясняется просто: чтобы дирижировать общественным мнением, надо быть в курсе всех событий, происходящих в стране. Вот и прибавлялись новые задачи, одни экзотичнее других:

1) Рассмотрение предложений по поводу прокладки телефонной связи, изготовление допусков для отправки за границу немецких печатных издании, прием материалов от Немецкого бюро новостей[98];

2) контроль за участниками политических и экономических пресс–конференций;

3) решение вопросов, связанных с проведением политических и экономических пресс–конференций;

4) в рамках специальной организации «Отпор лжи»[99] подготовка материала для пропагандистских военных частей, Высшего командования вермахта и других служб, осуществление научной деятельности, связанной с газетным делом, связь с архивами, библиотеками, институтами, проведение особых акций, например акции «Книга в качестве оружия», обеспечение материалом газеты для доверенных лиц «Ложь и правда о Германии», организация деятельности пресс–службы «Новая Европа», выпуск информационного листка «Отпор лжи»;

5) осуществление связи с внешнеполитическим ведомством[100], подготовка

---

96 *Уильям Ширер.* Берлинский дневник. М., 2002. С. 43–44.

97 Подробнее об этом будет рассказано в главе, посвященной прессе.

98 Deutsche Nachrichten Buero (DNB) — служба, занимавшаяся поставкой в министерство новостей. Весь материал приходил на бумаге разных цветов, в зависимости от степени его важности бумага могла быть голубой, белой и красной.

99 Schnelldienst «Luegenabwehr».

100 Der Auswaertige Amt.

информационных обзоров новостей, профессиональное образование пресс–референтов высших имперских учреждений, проверка и экспертиза материала для прессы, оценка конфискованного материала с захваченных территорий;

6) ежедневные чтения о наиболее выдающихся деятелях прессы, рассмотрение проступков деятелей прессы, нарушивших установленные для них правила, просмотр газет, выходивших на занятых территориях и на территориях, находящихся под протекторатом Германии, контроль за немецкими газетами за границей, обсуждение книг, рассмотрение особых запросов архива, чтения и доклады по поводу ежедневных пресс–конференций министерства, чтения с обсуждением вопросов, касающихся высших школ и воспитания, а также вопросов культуры: театра, кино, музыки, изобразительного искусства, художественной литературы, вопросов, связанных с расовой политикой, экономикой и наукой, миграцией населения, вопросов здоровья и социальной помощи, церкви, колоний, народонаселения, границ земель, спорта, моды, культуры тела, использования карикатур, обсуждение вопросов, связанных с лекциями ддя министерств экономики, труда, сообщений, юстиции и финансов. Рассматривались экономические и сельскохозяйственные вопросы, а также связанные с продовольствием, вопросы социального законодательства, области квартирного расселения, поступления на работу, разрушений, вызванных войной, вопросы миграции иностранного населения, все виды важных статей из немецкой прессы, предназначенные для Высшего военного командования, вычитывание ведущих иностранных газет с целью донесения их содержания до Высшего военного командования и руководителей, связанных с экономикой[101].

Еще раз напоминаю, что весь этот список — перечень функций одного сектора одного из отделов министерства. Та же картина, что и всюду: пересечение функций, столкновение компетенций.

Впрочем, как уже говорилось выше, данное явление было характерно для всей организации системы управления Третьего рейха в целом. Эту особенность подмечали все, кто с ней сталкивался. А Альберт Шпеер выразил общую мысль: «Кроме того, он (Гитлер) очень не любил разграничивать сферы компетенции. Он даже иной раз умышленно поручал ведомствам или конкретным лицам выполнять одинаковые или во многом схожие задания. "Тогда, — говорил он, — победит сильнейший"»[102].

Получалась парадоксальная ситуация: внутреннее единство нации обеспечивала организация, не имевшая внутреннего единства. Причем обеспечивала вполне сносно, хотя и не без накладок. Но для этого в министерстве теоретически должно было существовать что-то такое, что в минимальной степени было подвержено болезни под названием «борьба компетенций». В роли «чего-то такого» теоретически должны были выступать конференции для средств массовой информации, проводившиеся лично Геббельсом. К большому сожалению последнего — только теоретически.

Каждый день ровно в 10 часов 30 минут[103] в министерстве пропаганды становилось людно. Прибывала необычайно представительная публика: статс–секретари и главы других министерств, представители Имперского руководства пропагандой, доверенные лица, в задачи которых входило обеспечение связи с различными министерствами и Высшим командованием вермахта. В более поздний период существования Третьего рейха

---

101 Hagemann J. Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn. 1970. S. 62–63.

102 *Шпеер Альберт.* Воспоминания. С. 295.

103 Т. к. сообщения Высшего командования вермахта (OKW) бывали готовы лишь в 10 часов 30 минут, то начавшие было проводиться с 24 апреля 1940 года десятичасовые конференции были перенесены на половину одиннадцатого. Общая большая конференция начиналась в двенадцать часов.

присутствовал еще ряд особо доверенных представителей прессы. К 1941 году количество собиравшихся на утренние конференции достигало 50 человек[104]. Эти не массовые, элитные собрания назывались министерскими конференциями. Поначалу они были нерегулярными и собирались лишь в особых случаях. С началом войны, видимо, каждый случай стал рассматриваться как особый, и конференции стали ежедневными. Подготовка к этим своеобразным планеркам начиналась для министра пропаганды совсем уж ранним утром с того, что Геббельс лично просматривал 40–50 страниц, заполненных информацией, пришедшей по каналам Немецкого бюро новостей. Помимо этого он штудировал специально подготовленные для него сообщения из иностранной прессы и радиопередач. Когда он успевал это делать, оставалось для окружающих тайной. Каждый день заканчивался для министра необыкновенно поздно. Дневниковые записи свидетельствуют о фантастической работоспособности министра. Казалось, он был лишен такой человеческой потребности, как сон. Бывали моменты, когда на отдых отводилось не более двух часов в сутки.

Несмотря на огромные нагрузки, к началу каждой конференции Геббельс оказывался осведомленным обо всех важнейших событиях, происходивших в Германии и в мире. Своей осведомленностью он делился с участниками, как правило, лично. Свою болезнь министр чаще всего не рассматривал в качестве уважительной причины для отсутствия. Другое дело — государственные надобности. Бывали моменты, когда обстоятельства требовали личного присутствия Геббельса за пределами Берлина. В этих случаях председательство на конференциях брал на себя кто‑то из статс–секретарей либо руководитель подотдела Немецкой прессы. В редких случаях — руководитель подотдела Иностранной прессы.

Глава министерства и в этих случаях «держал руку на пульсе», передавая руководящие указания через личных пресс–референтов. Последние зачитывали их по телефону. Далее информация звучала на министерских конференциях, с тем чтобы быть донесенной непосредственно до представителей средств массовой информации на совещаниях руководителей подотделов.

После Министерских конференций происходило достаточно компактное рабочее совещание. Задачей его было согласование основных руководящих указаний для прессы между пресс–референтами. Логично предположить, что далее полученная информация, лишенная всяческих противоречий, поступала напрямую к представителям прессы. Бывало, что все оно так и происходило по замыслу Геббельса, и тогда система работала, как часы.

Но чаще снова начиналось все то же самое: вмешательство в работу друг друга, приводившее к потере четкости и неизбежным конфликтам.

После министерской конференции руководитель отделения немецкой прессы получал по телефону целый ряд дополнительных указаний от шефа имперской прессы Отто Дитриха. Случалось, что эти указания напрямую противоречили тем, что были получены от Геббельса.

С ноября 1940 года ситуация еще усложнилась. После того как подходила к концу министерская конференция, тут же начинала свою работу еще одна, промежуточная[105]. Опять вмешивался извечный соперник Дитрих. Если не лично, то через своего заместителя Зюндермана он передавал представителям других министерств так называемый «лозунг дня шефа имперской прессы»[106]. Случалось, что на этих конференциях мнение Й. Геббельса не только не учитывалось, но и напрямую игнорировалось. Геббельс пытался выторговать себе приоритетное право формулировать лозунги, да только Гитлер опять снисходительно, но твердо вступился за Дитриха:

«Доктор Дитрих хотя и маленького роста, но тем не менее выдающийся специалист и

---

104 *Hagemann J.* Die Presselenkung im Dritten Reich. S. 32.

105 В разных источниках она именуется «Tagesparolen‑Konferenz» или «Tages‑Parolen‑Konferenz».

106 Die "Tagesparole des Reichspresseschefs".

знаток своего дела»[107].

Так все и продолжалось по–старому, к вящему неудовольствию министра пропаганды.

Так как особое внимание при этом уделялось тому, чтобы донести концепцию шефа прессы до руководителя подотдела немецкой прессы, то последний, соответственно, оказывался между двух огней. Возникала достаточно неприятная для него ситуация, когда приходилось выбирать, кого из всесильных иерархов Третьего рейха ослушаться на этот раз.

Но и на этом не заканчивалась череда министерских конференций. В 12 часов 15 минут начиналась еще одна, получившая название «конференция имперского правительства», служившая, в частности, и для того, чтобы добиться наконец компромиссных решений. Г. Фриче, занимавший пост главы подотдела немецкой прессы с 1938 по 1942 год, вспоминал, что Геббельс «устраивал ему сцены», если после чтения протоколов конференции замечал, что не все его указания оказались выполненными. Тот же самый Фриче сетовал на то, что его непосредственный шеф Отто Дитрих явно не ценит тех усилий, которые затрачивались его подчиненным на то, чтобы отодвинуть указания министра на второй план. На вопрос о том, как же он разрешал эту дилемму, Фриче философски отвечал: «Каждый день иначе»[108].

Конференция имперского правительства под председательством главы подотдела немецкой прессы была передана в ведение Министерства пропаганды с начала июля 1933 года. В обычные дни «большие конференции» проходили ежедневно. Разве что по воскресным дням круг собравшихся журналистов был намного меньше, чем в будние[109], при этом собирались они по вечерам. По праздничным дням сбор журналистов происходил лишь начиная со второго дня праздников, в неполном составе, в вечернее время. Чаще всего это происходило в 18 часов или 19 часов 30 минут. Во время всей конференции в обязательном порядке работал стенографист[110]. Работа с информацией даже на таком этапе, как общение с журналистами, сопровождалась мерами предосторожности. Допуск заинтересованных лиц осуществлялся по специальным пропускам, с печатями и фотографиями. Когда зал заполнялся, к собравшимся выходил глава подотдела немецкой прессы, с тем, чтобы изложить компромиссный вариант информации. Как правило, указания прочитывались им лично[111]. Сначала со стороны представителей прессы звучали вопросы относительного прочитанного, затем эта практика постепенно отмерла вместе с воспоминаниями о временах Веймарской республики. Огласив «лозунги дня имперского шефа прессы», председательствующий приступал к критике газет, невнимательно отнесшихся к предыдущим указаниям. В серьезных случаях в отношении провинившихся

---

107 *Генри Пикер.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 84.

108 Nbg. Dok., Prot. (d), S. 9002/3 //Abel. Presselenkung im NS‑ Staat. S. 44.

109 Всего количество аккредитованных журналистов на период с лета 1940 по октябрь 1943 составляло 90 человек, представлявших 239 газет. Однако обычно участников насчитывалось от 100 до 130 человек с учетом представителей правительства.

110 К сожалению, стенограммы пресс–конференций сохранились лишь в малом объеме. Они находятся в Немецком центральном архиве (DZA) в Потсдаме.

111 Насколько хлопотной была должность, можно судить по тому, как часто менялось руководство. В 1933 году подотдел возглавляет Хайде, с 1933 по 1935 г. — Янке, который лишается поста, став жертвой противоречий между Дитрихом и Геббельсом. Участь Янке не минует и Берндта с Фриче, занимавших данный пост соответственно с 1935 по 1938 и с 1938 по 1942 г. В период с 1942 по 1945 г. во главе подотдела стоял Фишер. Для сравнения следует сказать, что подотдел журнальной прессы возглавлял один и тот же человек с 1933 по 1945 г.

принимались санкции. Особо вопиющие случаи рассматривались лично Геббельсом или Дитрихом. После того как заканчивалось выступление главы подотдела немецкой прессы, слово брал представитель отделения прессы Министерства иностранных дел. В своей длившейся, по воспоминаниям участников, необыкновенно долго речи он давал дополнительные уточнения и дополнения к тому, что было изложено до него. Во время войны ему на смену приходил представитель высшего командования вермахта. И наконец, завершал это весьма громоздкое мероприятие представитель Имперской службы прессы НСДАП. Иногда слово предоставлялось представителям других министерств, например Министерства экономики или Министерства труда. В достаточно сжатой форме они сообщали о положении дел в своей отрасли. На то, чтобы прочитать «лозунги дня», уходило всего 5 минут, все остальное время занимали перечисленные выше дополнительные мероприятия.

Часто бывало, что события, нуждавшиеся в срочных комментариях, происходили в послеобеденное время. В этом случае комната № 24 Бюро отделения прессы имперского правительства в Министерстве пропаганды оперативно заполнялась людьми. На этот раз представители прессы, опять‑таки под началом главы подотдела немецкой прессы, собирались на так называемую «особую конференцию». Поводом могли служить, в частности, заявления имперского правительства.

В бытность свою главой подотдела Г. Фриче исхитрялся собирать еще одну конференцию для представителей 50–60 газет, где в максимально неофициальной обстановке оговаривал различные рабочие моменты.

Отдельно следует сказать, что помимо пресс–конференций для немецкой прессы существовали в рамках Министерства пропаганды и конференции для иностранной прессы. Дитрих учредил ежедневные собрания для иностранных журналистов, на которых выступали как представители шефа имперской прессы, так и представители OKW, докладывавшие о военном положении.

Риббентропу, естественно, не могло понравиться, что из его рук уплыл такой важный момент, как информирование иностранных журналистов. Выход он нашел достаточно предсказуемый. Да, да, вы не ошиблись: в обход Министерства пропаганды, в обход Дитриха он стал собирать иностранных журналистов на свою собственную конференцию. Последние, надо сказать, были только рады предоставлявшейся возможности получать информацию из первых рук, а не в «пережеванном» виде.

Система контроля и информирования журнальной прессы повторяла систему, отработанную на газетах. Проводились так называемые «культурные пресс-конференции», а также «конференции имперской журнальной прессы». Дело происходило все там же, в министерстве, и председательствовал на них глава подотдела журнальной прессы[112]. Он принимал участие в ежедневных геббельсовских министерских конференциях, и все говорившееся там напрямую касалось и его.

Трудно себе даже вообразить, какое огромное количество директив порождали эти многочисленные конференции. Их количество с 1933 по 1945 год, по достаточно приблизительным оценкам равняется от 80 000 до 100 000 экземпляров[113]. Это и неудивительно, так как любое мало–мальски важное политическое событие находило свое отражение в соответствующих инструкциях. Бывали, правда, дни, когда проговаривался достаточно ограниченный круг проблем или конференции отменялись вовсе. В этих редких случаях бумажная буря ненадолго затихала. Чаще бывало наоборот: множились важные для рейха вопросы — множились директивы. Письменные материалы сопровождала все та же

---

[112] Полное название подотдела: die Abteilung der Zeitschriften und Kulturpresse.

[113] Noelle‑Neumann Elisabeth, Schulz Winfried, Wilke Jurgen. Fischer Lexikon. Publizistik. Massen‑Kommunikation/ F/Main. 1994. S. 447.

обстановка секретности, что и конференции.

Секретность буквально пронизывала министерство насквозь. То, как она соблюдалась, поистине достойно отдельного упоминания. Сохранение тайны начиналось со строжайшего самоконтроля. Все, имевшие касательство к соответствующему материалу, обязаны были контролировать себя в общении со знакомыми и в кругу семьи. Немцы, с их любовью ко всеобщей классификации и систематизации, исхитрились разделить секретность по степеням. Всего их предполагалось три. Теоретически цветовая дифференциация бланков должна была четко определять степень важности того или иного документа. Однако практика показала, что провести границу между вторым и, скажем, третьим уровнем секретности почти невозможно. На всякий случай бдительность проявляли повсюду и в любых ситуациях.

Работа при этом осложнялась еще и тем фактом, что для передачи информации из Берлина в другие города Германии далеко не во всех случаях дозволялось использовать телеграф и телефон. Однако оказалось, что ничего более удобного и быстрого, чем данные средства связи, нет и в ближайшее время не предвидится.

Была единственная альтернатива: доставка материала в редакцию могла быть осуществлена лично. При этом все обставлялось необыкновенно торжественно. Документы поступали в закрытых кожаных папках. Хранились они в специальных сейфах. Доступ к ним имел лишь человек, непосредственно ответственный за их сохранность. После определенного срока хранения весь материал подлежал уничтожению. Его следовало сжечь или пропустить через специальный измельчитель бумаги. Уничтожаемые документы не намного уменьшали общий объем бумажной массы. Дело в том, что по правилам полагалось составлять специальные протоколы, которые подтверждали факт уничтожения. Главные редакторы должны были лично удостовериться, что все сделано в соответствии с требованиями, и заверить протоколы своими подписями. Лишь после этого протоколы отсылались непосредственно в министерство. Министерство, в свою очередь, имело право устраивать проверки в редакциях на предмет соблюдения всех предписаний по хранению и использованию министерских директив.

Особо тщательно контролировались редакторы. В частности, главный редактор обязан был дать что-то вроде подписки о неразглашении[114], в которой он подтверждал свои обязанности в отношении соблюдения полной секретности. Он был обязан не допускать к информации лиц, не имевших право на ознакомление с ней. Он нес также ответственность в случае любого непредусмотренного использования материала. Наказуема была и любая попытка «прикрыть» коллег[115].

Существовали ситуации, когда всех перечисленных организационных и карательных мер не хватало. В таких случаях материал приходил с пометкой главы отдела прессы Министерства пропаганды. Это были настолько секретные бумаги, что их, как в известном анекдоте, следовало уничтожать до прочтения. В случае необходимости дальнейшая передача материала производилась самыми разными способами. Среди них можно выделить способы, когда дальнейшее распространение осуществлялось исключительно устно или, наоборот, только письменно, слово в слово или в общих чертах, с подписью или исключительно анонимно. Имя человека, предоставившего подобную информацию, на конференции всегда оставалось в тайне.

Иногда подобные меры приводили к довольно курьезным ситуациям, когда одно ведомство распространяло с пропагандистскими целями фальшивую информацию, а другое ее «вылавливало» и делало далеко идущие выводы из неверных предпосылок.

---

114 Verpflichtungsschein frier Hauptschriftleiter

115 К октябрю 1933 года был опубликован «Закон о редакторах», где были собраны воедино все немалые требования, предъявляемые к этой профессии в Третьем рейхе. См. приложение 2.

Справедливости ради надо сказать, что такие замысловатые меры все же не являлись панацеей, поскольку всегда существовал так называемый человеческий фактор. О его существовании говорит тот факт, что современные историки имеют возможность ознакомиться с целым рядом бумаг, которые по идее должны были быть уничтожены сразу по прочтении.

Известны немногочисленные случаи, когда документация не только не уничтожалась, но и передавалась за границу. Подобные действия обычно не одобряются ни в одно время ни в одной стране мира. Уличенным в их совершении грозили как правило пожизненное заключение или даже смертная казнь. В качестве иллюстрации к вышесказанному можно привести одно из сообщений Министерства пропаганды от 3 сентября 1937 года: «Министерский совет Берндта сообщил сегодня на пресс–конференции, что снова был схвачен редактор по факту совершения предательства родины. Речь идет о редакторе маленькой неизвестной провинциальной газеты, который на протяжении 4 месяцев передавал все указания земельных инстанций и Министерства пропаганды иностранным учреждениям. Пока еще не установлено, делал ли он это за вознаграждение. Предполагается, что эти действия совершались им из оппозиционности. Министр пропаганды хочет использовать все свое влияние, чтобы в деле означенного редактора, в отличие от дела Швердтфегера[116], которое завершилось приговором к пожизненному заключению, был бы вынесен смертный приговор. Министр пропаганды сообщает в качестве секретной информации о втором по счету случае предательства, совершенного редактором»[117].

Подобные случаи были редки. В работе министерства очень нечасто случались проколы. Во–первых, система «хаоса компетенций» имела помимо отрицательных черт одно немаловажное для тоталитарного государства достоинство — взаимный контроль. Чиновники бдительно следили друг за другом. Во–вторых, залогом успешной работы было то, что каждый из работников имел достаточно ограниченную сферу ответственности. Людей, к которым сходились все нити, были считанные единицы.

Существование такой махины, как Министерство пропаганды, логически оправдывалось еще и тем, что если не полностью исключало существование аппарата цензуры, то существенно сокращало его значение. Нет, цензура была. Куда ж без нее? Но задачи она выполняла более узкие, чем можно было бы предположить, и носила по преимуществу предварительный характер. Существовал, например, такой орган, как Партийная ведомственная контрольная комиссия для контроля литературы. Периодическая печать не должна была, по идее, стать объектом контроля со стороны этой организации, однако все же сумела попасть под самое пристальное внимание, поскольку в ней часто цитировались речи фюрера, а забота о точности цитирования как раз входила в сферу ответственности комиссии. Беспокоясь о точности цитирования себя, Гитлер 2 ноября 1937 года лично распорядился предъявлять все выдержки из «Майн кампф» и собственных речей своей комиссии: «При передаче моих речей в брошюрах и книгах, а также в собраниях сочинений и журналах снова и снова возникают существенные ошибки. Так, довольно часто выбрасываются целые предложения, иногда они вырываются из контекста, что мешает пониманию смысла. Эти причины вынуждают меня позаботиться о том, чтобы во всей вышеназванной печатной продукции не цитировались мои речи без того, чтобы они не были предварительно представлены шефу Канцелярии фюрера рейхсляйтеру Боулеру[118] на

---

116 Речь идет скорее всего о редакторе «Берзен Цайтунг». В дневниках Ширера он упоминается, как некий Х., который избежал верной смерти и был приговорен к пожизненному заключению.

117 Секретное сообщение Министерства пропаганды от 3 сентября 1937 года. J. Hagemann. S. 101.

118 Боулер Филипп (11.09.1899, Мюнхен — 19.05.1945, Дахау), партийный деятель, рейхсляйтер, обергруппенфюрер СС. Участник Первой мировой войны, Боулер одним из первых вступил в НСДАП. Работал в «Фелькишер беобахтер». С 1922 года занимал должность заместителя главного управляющего делами

рассмотрение». Справедливости ради следует сказать, что подобная озабоченность Гитлера оказалась оправданной, поскольку после проверки проведенной комиссией было выявлено, что 80% всех цитат были либо неточными, либо неправильными. Это объяснялось в первую очередь тем, что в большинстве случаев не существовало заверенных рукой фюрера конечных редакций его речей, в результате чего каждое последующее печатное издание использовало цитаты из предыдущего, опираясь на него как на первоисточник. Это приводило к тому, что ошибки множились от раза к разу. Не совсем точное цитирование являлось мерой не злонамеренной, а скорее случайной. В качестве примера можно привести случай, когда «Фелькишер беобахтер» в своем номере от 15.2.1939 при передаче речи Гитлера, произнесенной 14.2.1939 при спуске со стапелей боевого корабля «Бисмарк», использовала для обозначения политических противников Бисмарка понятие Kirchenpolitiker то есть «церковные политики». В соответствии с курсом снижения влияния католической церкви на светскую жизнь, который проводил канцлер Германии Бисмарк, использование данного понятия являлось вполне закономерным. Однако, прослушав аудиозапись данной речи, можно убедиться, что прозвучало совсем иное понятие — Kirchturmpolitiker, что на деле имеет переносное значение и переводится как «недальновидные политики». Однако с 1937 года даже такие безобидные неточности становились объектами самого пристального внимания. Более того, проверка точности цитирования причислялась к мерам предварительной цензуры: «Издатели обязаны предъявлять книжные и газетные материалы, содержащие цитаты из "Майн кампф" или из речей фюрера, перед печатью для проверки в Партийной ведомственной контрольной комиссии защиты национал–социалистической литературы. Это же касается и всех ссылок на фюрера или на высказывания фюрера в тексте или в сносках. В научных работах, особенно в диссертациях, достаточно будет указать место, откуда взята цитата». Задачей комиссии, таким образом, стало самое тщательное отслеживание даже незначительных неточностей в цитировании Гитлера. Вполне закономерным являлся тот факт, что в сферу ее интересов вошли также и все средства массовой информации.

Несмотря на случаи утечки информации, путаницу, связанную с борьбой компетенций, потерю сотрудников в связи с их отправкой на фронт, военные разрушения, махина Имперского министерства просвещения и пропаганды со всеми своими сопутствующими организациями функционировала до самого конца войны. 13 марта 1945 года зданию был нанесен такой сильный ущерб, что «машина для промывания мозгов» вынуждена была прекратить свою работу. Но Геббельс отдал под нужды этого учреждения свою резиденцию, которая находилась на соседней с министерством Германгерингштрассе[119]. Можно сказать, что министерство, плоть от плоти Третьего рейха, не оставило его до конца.

МИНИСТР и ЕГО СОПЕРНИКИ: ПАРТИЙНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕССЫ И ПРОПАГАНДЫ

НСДАП Аманна. В 1925–1934 гг. являлся имперским делопроизводителем партии. Член Имперского сената культуры. В 1933 году был назначен уполномоченным по вопросам культуры в ведомстве заместителя фюрера по партии. В 1934–м — начальник личной канцелярии фюрера. С 1939 года курировал программу эвтаназии неизлечимо больных. В 1945 году был арестован союзниками и перевезен в Дахау, где покончил жизнь самоубийством.

119 *Роберт Э. Герцштейн.* Война, которую выиграл Гитлер. С. 161.

Пускай падет проклятье на врагов моих!
Эсхил. «Просительницы»

Бывает, двое мужчин вступают между
собой в конфликт, который никак нельзя
разрешить в судебном порядке.
А. Гитлер

Немецкий историк Фриц Смидт[120] в своей далеко не бесспорной, но ценной по уровню информативности работе сравнивает деятельность самого Геббельса и его коллег с производителями «сырья, полуфабрикатов и готовых изделий для духовного потребления и массового гипноза немецкого народа». Уподобив печатное слово отравляющему газу, а всю систему управления прессой — концерну по его производству, автор отводит Геббельсу роль генерального директора, а роль главного химика — шефу имперской прессы Отто Дитриху. Аманн, миллионер, в чьих руках находился крупнейший в мире газетный концерн «Эхерферлаг», президент Имперской палаты печати, согласно этой системе занял кресло производственного директора. «Производственный директор», в свою очередь, опирался на исполнительного и прилежного помощника — Рольфа Риенхардта[121]. Следуя далее логике этой необыкновенно наглядной схемы, следует заметить, что если бы руководство крупного завода, где производят отравляющие газы, тратило столько времени на выяснение отношений, интриги и склоки, как это было принято в среде немецких иерархов, то можно было бы не опасаться их жутковатой продукции.

Может, подобная ситуация была характерна только для слишком быстро «повзрослевших» государственных структур? Ведь обидно, когда молодое и зеленое министерство уводит у тебя из под носа то, что считаешь своим. А может, на партийном или профессиональном уровне организации пропаганды ситуация совсем иная? Нет, мало того что не иная, так, пожалуй, еще хуже.

Достаточно посмотреть, например, на схему партийной организации прессы и пропаганды[122], и становится понятно, что Геббельс, Дитрих и рейхсляйтер прессы Аманн снова будут больно наступать друг другу на ноги. Так оно в сущности и получалось.

О том, какой антагонизм существовал между Геббельсом и Дитрихом, уже упоминалось в главе, посвященной Министерству пропаганды. Будучи статс–секретарем этого министерства, Дитрих оказывался в непосредственном подчинении у министра пропаганды. Однако в системе партийной организации прессы и пропаганды он, напротив, выступал вполне самостоятельной и значимой фигурой.

Партийные структуры, ответственные за прессу и пропаганду и возглавляемые Отто Дитрихом, должны были слиться с государственными после 1933 года и затеряться в них. На деле этого не произошло. Они продолжали функционировать, хотя и вынуждены были изменить характер своей работы. Дело в том, что партийная пресса организовывалась, когда НСДАП еще близко не было у власти, и, соответственно, являлась оппозиционной по сути. После 1933 года задачи ее изменились коренным образом. Потребовался быстрый переход к

---

120 Fritz Smidt, Presse in Fesseln. S. 267.

121 Риенхардт Рольф — род. 2.7.1903 в Саксонии. Получил юридическое образование. С 1928 года занимал место юридического представителя в издательстве Эхера, центральном издательстве НСДАП. С 1934 года являлся представителем Имперского объединения немецких газетных издателей, главный руководитель ведомства прессы при имперском руководстве НСДАП.

122 Aus den Akten des "Wilhelmstrassen — Prozess" des Militaer‑ gerichtshofes 4, Fall 11, Doc. No. NG -397. Цит. no: Abel Karl-Dietrich. Presselenkung im NS‑ Staat. Berlin, 1968. S.109.

мерам по поддержанию политики правительства. Для того чтобы сразу исключить всякое недопонимание со стороны пишущей братии, Дитрихом было сформулировано специальное предписание. Оно называлось: «Всем главным редакциям национал–социалистической прессы». Помеченное грифом «секретно», оно содержало своего рода план перехода партийной прессы в стадию правительственной. Переход этот, по мнению Дитриха, должен был осуществляться по двум направлениям.

Первое и основное — отход от всякой самодеятельности. Подразумевалось, что партийная пресса должна была излечиться от «неуместной в данных условиях привычки критиковать правительство, более того, публично выдвигать какие бы то ни было условия». Отныне существовал только один путь: всеми доступными журналистам методами поддерживать правительственные меры, проводимые «во имя фюрера».

Второе: «Все пожелания должны отныне носить не публичный характер, а доводиться до сведения правительства иными путями». Так как не уточнялось, что это за пути, то люди сметливые сразу поняли смысл данного пожелания.

Сформулировав кратко и емко свое кредо, Дитрих взялся за созидательную работу и вскоре достиг того, что подведомственные ему структуры стали разрастаться, причем весьма споро. Сам он очень любил подчеркивать, что поначалу все держалось исключительно на его авторитете и могучем интеллекте. Небольшое бюро в имперской канцелярии [123] обеспечивало регулярную связь с представителями берлинских партийных изданий посредством коротких, но зато ежедневных конференций. Подобную практику Дитрих считал необыкновенно удачной. Ее внедрение он относил исключительно на свой счет, с восторгом подчеркивая тот факт, что фюрер поддержал это начинание и даже высказал свое удовлетворение тем, что информация будет поступать из первых рук, более того, пожелал ежедневно видеть партийного руководителя имперского бюро прессы, чтобы информировать его лично. Постепенно партийные конференции становились все более многолюдными. В мюнхенских, например, принимали участие референты имперского руководства НСДАП, руководство гау Верхняя Бавария, руководство Ведомства имперской пропаганды в правительстве Баварии и Мюнхена, представители всех прочих ведомственных инстанций, в том числе и представленной в Мюнхене прессы из других городов и государств. По сравнению с геббельсовскими конференции Дитриха были не настолько жестко расписаны по своей структуре и менее насыщены информативно. Как правило, они сводились к обнародованию докладов и рефератов, а также обзоров различных общественных мероприятий в Мюнхене и вовне. Достаточно часто отводилось время и на то, чтобы своими впечатлениями могли поделиться специальные корреспонденты различных печатных изданий, побывавшие непосредственно на местах.

Вот так все разрослось, а ведь начиналось более чем скромно. И ни о каких партийных конференциях даже речи не было. Просто в Мюнхене возникла та структура, которая, собственно, и станет первоосновой для образования Имперского бюро прессы НСДАП. В документах она обозначалась как Служба имперского шефа прессы НСДАП[124]. Постепенно организация расширялась. Она уже не ограничивалась Мюнхеном, а имела свои представительства по всему государству. В 1930 году Гитлер избрал дворец Барлов[125] в качестве места нахождения руководства НСДАП, перенеся его из здания по адресу: Шерлингштрассе, 50. Комната на третьем этаже новообретенной резиденции была выделена

---

123 Название «Имперское бюро прессы НСДАП» (Reichspressestelle der NSDAP) появилось далеко не сразу.

124 Dienststelle des Reichpressechefs der NSDAP.

125 Здание, названное Коричневым домом, было приобретено на деньги рейнландских промышленников и перестроено «придворным» архитектором Троостом по личным чертежам Гитлера. До этого времени НСДАП занимала под свои штаб–квартиры различные мюнхенские здания, в том числе и здания издательства Эхер.

в распоряжение Бюро прессы при имперском руководстве НСДАП[126]. Поначалу обстановка была более чем спартанская: письменный стол, стул, печатная машинка, на которой, собственно, и печатались первые инструкции[127] для прессы.

Заправляли всем сперва совсем другие люди, а вовсе не Дитрих. В частности, успел отметиться будущий министр экономики Вальтер Функ[128]. Однако именно при Дитрихе бюро прессы НСДАП «распухло» настолько, что стало являть собой солидную, развернутую структуру, состоявшую из многочисленных ведомств. Наиболее значимыми, безусловно, являлись берлинское и мюнхенское его отделения. Известно, что к началу 1937 года берлинская служба НСДАП состояла из следующих ведомств[129]:

1) Ведомство партийной прессы[130].

Основной его обязанностью являлось установление связи между имперским шефом прессы и главными редакторами партийной прессы. Ведомство было расположено в так называемом Доме национал–социалистической прессы[131]. Связь с главными редакторами осуществлялась посредством регулярных конференций, а также через ежедневные письменные инструкции. Имелись в данном ведомстве и своя собственная Информационная служба, а также служба, занимавшаяся отбором наиболее актуального печатного материала для статей. Она носила название «Особая служба национал–социалистической прессы»[132], возглавлял ее Курт Ферверс. Ведомством партийной прессы руководил райхсхауптштелленляйтер[133] Макс Фрайхерр ду Прель.

---

126 Pressestelle bei der Reichsleitung der NSDAP.

127 Die Mitteilungen.

128 Функ Вальтер (18.08.1890–31.05.1960) — занимался журналистской деятельностью, после изучения права, философии и экономических дисциплин. После непродолжительной военной службы получил место в редакции «Берлинской биржевой газеты». С 1920 года — редактор торгового отдела. С 1922 по 1930 год — занимал место главного редактора. В 1931 году вступил в НСДАП. С 1932 года — руководитель комиссии экономической политики в имперском руководстве НСДАП. 30.01.1933 назначается на пост шефа прессы в имперском правительстве. С марта 1933 года — статс–секретарь в Министерстве пропаганды, а также вице–президент палаты культуры. С 5.02.1938 занял место Шахта в качестве имперского министра экономики. С 1939–го — президент имперского банка. Нюрнбергским судом был приговорен к пожизненному заключению, но отпущен по состоянию здоровья в 1957 году.

129 Из выступления райхсхауптштелленляйтера, руководителя ведомства партийной прессы берлинского отделения Имперской пресс–службы НСДАП, главы Дома национал–социалистической прессы, руководителя информационной службы шефа имперской прессы доктора Макса Фрайхерра ду Преля, посвященного десятилетнему юбилею со дня основания Газетно–научного объединения города Мюнхена. Von Reichshauptstellenleiter Dr. Frhr.du Prel. Die Berliner Dienststelle des Reichspressechefs der NSDAP // Dienst an der Presse. Дш der Berufspraxis der Zeitungswissenschaftlichen Vereinigung Muenchen. Miinchen, 1939. S. 52.

130 Das Amt Parteipresse.

131 С 1930 года национал–социалистические газеты Берлина имели общую пресс–службу «Газетная служба графа Райшаха», а также бюро «Национальцайтунг». Обе организации располагались по адресу: Шарлоттенштрассе, 82. По инициативе Дитриха здание стало использоваться в качестве места для собраний берлинского руководства национал–социалистической прессы. В официальных бумагах оно стало фигурировать как Дом национал–социалистической прессы. В качестве такового оно функционировало с апреля 1936 года.

132 Sonderdienst der NS‑ Presse.

133 По системе рангов НСДАП — руководитель главной инстанции Имперского руководства.

2) Ведомство аппарата политической прессы[134].

Занималось координацией работы ведомств, ответственных за партийную прессу в рамках гау. Основная работа заключалась в том, чтобы доносить до ее представителей информацию о деятельности партии. Помимо этого в задачи данного ведомства входила поддержка новых изданий. Бывало, что оно же впоследствии решало их судьбу.

3) Журнальное ведомство[135].

Осуществляло контакт шефа имперской прессы с руководством немецких журналов, снабжая оное директивами. Руководитель ведомства — райхсхауптштелленляйтер Хенрих Ханзен[136].

4) Ведомство новостей (НСК)[137].

До прихода НСДАП к власти в задачу НСК входило снижение политического ущерба, который наносило государственное радио престижу НСДАП в ходе предвыборной борьбы. Руководитель ведомства — райхсхауптштелленляйтер Вильхельм Ритген, главный редактор — Хельмут Зюндерман[138].

5) Главное бюро надзора за прессой.

Основной функцией являлось осуществление связи шефа имперской прессы НСДАП с непартийной прессой. Особое внимание уделялось контролю и инструктажу крупных берлинских непартийных газет относительно потребностей партии. Руководитель Главного бюро надзора за прессой — райхсхауптштелленляйтер Вернер Лаз.

Перечисленными ведомствами, входившими в состав Имперского бюро прессы НСДАП, система партийной организации средств массовой информации не исчерпывалась. В различных землях существовало огромное количество местных организаций. Несмотря на сходный профиль работы их руководство не контактировало с также разбросанными по городам и весям ведомствами имперской пропаганды, находившимися в подчинении у Геббельса. И без того громоздкая система продолжила свое развитие после начала военных действий. В марте 1938 года в Вене было образовано собственное бюро, получившее название «Ведомство Бюркеля» по имени своего главы. В октябре 1938 года в Райхенберге возникло собственное бюро, переросшее позднее в Главное судетское ведомство по делам прессы. Местное бюро появилось и в Праге, а в дальнейшем — на других завоеванных территориях.

Понятно, что геббельсовские подчиненные на местах постоянно сталкивались со

---

134 Das Amt Pressepolitischer Apparat.

135 Das Amt Zeitschriften.

136 Хенрих Ханзен являлся одновременно руководителем «Бюро доктора Дитриха», организации, служившей в переходный после взятия НСДАП власти период для согласования политики партии в Мюнхене и Берлине. Данное бюро являлось провозвестником Имперского бюро прессы НСДАП.

137 Nationalsozialistische Parteikorrespondenz. Имеются сведения, что свой первый информационный листок НСК выпустила 11 января 1932 года. Регулярно выпускавшиеся отчеты содержали информацию о предвыборной кампании Гитлера, когда он на самолете перелетал из одного города в другой, успевая за день выступить по крайней мере на пяти собраниях.

138 Хельмут Зюндерман родился 19.02.1911 в Мюнхене. В 1931 году начал свою деятельность в Имперской пресс–службе НСДАП. Занят должность главного редактора в НСК, добился наибольшего признания после переезда этой организации в Берлин. Карьерный взлет его был необыкновенно стремительным. По воспоминаниям Макса ду Преля, претендующим на дружескую шутливость, он начал с того, что «вымолил себе угол на письменном столе, с тем чтобы было куда положить вещи», продолжил «захватом» обоих находящихся в комнате телефонных аппаратов и, наконец, пришел к тому, что стал щеголять табличкой «Главный редактор НСК». С 1934 года — унтерштурмфюрер СС. С 1937 года — штабсляйтер шефа имперской прессы НСДАП.

структурами, подвластными Дитриху, стараясь все- таки ориентироваться именно на своего шефа. Так оно было спокойнее и безопаснее для карьеры.

Надо сказать, что жизнь чиновников, связанных со средствами массовой информации, была бы легка и безоблачна, если бы они существовали лишь в условиях пересекающихся компетенций Дитриха и Геббельса. Однако из приведенной в начале главы таблицы видно, что немаловажную роль в системе партийной организации средств массовой информации играла фигура Макса Аманна. Родившемуся и проживавшему в Мюнхене Аманну первоначально была уготована судьбой довольно тихая жизнь. Судя по всему, его ожидало мирное занятие торговлей — труд на благо родного края. Получив соответствующее образование, он успел попробовать себя на этой ниве и остался очень собой доволен. Но вмешалась Первая мировая война. Дослужившись до фельдфебеля, Аманн оказался непосредственным начальником ефрейтора Адольфа Гитлера. Не известно точно, только ли это знакомство так повлияло на него, но после войны он одним из первых (партбилет № 3) вступил в НСДАП. С фюрером его продолжали связывать самые добрые отношения. С 1921 года он руководил финансовыми делами партии и сумел привести их в должный порядок. Явный организаторский талант еще больше возвысил его в глазах Гитлера. С 1922 года Аманну уже поручается управление центральным издательством НСДАП, издательством Эхера [139]. С 1924 по 1933 год новоявленный директор издательства занимал также должность муниципального советника в Мюнхене. Но полное признание, подлинная власть и очень большие деньги пришли к нему после 1933 года. Будучи рейхсляйтером национал–социалистической прессы, а также председателем Имперского союза немецких газетных издателей, членом Имперского сената культуры, президентом Имперской палаты печати, Аманн сколотил гигантскую газетную империю, превратив «Эхер ферлаг» в крупнейший в мире газетный концерн. В собственность официального партийного издательства переходили те издательства, которые принадлежали раньше евреям, в том числе огромное объединение Ульштайна, а также купленные за бесценок запрещенные газеты. Немалая часть средств оседала в кармане Аманна. Однако ему прощалось многое, поскольку Гитлер по–прежнему необыкновенно ценил его деловые качества и профессиональное чутье. Показательно, что в своих застольных беседах фюрер неоднократно упоминал Аманна, выражая ему свою признательность.

«Аманн показал себя очень толковым коммерсантом уже потому, что никогда не заключал сделок, если те не представляли собой сделок в буквальном смысле этого слова, или же в противном случае немедленно разрывал все контакты. Именно благодаря такому деловому отношению к газетному делу и оказалось возможным в течение недолгого времени превратить издательство "Эхер", где выходила "Фелькишер беобахтер", в крупнейший газетный концерн в мире, по сравнению с которым концерны газетных королей США — то же, что карлик радом с великаном. Можно по достоинству оценить это достижение только в том случае, если вспомнить, что, когда он в свое время купил "Фелькишер беобахтер", число ее подписчиков не превышало 7000, рекламных объявлений в ней не давали, а в кассе не хватало денег даже на оплату необходимого количества бумаги»[140].

К 1942 году личный доход «толкового коммерсанта» составлял 3,8 млн марок. Естественно, в силу своей влиятельности и занимаемого положения Аманн то и дело оказывался очень крупной помехой как для Геббельса, так и для Дитриха.

Как ни огромна в сфере средств массовой информации была власть партии и

---

[139] Издательство Франца Эхера находилось в Мюнхене. Именно в этом издательстве впервые была выпущена книга Гитлера «Майн кампф». Аманн, участвовавший в Пивном путче и приговоренный к 4,5 месяцам заключения, успел за это время лично выправить ошибки и стиль гитлеровской работы, а также предложил ей название «Майн кампф» вместо названия «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости». Позднее издательство Эхера стало официальным издательством НСДАП.

[140] *Генри Пикер.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 257.

государства, но не следует забывать о существовании еще одного, самого «древнего» уровня организации, принцип которого восходит к средневековью, к цеховой системе. Речь идет об организации по профессиональному признаку. Самые разные профессиональные объединения средств массовой информации существовали и во времена Веймарской республики, но именно Гитлер довел эту систему до ее наивысшего и наиабсурднейшего воплощения. 22 сентября 1933 года в свет вышел закон за подписью фюрера, который заложил совершенно новые основы для профессиональной деятельности тех, кто по роду занятий хоть как‑то соприкасался с тем, что подпадало под понятие «культура». К средствам массовой информации «Закон об Имперской палате культуры»[141] тоже имел самое непосредственное отношение. Й. Геббельс был уполномочен в качестве президента Палаты культуры проконтролировать процесс объединения деятелей культуры в шесть палат: Имперскую письменную палату, Имперскую палату прессы, Имперскую палату радио, Имперскую палату театра, Имперскую палату музыки и Имперскую палату изобразительных искусств. Еще раньше вышел закон об образовании Имперской палаты кино. Ровно через месяц появился документ, более подробно расписывающий всю специфику предстоящей работы. Речь шла о «Первом постановлении о реализации закона об Имперской палате культуры» от 1 ноября 1933 года[142]. В нем на неудобочитаемом бюрократическом наречии излагался круг обязанностей новой организации. Они заключались в том, чтобы «под руководством министра пропаганды и в сотрудничестве со всеми заинтересованными организациями содействовать развитию германской культуры, неся за это ответственность перед народом и государством; упорядочивать–экономические и социальные аспекты культурной деятельности; добиваться согласованной деятельности от всех входящих в нее групп»[143].

Если отвлечься от LTI[144], то задачей данного государственного образования можно назвать контроль за теми, кто творит, и теми, кто сотворенное распространяет. Жесткому контролю подлежали не только журналисты и писатели, но и продавцы книг и газет, а также производители и продавцы технических средств распространения, позволяющих эти книги и газеты тиражировать. При этом оказывалось, что совершенно не важно было, кто брался распространять «культурную продукцию» — отдельные лица, общества, объединения, частные фонды, корпорации или государственные учреждения, граждане рейха или иностранцы, предприниматели или наемные рабочие — и как они ее распространяли. Самое главное заключалось в том, что все они должны были подчиняться единообразным правилам, а неподчинение влекло за собой запрет заниматься профессиональной деятельностью и прочие кары. Итогом этой законотворческой работы явилось то, что возникла и сформировалась еще одна необыкновенно громоздкая структура под названием Имперская палата культуры (см. таблицу на стр. 115).

В этой системе, казалось бы, не видно вечных геббельсовских соперников Отто Дитриха и Макса Аманна. Но если посмотреть подробнее, то выяснится, что они опять возникают там же, где и всегда, — в области, связанной со средствами массовой

---

141 Reichkulturkammergesetz. Vom 22. September, 1933. RGB1.1.1933. S. 661.

142 Erste Verordnung zur Durchfuehrung des Reichkulturkammer‑gesetzes. Vom 1. November 1933. RGB1. 1. 1933. S. 797.

143 §3.

144 Lingua Tetrii Imperii — Язык Третьей империи, прекрасный термин, использовавшийся Виктором Клемперером в его одноименном произведении. Рассматривая все, что его окружало в Третьем рейхе, через призму филологических исследований, Клемперер фиксировал превращение литературного немецкого языка в какой‑то странный «новояз».

информации. Президентом Имперской палаты прессы являлся Аманн, а вице–президентом — Дитрих.

Помимо названных конкурентов существовали еще и другие, на борьбу с которыми Геббельс вынужденно тратил силы, поскольку сфера деятельности этих людей тоже затрагивала его интересы.

Первое место в списке имен следовало бы отдать Й. фон Риббентропу, министру иностранных дел. Когда вновь образованное Министерство народного просвещения и пропаганды позаимствовало в 1933 году часть функций Министерства иностранных дел, Риббентроп почувствовал себя глубоко уязвленным. Геббельс, со своей стороны, считал, что все сделано правильно, поскольку пропаганду за границей не следовало доверять человеку, которого он считал глупцом и приспособленцем. В 1941 году Риббентроп нашел для себя выход в том, что организовал в своем министерстве комитет пропаганды, чьи руководители Лютер [145] и Крюммер регулярно посещали геббельсовские министерские совещания, снабжая сведениями министра иностранных дел. Возмущению Геббельса не было предела. Риббентроп же, со своей стороны, все чаще давал ему поводы для недовольства:

«Риббентроп не очень‑то корректный партнер. Он смешивает политику с торговлей шампанским, в которой принято надувать партнера. Но не со мной!»

Достаточно часто «удостаивался» негативных упоминаний и А. Розенберг. В 1933 году, когда было создано Бюро иностранной помощи НСДАП (АПА), возглавивший его Розенберг получил право пропагандировать нацизм за рубежом, организовывать студенческие обмены, публиковать в иностранной прессе пропагандистские статьи. Помимо всех своих обязанностей с 1934 года он являлся уполномоченным фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП. Его деятельность Геббельс прокомментировал так:

«Розенберг намеревается организовать свою лавочку пропаганды один. Каждый хочет заниматься пропагандой, и чем меньше он в ней понимает, тем больше хочет». Но вопреки возмущенному министру «лавочка пропаганды» вовсю функционировала. В своем ведомстве Розенберг учредил собственную пресс–службу, а также собственный отдел мировоззренческой пропаганды. Все другие службы и отделы тоже так или иначе вторгались либо в то, что Геббельс считал своей епархией, либо в то, что он хотел бы ею считать. Среди розенберговских отделов, в частности, встречались такие, как служба философии и педагогики, управление по развитию искусств, главная служба развития литературы, исторический отдел, отдел арийского мировоззрения, отдел контроля за материалами и учебными планами.

Задачи всех этих служб и отделов были очерчены весьма приблизительно, что вполне легально позволяло им вмешиваться в работу других ведомств.

Среди излюбленных Геббельсом методов устранения соперников был один, проверенный временем и выручавший его не раз. Пользуясь своей близостью к Гитлеру, Геббельс стал вовсю высмеивать Розенберга, подчеркивая его профессиональную несостоятельность. Фюрер, который так и не смог осилить тяжеловесное литературное творение Розенберга «Миф 20–го столетия», подобным шуткам не препятствовал, поскольку находил их весьма смешными и остроумными. Вот что писал по этому поводу А. Шпеер, который и сам знал толк в интригах: «Излюбленной мишенью для острот Геббельса был и оставался Розенберг, которого он охотно величал "рейхсфилософом" и всячески принижал в своих анекдотах. В случае с Розенбергом Геббельс мог быть уверен в одобрении Гитлера и потому так часто обращался к этой теме, что его рассказы стали походить на разученный

---

[145] Лютер, являясь заместителем Риббентропа, пользовался безграничным доверием последнего. Перед принятием любого сколько‑нибудь важного решения министр обязательно запрашивал его мнение вне зависимости от того, требовалось ли при этом мнение экспертов или нет. То, что во главе комитета пропаганды был поставлен именно Лютер, говорит о том, что Риббентроп серьезно опасался растущего влияния Геббельса и его министерства.

спектакль, в котором отдельные актеры дожидались своего выхода. Можно было почти наверняка предсказать, что ближе к концу Гитлер непременно произнесет следующие слова: "Фелькишер беобахтер" такой же скучный, как и его редактор А. Розенберг»[146]. Сказанное всегда служило сигналом для Геббельса, который подавал свою реплику и «вдруг» вспоминал об очередной оплошности Розенберга, преподнося ее всегда саркастически.

Достаточно часто в записях Геббельса упоминался и Роберт Лей, глава Германского рабочего фронта (ДАФ). Его министр пропаганды не считал серьезным противником, презирая за алкоголизм и легковерие. Лей своими подчас нелепыми высказываниями в прессе довольно часто заставлял Геббельса досадовать и негодовать. Отношение к нему было не как к врагу, а скорее как к досадной помехе. Показательно, что легковерие Лея стало той чертой, которая некоторым образом примирила с ним Геббельса. Последнему льстило то, с какой легкостью глава Трудового фронта, будучи осведомленным лучше, чем средний немец, попадается на всевозможные уловки Министерства пропаганды.

Так, распространив в июне 1941 года слухи о том, что Сталин собирается посетить Германию с дружественным визитом[147], Геббельс пометил в дневнике, что звонил Лей, ожидавший, что Берлин вот–вот украсится красными флагами.

Подобное снисходительно–пренебрежительное отношение к Лею сохранилось до самого конца. Однако в последние годы войны то, что раньше вызывало у Геббельса ироничную улыбку, стало серьезно вредить работе. Лей не столько наступал на пятки, сколько сильно мешал своими публикациями в периодической печати. В последний год войны он написал статью о том, что берлинцы не беззащитны перед лицом врага, поскольку даже животные знают, как себя защитить. Перечисляя то, как именно животные могут защитить себя, Лей упомянул и зайца, у которого есть ноги. Геббельс не знал, смеяться или плакать.

Из приведенных примеров видно, что Геббельс оказался в центре управленческого хаоса, который сложился из- за того, что новые властные структуры наслаивались поверх старых, почти не отменяя их. Зачастую во всех конфликтах министра пропаганды с теми, кто становился ему поперек дороги, высшим арбитром выступал А. Гитлер. Он сам пожинал плоды организованной им же неразберихи и борьбы компетенций, находя в этом положительные моменты лично для себя.

МИНИСТР и ЕГО ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ: «ДАС РАЙХ»

Известно мне по должности,
В Германии моей
Огромные возможности
Для маленьких людей.
Отбрось долой сомнения,
От всех избавит бед
Привычка черпать мнение

---

146 *Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 187.

147 Это происходило в рамках той политики, которую проводило Министерство пропаганды перед войной с СССР. Основной задачей тогда было сокрытие истинных целей Третьего рейха в отношении Советского Союза. Для этого пропаганде потребовалось сделать поворот на 180 градусов, а средства массовой информации стали хором петь дифирамбы своему недавнему идеологическому противнику. После начала войны с СССР вконец замороченное население Германии узнало, что его ждет превентивная война, поскольку все это время СССР, рассуждая о мире, тайно готовился к нападению на Третий Рейх.

Из утренних газет.
А. Горский

Великолепная газета «Дас Райх».
Когда наступит мир, мы должны будем издавать
такого же типа воскресную газету для деревенских жителей.
А. Гитлер

Сказать, что в ходе проведенной унификации в Германии совсем не осталось газет высокого уровня, значит погрешить против истины. Они были. Однако и журналисты, и тем более редакторы попали в жесткие рамки. Доказывая благонадежность, они вынуждены были подгонять свои издания под некий единый образец. Вот и получилась ситуация, когда профессионалы высочайшего уровня не могли проявить себя из-за причин идеологических, а преданная режиму новая генерация журналистов — из-за элементарного отсутствия профессионализма. Ситуация усугублялась тем, что страдал имидж страны за рубежом. Не желали в нейтральных странах читать немецкие газеты. Дошло до того, что Геббельс, сделавший все для того, чтобы пресса звучала подобно «слаженному оркестру», сам же первый и негодовал по поводу сложившейся ситуации:

«У меня крупные неприятности с руководством прессы. Там повсеместно лишь запреты и отказы. Фриче не обладает талантом воодушевления народа во время отсутствия значимых событий в стране и за рубежом. Также и работа фотокорреспондентов в прессе совершенно неудовлетворительна. Например, я получаю из Гамбурга 11 фотографий. На всех на них только я. А факт собрания вообще не отражен. Теперь я буду всеми силами противодействовать подобной беспринципности в деятельности прессы. Журналисты всегда оправдываются тем, что ничего не происходит, а когда что-то случается, они сообщают в прессе лишь о внешних признаках событий, не вникая в сущность дела. Подобные упущения крайне болезненны. И что же случится, когда вдруг этих вдохновителей не станет? Все общественное мнение снова погрузится в прежнюю смертельную скуку. На пресс–конференции журналистам не предоставляется никаких инициатив. Там они слышат лишь: "запрещено", "закрыто", "нежелательно". Если так пойдет и дальше, то наш народ заснет в разгаре войны»[148].

Как видно из вышеприведенной цитаты, возникла парадоксальная ситуация, когда Геббельс негодовал по поводу дела рук своих и был поставлен перед необходимостью создать что-то такое, что выбивалось бы за положенные рамки.

Не отменять же теперь все созданное своими руками из-за такой «глупости», как недовольство общественного мнения. Выход был найден в создании популярнейшего печатного издания, которое с интересом было воспринято не только в Германии, но и за рубежом.

Новая газета должна была, по замыслу создателей, совместить в себе почти несовместимые вещи: содержать вольные комментарии к политическим событиям и не вредить политике рейха, знакомить читателя с умными аналитическими статьями и быть достаточно привлекательной для тех, кто не любит задумываться подолгу, выполнять пропагандистские функции и по возможности делать это незаметно. Задачей нового издания должно было стать достижение уровня «Франкфуртер цайтунг». Позже можно будет и превысить его, показав тем самым, что время либеральной прессы вышло.

Что же это за уровень, который надеялся «догнать и перегнать» министр пропаганды? Для того чтобы это понять, нам придется уделить толику внимания тому, что собой представляла заслуженно пользовавшаяся уважением читателей «Франкфуртер цайтунг».

Это печатное издание было создано в середине XIX века, а к веку двадцатому уже

---

148 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М., 2004. С. 130.

имело представительства в восьми городах Германии: Франкфурте, Берлине, Дюссельдорфе, Гамбурге, Ганновере, Кельне, Мюнхене, Штутгарте. Газета являлась солидным восьмистраничным изданием, которое выходило утром и вечером и распространялось как через розничную торговлю, так и по почте. Цена каждого номера была достаточно высокой — 6 RM. Для сравнения: партийный печатный орган национал–социалистов «Фелькишер беобахтер» стоил 2,60 RM за номер.

Тематическое ее содержание и формы подачи информации были типичными для солидной либеральной прессы времен республики: политические, экономические и историко–культурные события, подававшиеся как в форме репортажей, так и в форме аналитических статей с преобладанием последних.

А что же мог противопоставить режим унаследованной либеральной прессе? Тот же самый «Фелькишер беобахтер», который так и не бросил привычек оппозиционной прессы? Упрощенный язык, цветные заголовки, отличавшиеся крайней эмоциональностью и накалом[149], большое количество изобразительного материала — все это было хорошо для внутреннего потребления, и то не всегда. Далеко не все в Германии будут счастливы провести несколько минут за чтением рубрики: «Письма из родных гау», репортажей с ярко выраженной антисемитской тематикой или за разглядыванием карикатур. А кому за границей придет в голову прислушиваться к мнению подобного издания?

Да, несомненно, полное отсутствие аналитических статей и наличие обратной связи с читателями в виде писем и объявлений делали газету популярной среди определенной части публики. К 1944 году тираж «Фелькишер беобахтер» достигал 1,7 млн экземпляров. Однако, как уже было сказано выше, нужен был иной уровень: газета, работающая на интеллигенцию, газета, имеющая выход за границу.

И вот 26 мая 1940 года в издательстве «Дойчер ферлаг» в Берлине был напечатан первый номер газеты «Дас Райх». Пять лет было отпущено ей на то, чтобы завоевать огромную популярность и умереть вместе с рейхом, в честь которого она была названа. У «Дас Райх» был предшественник — еженедельник «Дойче цукунфт» [150] , тоже именовавшийся политико–культурным изданием. Однако его посчитали в сложившейся ситуации явно лишним и прикрыли 2 июня 1940 года.

Выход «Дас Райх» сопровождался различными докладами и комментариями в профессиональной среде немецкой журналистики. Говорилось, в частности, что задачей создателей стала «демонстрация основных тенденций в политике, культуре и экономике великой империи», «знакомство с выдающимися личностями, прославленными во всех областях жизни», а самое главное — улавливание «внутренних связей отдельных событий». В общем, с самого начала стала понятна государственная заинтересованность в данном проекте. Она выражалась и в том, что заглавные статьи писались не кем‑нибудь, а лично министром народного просвещения и пропаганды Й. Геббельсом.

Справедливости ради следует сказать, что министр далеко не сразу признал «новорожденного». В 1940 году вышло тридцать два номера, и лишь четыре статьи оказались подписанными его именем. Почему? Остается лишь догадываться. Скорее всего, министр всерьез опасался провала. Благоразумие требовало выжидательной политики. Пойдут ли отклики на газету, и какими они будут? Какая реакция будет непосредственно на статьи самого Геббельса? Будучи человеком необычайно самолюбивым, он не допускал даже мысли, что его с таким трудом завоеванный авторитет хоть сколько‑нибудь пострадает. Лишь в самом конце 1940 года Геббельс с удовлетворением отметил в своем дневнике, что проект оказался более чем успешным: «Его («Дас Райх») тираж составляет уже почти 900 000 экземпляров. Величайший издательский успех, о котором нельзя было и думать. Я сам

---

149 «Одна женщина против двадцати бандитов». См. Voelkischer Beobachter от 10 августа 1943 года.

150 «Немецкое будущее».

буду писать для него передовые статьи»[151].

Неторопливости министра можно найти и объяснение другого рода. План нового издания был выработан не Геббельсом, а М. Аманном, рейхсляйтером, президентом Имперской палаты печати. Что значило весьма много с учетом борьбы компетенций, характерной для Третьего рейха.

Тем не менее с 1941 года Геббельс начинает публиковаться регулярно, пропуская такую возможность лишь в крайних случаях. Только серьезная болезнь в мае 1942 года или не менее серьезная политическая ситуация были способны помешать выходу очередной передовицы. Во всех других случаях читатели начинали свое знакомство с очередным свежим номером именно с геббельсовских статей, далеко не всегда актуальных, зато всегда написанных профессионально:

«Мы, немцы, не были бы такими, как мы есть, если бы нам все доставалось легко. То, чего мы достигли как нация, мы завоевали себе сами»[152].

«Британская пропаганда допускает грубейшую ошибку, когда пытается разговаривать с державами оси на языке, которого они больше не понимают. Они находят понимание лишь у ничтожно малой части наших народов, которые еще не охвачены и не могут быть охвачены нашими революциями»[153].

«Драма этой войны еще не достигла высшей точки своего развития. Мы еще должны оставить позади себя определенный отрезок пути до того момента, когда достигнем вершины горы. Право детей на дальнейшую жизнь в свободном, суверенном и упорядоченном государстве — это то непременное условие, которое должно реализовать поколение их родителей»[154].

«Для последующих историков, относящихся к тем, кто исследует в большей степени психологические аспекты, нежели политические, станет сложной задачей ответить на вопрос: как могло так получиться, что в различные фазы этой войны ряд руководителей стран, бывших нашими союзниками, поддались страху. Это невзирая на то, что тем самым они обрекают на смерть собственные народы»[155].

«Эта война является чем‑то большим, нежели военным противостоянием. Она представляет собой вооруженную борьбу двух мировоззренческих систем, из которых в конце концов одна должна будет выиграть, а другая потерпит поражение»[156].

«Дас Райх» и Геббельс стали единым целым и уже не мыслились порознь. В своих дневниках министр пропаганды все чаще упоминал о своей работе над статьями. Строились эти упоминания, как правило, по одной схеме: указание темы, похвала в адрес себя: «Подготовлена передовая статья в "Дас Райх": "Когда весна приходит в горы". Получилось неплохо»[157]. «Все послеобеденное время работал над текстом выступления и написал в

---

151 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 47.

152 Из статьи: «Новый год». См. «Дас Райх № 1, от 4 января 1942 г. Берлин. С. 1.

153 Из статьи: «Война как социальная революция». См. «Дас Райх» № 44, от 1 ноября 1942 г. Берлин. С. 1.

154 Из статьи: «Для наших детей». См. «Дас Райх» № 43, от 22 октября 1944 г. Берлин. С. 1.

155 Из статьи: «Большая семья наших народов». См. «Дас Райх» № 42, от 15 октября 1944 г. Берлин. С. 1.

156 Из статьи: «В наших собственных руках». См. «Дас Райх» № 45, от 5 ноября 1944 г. Берлин. С. 1.

157 См. записи от 28 февраля 1941 года. А. Б. Агапов. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы. М., 2004. С. 154.

"Райх" статью о лицемерии Галифакса. Вышло неплохо»[158].

Для редакции такая тесная связь с министром была, с одной стороны, лестна, с другой — служила источником постоянного беспокойства. Ни одному другому изданию министр не уделял столь пристального внимания. Каждый понедельник специальный посланник из министерства пропаганды приносил статью, задававшую тон всему номеру Право на политическую ошибку или неточность полностью отсутствовало.

Однако от подобной опеки были и свои плюсы. В данном случае журналисты уподоблялись маленьким птицам, которые строят гнезда по соседству с хищными ястребами, ожидая, что охотничий инстинкт погонит плотоядных соседей прочь от гнезда. Глядишь, и отсидишься. Страшно, опасно, но зато всегда есть защита от врагов более мелкого калибра. Пользуясь высоким покровительством, можно позволить себе чуть более смелые высказывания, чем коллеги из других изданий. Однако именно это «чуть» делало газету читаемой и уважаемой даже за пределами Германии. Платой за близость с министром являлось то, что к концу войны «Дас Райх» стала восприниматься читателями в качестве рупора Министерства пропаганды, а это создавало дополнительные трудности при подаче материала.

Говоря о достоинствах и недостатках «Дас Райх», позволим себе ненадолго углубиться в теоретические дебри. В многочисленных общих работах, посвященных печатным периодическим изданиям, упоминается, что газеты надлежит исследовать по четырем признакам: актуальность, периодичность, доступность, универсальность. Каждый из признаков раскрывается довольно пространно. Под актуальностью имеется в виду степень близости газеты или журнала к актуальным проблемам времени. Под периодичностью понимается регулярность публикации. Под доступностью, с одной стороны — чисто географическая возможность донести издание до читателя, с другой стороны — его понятность. Под универсальностью понимается степень тематического многообразия.[159]

Данная общепринятая классификация периодических печатных изданий не исчерпывается вышеперечисленными признаками. Каждый из них, в свою очередь, может содержать целый ряд подпунктов, позволяющих полнее понять такое явление, каким является газета или журнал.

Труднее всего исследовать, безусловно, актуальность. С одной стороны, она зачастую неразрывно связана с периодичностью. Чем чаще носитель информации доходит до широкой публики, тем, соответственно, четче отражена в нем реакция на происходящие события. Если смотреть с подобных позиций, то «Дас Райх», безусловно, нельзя отнести к актуальным изданиям. Однако если подходить с более разумных позиций, то оказывается, что едва ли не большую роль в актуальности играет не то, как часто, а то, каким образом подается информация[160]. А это, в свою очередь, зависит от уровня профессионализма журналистов. О «Дас Райх» можно сказать, что в ней работали лучшие из лучших, настоящие профессионалы своего дела.

Периодичность — это то, что в первую очередь отличает газету от других печатных изданий[161]. Она может выходить как ежедневно, так и раз в неделю. В первом случае газета

---

158 См. Записи от 12 марта 1941 года. А. Б. Агапов. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М., 2004. С. 170.

159 Werner Faulstich. Grundwissen Medien. Munchen. 1995. S. 363.

160 Достаточно вспомнить журнал «Огонек» времен перестройки.

161 «Газета — периодическое издание, обычно ежедневное, в виде больших листов, посвященное событиям текущей политической и общественной жизни». См. Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 130.

будет официально именоваться «ежедневной»[162], во втором случае возможен выпуск как в будний день, так и в выходной. В первом случае официальным названием будет считаться, — «еженедельная»[163], во втором случае — «воскресная»[164]. «Дас Райх», исходя из приведенной выше классификации, следует отнести к типичным еженедельникам.

Степень доступности является не менее важным признаком. Различают «локальные газеты», то есть распространяемые, например, в рамках одного города; «региональные» — распространяемые соответственно в рамках региона; газеты, охватывающие несколько регионов; распространенные в рамках национального государства. Общедоступность может характеризоваться еще и способом распространения — по подписке или посредством розничной продажи[165]. «Дас Райх» распространялась в пределах государства и за его пределами, что говорит о высшей степени ее доступности. Конечно, речь идет о нейтральных либо завоеванных странах. Помимо фактора чисто географического следует отдельно упомянуть и доступность по цене. Тридцать пфеннигов за один номер — много это или мало для начала 40–х годов? Это достаточно дешево. Если сравнивать с периодическими изданиями, то примерно столько в тот период, когда появилась газета «Дас Райх», они и стоили. Если сравнивать с печатной продукцией вообще, то картина получается следующая. Художественная книга объемом триста с лишним страниц «тянула» в среднем на десять марок. Видна прямая заинтересованность в том, чтобы «Дас Райх» покупалась.

А уж население Германии само для себя решало, на что лучше потратить честно заработанные деньги: к примеру, на дорогой зубной порошок Seni‑ zon ценой одна марка тридцать пять пфеннигов[166] или все‑ таки, за гораздо меньшую цену приобщиться к печатному слову. Вывод же таков: «Дас Райх», безусловно, относилась к одним из самых доступных товаров в Германии.

Отдельно следует выделить пункт, касающийся доступности газеты по ее содержанию. Вообще‑ то издание задумывалось как продукт для интеллектуалов. Хотя оно не являлось специализированным, например экономическим, следовало обладать определенным образовательным уровнем, чтобы разбираться в затронутых вопросах. Однако заявившее о себе как об издании политико–культурном, оно должно было быть готовым к тому, что для огромной части населения будет, мягко говоря, не совсем понятным. Возникает еще одно противоречие, разрешать которое пришлось как лично Геббельсу, так и всему коллективу газеты.

Решение было найдено в универсальности. Издания, претендующие на то, чтобы их считали универсальными, старались уделять на своих страницах внимание политике, экономике, освещению локальных событий, культуре, спорту Отдельно следует упомянуть так называемую «дамскую тематику»: материалы о любви, моде, кулинарии, детях. Материалы о путешествиях, спорте и автомобилях, условно относимые к «мужской тематике», тоже были представлены достаточно широко в печатных изданиях подобного рода.

Собственно, этой проторенной дорогой и решила следовать «Дас Райх». Если взять и

---

162 Tageszeitung.

163 Wochenzeitung.

164 Sonntagszeitung.

165 Определенную роль в данной характеристике играет и время розничной продажи. В зависимости от него можно выделить газеты утренние и вечерние. В зависимости от времени распространения можно сказать, на какие социальные слои ориентируется данное печатное издание.

166 Приведенная цена соответствует 1940 году.

рассмотреть любой из ее номеров, то становится понятным, что именно в многообразии рубрик издательский коллектив и лично Геббельс видели единственную возможность совместить интеллектуальную элитарность и массовость.

Вот, например, первый номер за 1941 год. Первую страницу украшает большая и выразительная фотография с лаконичной подписью: «Дуче испытывает гранатомет». На этой же странице напечатана статья Геббельса: «Англия и ее плутократы». Далее на первой же странице обычно располагался какой‑нибудь биографический материал. Это могла быть биография немецкого генерала или политического деятеля, дружественно настроенного по отношению к нацистской Германии, впрочем, с таким же успехом и того, кто подходил под определение «военный противник». В рассматриваемом номере помещалась биография лорда Галифакса. Вторая страница еженедельника, как правило, отдавалась под внешнеполитический и экономический материал. В данном случае он включал в себя статьи «Японская война в Китае», «Дефицит пространства в пустой стране» — о неравномерности заселения Соединенных Штатов, а также аналитическую статью «Почему иначе?», где рассматривались исключительно позитивные изменения, произошедшие в экономике Германии с 1915 года. Третья страница — огромная историко–аналитическая статья Отто Филиппа Хефнера «К новым свершениям» — о политико–экономическом положении в Европе и Африке. Четвертая страница — статья Якоба Шаффнера о будущем Швейцарии. Следующая полоса (стр. 6–7) — внешнеполитические новости прошедшей недели короткой строкой, а также рубрика: «Письма из рейха», о которой будет рассказано чуть ниже. Вся следующая полоса (стр. 8–9) была занята фотографическим материалом «Шесть месяцев после Компьена»[167]. Десятая страница — статья, проникнутая ностальгией по боевому прошлому НСДАП. Связано это было с тем, что начальнику штаба СА Виктору Лутце[168] исполнялось 50 лет. Гитлер не замедлил навестить и лично поздравить старого соратника. Собственно, этому и был посвящен богато иллюстрированный материал. Полоса, включающая в себя стр. 11–12, отдана под рубрику: «Экономика Германии и мировая экономика». Темы, затрагиваемые в данном конкретном случае, были связаны с влиянием войны на мировую экономику. Вся 13–я страница была отдана под рекламу трубочного табака. Стр. 14—15 и 16 опять‑таки посвящены вопросам мировой и германской политики и экономики. Зато на следующей 17–й странице очередь наконец‑то доходила и до культуры. Рубрика носила название «Рейх. Литература, искусство, наука». В этот раз она содержала исторический материал о Фридрихе Барбароссе, а также чисто пропагандистский репортаж военного корреспондента Лео де Лафорге под названием: «О любви матросов к книгам». Каждый читатель, проявивший любопытство относительно того, а что же, собственно, читают немецкие матросы, мог ознакомиться благодаря данной статье с несколько пестрым набором особо любимых на флоте книг. Первым номером, конечно, шла «Майн кампф» автора Адольфа Гитлера. Чуть менее любима была книга: «Михаэль» Йозефа Геббельса. А вот дальше немецкие матросы проявили несознательность, поскольку заявили в качестве особо читаемой литературы не стихи Хорста Веселя, а стихи Рильке, «Преступление и наказание» М. Ф. Достоевского и «Фауста» Гете. Некоторые сознались в своей постыдной приверженности к детективам и любовным романам. Справедливости ради следует сказать, что никаких далеко идущих идеологических выводов в статье не делалось. Матросам было позволено многое. Следующая полоса (стр. 18–19), должна была порадовать

---

167 Капитуляция Франции была подписана в Компьене 22 июня 1940 года.

168 Лутце Виктор (1890–1943), начальник штаба СА. В НСДАП вступил в 1922 году. В 1925 году стал заместителем гауляйтера Рура, а в 1928 оберфюрером СА. В 1933 году, будучи обергруппенфюрером СА, был назначен полицай–президентом Ганновера и членом прусского государственного совета. Самым активным образом участвовал в Ночи длинных ножей. После казни Рема Гитлер назначил Лутце на его место. На момент поздравления его Геббельсом Лутце оставалось жить 3 года. В 1943 году он погиб в автомобильной катастрофе.

любителей художественных произведений о войне. Три полосы (стр. 20–25) содержали самую разную информацию о музыкальных и литературных новинках. С. 26 отводилась под спорт и рекламу.

Достаточно любопытной в свете отношения Геббельса к женскому полу представлялась рубрика «Для женщин». Министр пропаганды был натурой страстной и увлекающейся, большим ценителем женской красоты. Чего стоит тот факт, что он чуть не бросил политическую карьеру, Гитлера, партию — все то, что станет делом его жизни, — ради актрисы Лиды Бааровой. И это лишь один эпизод из множества. С другой стороны, отношение его к женщине было всегда несколько патриархальным, что, впрочем, прекрасно вписывалось в общую политику нацистского государства:

«Миссия женщины состоит в том, чтобы быть прекрасной и приносить на свет детей. И это не так уж и грубо и несовременно, как звучит. Женщина, как птица, прихорашивается для своего самца и несет для него яйца. Самец же берет на себя заботу о добыче пищи и защите гнезда, прогоняя врагов»[169].

В конечном итоге убеждения Геббельса синтезировались в пренебрежительное отношение к женскому профессионализму, откровенное восхищение красотой и обаянием, четкое осознание того, что главная женщина в Третьем рейхе — это женщина–мать.

Примерно в этом же ключе готовилась рубрика «Для женщин»; в данном случае — экскурс в историю моды и душещипательный рассказ. Оставшиеся страницы, вплоть до последней 32–й, содержали рекламу, еще немного новостей из мира культуры и политические карикатуры.

Как видно из приведенного примера, «Дас Райх» действительно могла считаться универсальной газетой именно благодаря своему тематическому многообразию. Каждый при желании мог найти в ней что‑то свое.

Естественно, в 1945 году газета выглядела вовсе не так представительно, как в начале войны. Она очень сильно «похудела». Например, январский номер 1945 года размещался на 6 страницах. Он содержал большую фотографию снайпера, убившего 55 человек; очень пространную передовицу Геббельса «Идея как основа ведения войны»; аналитические статьи о политике США и Англии; плакат, призывающий жертвовать одежду и белье для солдат; рекламу; карикатуры и карты[170]. Дело в том, что некому было делать газету — все ушли на фронт.

Помимо обилия рубрик на универсальность влияла и форма подачи информации. Часть изданий отдавали предпочтение так называемой информационной форме: новостям, репортажам, интервью, объявлениям… В солидных изданиях преобладали аналитические статьи. Газеты, не претендовавшие на подобную серьезность, предпочитали фельетоны, заметки, анекдоты, стихи… Несколько особняком стояли письма читателей, которые подбирались в зависимости от обстановки. Они и развлекали, и служили для пропагандистских целей. Относиться к ним, правда, коллективам печатных изданий следовало с большой осторожностью. Поскольку самая невинная информация, идущая от читателей, могла нести в себе нежелательные сведения. В частности, уже упоминаемый мною американский журналист Уильям Ширер описывал в своих дневниках, как в 1940 году он сумел докопаться до весьма неприятной для гитлеровского режима правды, всего лишь просматривая колонки с извещениями о смерти в одной из немецких газет. Дело в том, что в Германии тех лет принято было в случае кончины родственника давать небольшое платное объявление в газету. В нем полагалось указывать дату, причину смерти, возраст усопшего, время и место погребения. Информаторы из провинций обратили внимание Ширера на то,

---

169 *Геббельс Йозеф.* Михаель: Судьба немцев в дневниковых записях. Цит. по: Джордж Моссе. Нацизм и культура. С. 77.

170 «Дас Райх» № 2, Берлин, 1945.

что данные извещения звучат как‑то странно, а место смерти часто указывается одно из трех: 1) Графенек, уединенный замок, расположенный недалеко от Мюнцингена; 2) Гартхейм, рядом с Линцем на Дунае; 3) Государственный институт медицины и санитарии имени Зонненшайна в Пирне, близ Дрездена. Странность сообщений бросалась в глаза. Пораженный журналист, в частности, приводит самые типичные из них, например: «Иоганн Дитрих, солдат–фронтовик, имеющий несколько воинских наград, родившийся 1 июня 1881 года, скончался 23 сентября 1940 года. После нескольких недель неизвестности я получила невероятное извещение о его внезапной смерти и кремации в Графенеке, Вюртемберг»[171]. Анализируя информацию, Ширер обратил внимание на такие неуместные формулировки, как «после недель неизвестности», «внезапная смерть», «невероятное известие». Проведя то, что мы сейчас назвали бы журналистским расследованием, он пришел к выводу, что в Германии убивают психически больных людей. Сам Гитлер не афишировал подобные деяния. Официальный указ о проведении подобного рода «мероприятий» не появлялся, поскольку мог вызвать негативную реакцию населения. Лишь в неофициальных документах возможно было найти упоминание о данном вопросе. Так, в своих дневниках в записях, датируемых 31 января 1941 года, Геббельс пишет о том, что был занят обсуждением вопросов, связанных с негласной ликвидацией душевнобольных: «80 000 ликвидировано, с 60 000 это предстоит сделать. Это жестокая, но также и необходимая работа. И нам надлежит ее теперь выполнить»[172]. Получается, что информация, настолько секретная, что ее разглашение даже в рамках своей страны могло привести к очень нежелательным последствиям, попала в руки иностранного журналиста. Все это из‑за публикаций в провинциальных газетах[173].

Бывало, что и без всякой обратной связи с читателями достаточно солидные печатные издания позволяли себе лишнее, с точки зрения министра пропаганды. В его дневниках встречаются высказывания, подтверждающие этот факт. Такие, например, как это:

«Возник скандал вокруг газет "Берзенцайтунг" и "Д. А. Цет", систематически препятствующих моим распоряжениям, например сегодня они слишком подробно информируют о нашей высадке в Англии. Я отдаю распоряжения Фриче принять самые решительные меры в отношении этих изданий. Дисциплина и порядок необходимы (!) прежде всего сейчас, когда психологический фактор имеет самое решающее значение. Теперь я буду самым решительным образом пресекать подобные злоупотребления»[174].

«Дас Райх» подобных ошибок себе позволить не могла. Именно поэтому общение с читателями на ее страницах свелось к минимуму, благо заявленная концепция издания позволяла обойтись и без ответных откликов.

Того, кто, польстившись на название рубрики «Письма из рейха», попытался бы найти отклики населения на различные политические и военные события, постигло бы глубокое разочарование. Данный раздел в газете был посвящен исключительно краеведческим очеркам провинциальных журналистов. Подобные очерки, известные читающей публике с конца XIX века и возникшие на волне поиска национальной идентичности, свойственной тому времени, получили на страницах «Дас Райх» вторую жизнь. Рассмотренный выше номер «Дас Райх» содержал совершенно типичный для данной рубрики пример: статью под названием «Оптимистичный город» — о развитии города Эльзас Мюльхаузен; материал швабского корреспондента Теодора Херинга об особенностях швабского диалекта немецкого

---

171 Цит. по: *Уильям Ширер.* Берлинский дневник. М., 2002. С. 479.

172 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 117.

173 Приведенное извещение было опубликовано в Leipziger Neueste Nachrichten от 26 октября 1940 года.

174 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 129.

языка с пространными пояснениями и экскурсами в историю; статью «Мюнхен завтра» — о перспективах развития Мюнхена[175].

Таков был «продукт», получаемый при самом деятельном участии министра пропаганды. Осталось сказать несколько слов о тех, кто был непосредственно причастен к его выпуску, то есть о коллективе «Дас Райх»[176].

Это прежде всего главный редактор Ойген Мюндлер — человек занимавший свою должность до 1943 года. Несмотря на то что свое сотрудничество с «Дас Райх» он начал в возрасте 51 года, его нельзя было назвать опытным журналистом. Свою профессиональную карьеру он начал в начале 1938 года в Рурской области, где редактировал «Рейнско–Вестфальскую газету». Там его заметил Отто Дитрих и перевел в «Берлинер Тагеблат». Получается, что ко времени работы в «Дас Райх» Мюндлер получил какой‑то опыт руководящей работы, но, видимо, недостаточный. Подчиненные характеризовали его как «не очень сильного шефа», который не всегда мог разобраться в хитросплетениях отношений между партийными и государственными чиновниками. Справедливости ради следует сказать, что это действительно была почти непосильная задача. Как и все главные редакторы, время от времени он выполнял в своей газете журналистские функции, сочиняя довольно сухие статьи по политической тематике.

После ухода с поста главного редактора «Дас Райх» Мюндлер не остался без работы, а приступил к деятельности в качестве главного редактора в Мюнхенском отделении «Фелькишер Беобахтер». В качестве такового он и встретил окончание войны. С журналистикой Мюндлер не расстался и в послевоенное время, поскольку, спешно восстановив свои старые связи, взялся редактировать газету в родной Вестфалии.

Пришедший в 1943 году на смену Мюндлеру Рудольф Шпаринг привнес в работу редакции исключительно позитивные тенденции. Его коллеги вспоминали о его весьма либеральном подходе, который позволял вздохнуть свободнее, насколько это вообще возможно в условиях тоталитарного режима. Зачастую он позволял себе демонстрировать свой критический настрой, впрочем, палку не перегибал. Подобное относительно свободное поведение объяснялось тем, что Шпаринг являлся доверенным лицом Риенхардта и одним из «отцов–основателей» «Дас Райх». Зная о том, что особых писательских талантов за ним не водилось, Шпаринг публиковался очень редко, предпочитая проявлять себя как администратор, а не как журналист. Газетой он руководил до самого конца ее существования. В 1945 году был взят в плен советскими войсками, некоторое время находился в лагере для военнопленных. Скончался в 1955 году.

Следующим по степени значимости в «Дас Райх», безусловно, был Вернер Виртс — заместитель главного редактора, редактор отдела внешней политики. Это была по меньшей мере странная фигура в газете такого уровня. Начнем с того, что он был беспартийный, более того, не скрывал своей антипатии к национал–социализму. Коллеги отзывались о нем как о человеке, при котором можно поговорить, не опасаясь того, что сказанное тобой будет впоследствии представлено в качестве доноса, то есть он был одним из очень немногих, кому можно было доверять. Любопытной представляется и история его прихода в газету. Выше мною уже упоминался еженедельник «Дойче Цукунфт», тот самый, который перестал существовать аккурат после выхода «Дас Райх». Главным редактором там был как раз Виртс. Зачем же разбрасываться ценными кадрами, если их можно просто включить в новую организацию? Виртс при всей своей нелояльности был прекрасным профессионалом. Будучи автором глубоких аналитических статей о внешней политике Англии, Советского Союза,

---

175 «Das Reich» от 5 января 1941 года. Берлин. 1941. С. 7.

176 Всем, кто заинтересуется этим вопросом, можно порекомендовать исчерпывающую работу немецкого историка Эрики Мартене: Erika Martens. Zum Beispiel‑ Das Reich. Zur Phaenomenologie der Presse im totalitaeren Regieme. Koeln. 1972.

Америки, союзников Германии, он позволял себе не следовать «лозунгам дня», не противореча им, но обходя. На своем посту Виртс оставался до конца войны. Был взят в плен советскими войсками, дальше его следы теряются.

С 1940 года аналитические статьи о внешней политике писал еще один журналист, Отто Филипп Хефнер. Этот молодой человек числился в редакции одним из самых одаренных. «Натаскивали» его на журналистику не где‑то, а во «Франкфуртер Цайтунг». После начала войны он вынужден был прервать свою карьеру, поскольку отправился на фронт. Вернувшись, устроился в «Дас Райх». Хефнер был настоящим идеалистом. Коллеги любили его как замечательного человека, но многих из них коробили его «пламенность и несгибаемость». Дальнейшая его судьба являлась в чем‑то закономерной. В 1942 году Хефнер ушел добровольцем на войну, попал на Восточный фронт, где и погиб.

Еще один журналист «Дас Райх», член НСДАП Эрих Петер Нойманн, пришел в еженедельник из «Берлинер Тагенблатт» и занял должность шеф–редактора, отвечая одновременно и за внутриполитическую рубрику. С 1941 года Нойманн стал писать военные очерки, в связи с тем что был призван в армию. После войны решил не возвращаться к журналистской работе. Занялся политикой. До 1961 года являлся депутатом Бундестага от ХДС.

Пока Нойманн служил в армии, его обязанности выполняла Элизабет Ноелле, ставшая впоследствии его женой. Госпожа Ноелле–Нойманн редактировала уже упоминавшуюся выше рубрику «Письма из рейха». Своей краеведческой рубрике она исхитрилась придать сугубо академическое звучание. Достигалось это за счет того, что для написания статей она стала приглашать авторов, имеющих вес в научных кругах. Сама она в своих статьях ограничивалась, как правило, социальной тематикой. После войны Элизабет Ноелле–Нойманн возглавила Институт публицистики в Майнце.

Несколько особняком среди своих коллег стоял Ханс Шварц ван Берг. Прежде всего, он выделялся своим профессионализмом даже на фоне необыкновенно сильного коллектива «Дас Райх». Во всех характеристиках его работ коллегами присутствуют исключительно превосходные степени. Ханс Шварц ван Берг, пожалуй, как никто другой соответствовал представлению Геббельса об идеальном журналисте — таком, в работах которого цинизм сочетался бы с профессионализмом. В некоторых случаях по степени цинизма он даже превосходил своего шефа. Так, после сталинградской катастрофы, когда Геббельс, описывая военное положение, стал позволять себе высказывания, уместные скорее для спортивного комментатора, Шварц ван Берг тоже не терялся. «Мы вытрем кровь с глаз, чтобы лучше видеть, и когда начнется следующий раунд, мы опять будем крепко держаться на ногах», — писал Геббельс. Достойный ученик вторил своему учителю: «Может ли Германия проиграть эту войну по очкам? Держу пари — нет»[177].

Шварц Ван Берг сделал карьеру достаточно быстро. В 1930 году, будучи 28 лет от роду, он уже занимал место шеф–редактора газеты «Поммерхе Цайтунг», имея при этом в кармане удостоверение члена НСДАП. В 1935 году этот человек поднимал тиражи «Дер Ангрифф», а позже имел самый тесный контакт с министерством пропаганды и с Геббельсом лично. Дело в том, что он возглавлял одно из самых важных для нацистского режима бюро, являвшееся частью подотдела иностранной прессы. Именно через «Бюро Шварца Ван Берга» иностранные журналисты получали информацию о Германии. Он формулировал те темы, доступ к которым был закрыт «неорганизованным» иностранным корреспондентам. Во время войны, несмотря на то что он уже не подходил по возрасту для военной службы, Ханс Шварц Ван Берг ушел добровольцем на фронт. Он прошел Польшу, Францию, Грецию, принимал участие и в походе на СССР. После войны полностью отошел от журналистики. Говоря о нем, нельзя не упомянуть тот факт, что именно Шварц Ван Берг являлся тем человеком, который придумал название для германского «чудо–оружия». Нам оно известно

---

177 *Виктор Клемперер.* LTI. Язык Третьего рейха. С. 301.

под именем «Фау-1» и «Фау-2». Фау — первая буква в слове «Фергельтунг» («Возмездие»). Цифры, обозначающие модификацию, намекали на то, что возмездие будет бесконечным. Геббельсу очень понравилась идея, и он передал ее Гитлеру уже как свою, а Шварц Ван Берг по понятным причинам не стал протестовать.

Можно было бы продолжить перечисление тех, кто работал в «Дас Райх» в недолгий пятилетний период ее существования, но общие тенденции и так прослеживаются довольно четко.

Во–первых, почти все пришедшие в эту газету были не новички в своем деле. Они отбирались, причем зачастую лично Геббельсом. Во–вторых, почти все журналисты, вне зависимости от возраста, имели военный опыт, который они приобретали, как правило, выступая в качестве военных корреспондентов. Третьим пунктом можно выделить то, что при приеме на работу новых сотрудников хотя и учитывались их заслуги перед партией, но на первое мест все‑ таки ставились профессиональные качества. Такой подход позволял тому же Виртсу чувствовать себя в относительной безопасности даже при отсутствии ежеминутной демонстрации своей преданности НСДАП. Это говорит о том, что в «Дас Райх» не было какого‑ то единого по образу мыслей, возрасту и методам работы коллектива. Были группы журналистов, объединенные поставленной перед ними целью и высоким профессиональным уровнем.

Газета, взявшая на себя ответственность за создание, как мы бы сейчас сказали, имиджа нацистской Германии, в том числе и за рубежом, сосредоточила в себе самые профессиональные кадры, использовала самые передовые на тот момент методики подачи информации.

Все это, впрочем, ей не помогло.

МИНИСТР И КИНЕМАТОГРАФ

«Я хочу использовать кино как инструмент пропаганды».
Й. Геббельс

Кино начало свое победное шествие по Германии задолго до того, как к власти пришли национал–социалисты. Уже до начала Первой мировой войны немцы могли похвастаться тем, что были знакомы с подобным явлением. А уже в середине 20–х годов киносеансы стали одними из наиболее часто посещаемых мероприятий. В день кинотеатры принимали по 2 миллиона человек. Более того, столько фильмов, сколько производилось в Германии времен Веймарской республики, не снималось больше нигде в Европе. Уровень их содержания был по большей части достаточно высок, равно как и использовавшиеся выразительные средства. Чего стоил вышедший в 1920 году «Кабинет доктора Калигари» Роберта Вина. Пройдет совсем немного времени, и начнет свое победное шествие звуковое кино. Если в 1929 году из 183 немецких игровых фильмов лишь 8 были звуковыми, то уже в 1930 году — 101 из 146. Спустя всего год — 142 из 144, а в 1932 году все произведенные 127 фильмов были звуковыми[178].

Кино, как в зеркале, отражало все процессы, происходившие в Германии в данный момент. Так, не обошел его стороной процесс концентрации капитала. К 1933 году в Германии сложились три крупных концерна, которые снимали почти все производимые в

178 Eberhard Kolb. Die Weimarer Republik. Miinchen, 1993. S. 105.

Германии фильмы[179].

Геббельс пришел не на пустое место, поэтому неудивительно, что процесс унификации[180] кино потребовал усилий, направленных на перестройку уже имеющихся структур. Несмотря на все резкие изменения, кинопроизводство не затормозилось, скорее наоборот — ускорилось. Об этом можно судить хотя бы по тому, как увеличивалось количество кинотеатров. Накануне войны их было 5500, после аннексий территорий их число выросло до 8600, в 1943 году был отмечен один миллиард посещений кинотеатров. Армия, в свою очередь, получила огромное количество передвижных звуковых киноустановок[181].

Помимо технического обеспечения поражает также количество выпускаемой продукции. С 1933 по 1945 год на экраны вышло 1363 одних только полнометражных художественных фильмов. Цифра достаточно внушительная, а ведь были еще и короткометражки, и выпуски новостей, и документальные фильмы.

Документальным фильмам в Третьем рейхе вообще уделялось повышенное внимание. По мнению идеологов, ничто не могло настолько прославить преимущества национал–социалистического образа жизни, как наглядная кинодемонстрация реальных успехов режима. Так, например, среди фильмов, запланированных к показу на кинофестивале в Венеции в 1938 году, были картины, прославляющие пчеловодство[182], немецкие скорняжные предприятия[183], немецкие гоночные машины[184], автобаны[185], коневодство[186] и т. д.

Отдельно, конечно, следует рассматривать такие выдающиеся примеры, как «Олимпия» Лени Рифеншталь. Этот фильм, пользующийся заслуженным признанием до сих пор, тоже был заявлен на участие в Венецианском фестивале. Сами Олимпийские игры 1936 года Гитлер считал необыкновенно важными для поддержания авторитета нацистского государства. В 1932 году было объявлено, что среди 11 городов мира, претендовавших на организацию Олимпийских игр, победил Берлин. С этого года на строительство спортивных сооружений было выделено 25 млн рейхсмарок, построено 9 стадионов. Но все это забылось бы спустя пару лет и не принесло бы Берлину желанной славы, когда бы не кино.

«Олимпия» хоть и относилась к документальным кинолентам, но весьма активно использовала весь набор приемов художественного кино. Чего стоит, например, момент, когда в соревнованиях фехтовальщиков акцент делался не на спортсменах, а на их тенях. Замедленная съемка, акцент на деталях, усиливающих драматический эффект, как то: полет голубей над стадионом после звуков фанфар или лицо спортсмена, получившего травму на

---

179 UFA, Tobis, Terra.

180 Gleichschaltung — термин впервые был использован для обозначения нацификации федеральных областей, где после прихода к власти Гитлер стал уничтожать систему областного самоуправления. Позже «унификации» подверглись все стороны жизни, в т. ч. и культура.

181 Цит. по: *Пленков О. Ю.* Третий рейх. Арийская культура. Спб, 2005. С. 143.

182 «Пчелиное государство».

183 «Скорняжных дел мастера».

184 «Немецкие гоночные машины».

185 «Скоростные дороги».

186 «Рысаки».

беговой дорожке, — все это давало зрителю эффект присутствия, самым выгодным образом выделяя работы Рифеншталь из ряда других.

Трудно поверить, но вся перечисленная кинопродукция становилась объектом самого пристального внимания не только со стороны министерства пропаганды, но и лично Геббельса. Последний был вообще неравнодушен к киноискусству, поскольку именно в нем видел то, что способно было утолить его жажду ко всему, доставляющему эстетическое удовольствие. Во всех своих резиденциях он имел персональные кинозалы, в которых наслаждался, как правило, действительно достойными художественными лентами.

Горячего одобрения могли быть удостоены не только «правильные» фильмы, но и, например, провокационный французский фильм «От Ленина до Гитлера». А чего стоила речь Геббельса, произнесенная перед деятелями киноискусства, в которой лучшим образцом своего жанра был назван «Броненосец "Потемкин"» Сергея Эйзенштейна.

«Это фильм, который мог бы превратить любого человека, лишенного твердых идеологических убеждений, в завзятого большевика. Это значит, что произведение искусства вполне может вписаться в политическую линию и даже самую отвратительную идею можно довести до людей, если выразить ее посредством выдающегося произведения искусства»[187]. Кстати, реакция Эйзенштейна на это выступление не поддавалась описанию. В эмигрантской немецкой газете он напечатал суровое письмо–отповедь, где всеми возможными способами постарался дистанцироваться от подобных похвал.

Благосклонно отзываясь о талантливых, но чуждых режиму национал–социализма картинах, министр не прощал посредственности, пускай даже идеологически верной. Именно благодаря его вмешательству была запрещена первая художественная экранизация фильма о жизни Хорста Веселя. Несмотря на то что премьера фильма уже состоялась, Геббельс настоял на том, чтобы его перемонтировали заново и поменяли название. Слабая в художественном отношении лента пошла в прокат под названием «Ханс Вестмар». Вроде и имя почти узнаваемое, и в то же время слабая работа не бросает тень на «икону» национал–социализма — Хорста Веселя.

Однако вполне естественно, что при той должности, которую Геббельс занимал, в душе его пропагандист постепенно вытеснял эстета. Все чаще в дневниковых записях появлялись оценки не художественных достоинств картины, а того, как она «работает».

Как ни странно, но в этом вопросе Геббельс руководствовался знакомым нам лозунгом: догнать и перегнать Америку. В 1941 году, он с гордостью пометит в своем дневнике, что немецкие фильмы почти достигли уровня американских.

Экономические показатели тоже весьма радовали министра: «Блестящие кассовые показатели нашей кинопродукции. В прошлом году прирост на 56 миллионов марок. Этот год позволяет еще более улучшить эти показатели. У всех фильмов, созданных по моей инициативе, отмечены рекордные результаты»[188].

Геббельс был уверен, что впереди открываются блестящие перспективы к тому, чтобы Берлин стал центром мировой киноиндустрии. А там, кто знает, может еще Америке придется догонять Германию.

Путь к тому, чтобы прорыв в кинопроизводстве произошел как можно быстрее, был выбран в традиционном для Третьего рейха духе — всеобщая унификация. Так же, как пресса и радио, кино оказалось в подчинении у соответствующей палаты, которая, в свою очередь, являлась звеном Государственной палаты культуры. 19 января 1934 года в прессе появилось официальное уведомление о запрете кинопроизводства всем, кто не являлся членом Палаты. На то, чтобы пройти приписку к соответствующему ее отделению, деятелям киноискусства было дано 20 дней.

---

187 *Одри Салкелд.* Триумф и воля. М., 2003. С. 179.

188 *Агапов А. Б.* Указ. соч. С. 148.

Попутно шло активное избавление от лиц неарийской расы. Признавая за факт то, что слава Голливуда во многом является заслугой евреев, оставить их в системе германского кинопроизводства Геббельс считал неверным шагом. Через две недели после вступления в должность министра пропаганды Геббельс, созвав на встречу в отеле «Кайзерхоф» представителей киноиндустрии, произнес перед ними речь, заявив, что предстоят большие перемены и ему необходима поддержка изнутри. О том, насколько велики эти изменения, тогда еще мало кто догадывался.

1 апреля 1933 года, когда в Германии официально началась антисемитская кампания, шесть американских кинокомпаний, имеющих офисы в Берлине, получили письма с предложением «уволить всех представителей, агентов и руководителей филиалов еврейской национальности». Дальше — больше: 30 июня так называемым «арийским параграфом» был введен запрет на участие евреев в любой отрасли киноиндустрии. 1 октября 1935 года было официально заявлено, что Палата культуры полностью очищена от евреев. Официально исключение было сделано для всемирно известного кинорежиссера Фрица Ланга, автора «Нибелунгов» и «Метрополиса», ветерана Первой мировой войны, который был сыном еврейки. Геббельс разрешил ему не предоставлять свидетельство об арийском происхождении и даже предложил Лангу высокий пост. Ланг не оценил «оказанного доверия» и эмигрировал в США.

Следующим шагом после унификации и борьбы с «расово чуждыми элементами» стало налаживание цензуры, которая была в основном превентивной. Все фильмы подлежали классификации по их политическим, художественным и просветительским заслугам. Каждое новое произведение проходило самую строгую цензурную оценку, цель которой сводилась к недопущению на экраны фильмов, не отвечающих современным условиям. В соответствующем духе выглядел типичный пресс–релиз того времени: «До сего момента киноцензура играла роль негативную. Отныне новое государство берет на себя всю ответственность за создание фильмов. Только благодаря неусыпной опеке и надзору фильмы, противоречащие духу времени, удастся не допустить до выхода на экраны»[189].

Одновременно с налаживанием организационного и идеологического контроля над киноиндустрией Геббельс не забывал и о контроле экономическом. Его он добивался благодаря тому, что шел процесс огосударствления кино через покупку акций. Так, студия УФА со всеми своими студийными комплексами в Нойбабельсберге и Темпльхофе была анонимно приобретена в марте 1937 года. В декабре 1937 года настал черед «Тобис». А к 1942 году в подчинение государству перешли все оставшиеся киностудии[190].

Чего же ждал министр от германского кино, идя на все эти меры и буквально толкая его к признанному тогда американскому уровню? На этот вопрос никто не ответит лучше самого Геббельса, для чего уместно было бы рассмотреть хотя бы несколько его комментариев по поводу выходивших тогда немецких фильмов.

Одним из самых аполитичных и в то же время самых популярных фильмов тех лет можно назвать картину «Концерт по заявкам». Кино, снятое режиссером Эдуардом фон Борсоди, буквально очаровало всех. Незамысловатый сюжет не только не повредил ему, но, наоборот, позволил «приблизить искусство к народу». В данном случае Геббельс как современный опытный маркетолог «просчитал» ту аудиторию, на которую был рассчитан данный конкретный продукт. Дело в том, что название «Концерт по заявкам» позаимствовали у популярнейшей радиопередачи Хайнца Гедике. Фильм, обыгрывая идею единства тыла и фронта, автоматически получил всю аудиторию, которую сформировала до него радиопрограмма. По сюжету двое молодых влюбленных вынуждены были расстаться. Он, будучи офицером, подчиняясь приказу, отправился служить в Испанию. Поскольку

---

189 Цит. по: *Одри Салкелд.* Триумф и воля. М., 2003. С. 254.

190 Там же. С. 258.

миссия юного Герберта Коха, служившего в знаменитом «Кондоре» оказывается необыкновенно секретной, Инге Вагнер теряет его следы. Только передача Гедике позволила им найти друг друга вновь. Успех фильма превзошел все ожидания. Геббельс был вне себя от счастья: «Премьера "Концерта по заявкам" в кинотеатре Уфа "Паласт ам Цоо". Большое количество приглашенных. Фильм закончился овацией. Более всего доволен тем, что его замысел принадлежит мне. Это опять‑таки получилось неплохо. Прежде всего притягателен народный характер фильма. Он воодушевит весь германский народ…»[191]

К передаче, послужившей для «раскрутки» фильма, у Геббельса было не столь доброжелательное отношение. Здесь не было и не могло быть ни единой поблажки. Все усилия направлялись на поиск «выдающихся специалистов», способных продемонстрировать высочайший уровень мастерства. Однако подобные специалисты редки в любое время и при любых режимах. Геббельсу оставалось при достаточно лояльном отношении к самому Гедике сетовать на слабость «авторского коллектива» и «оказывать давление на организаторов».

Среди картин, вызвавших достаточно снисходительные отзывы министра пропаганды, следует упомянуть фильм режиссера Понтера Риттау «Подлодки идут на Запад». В нем рассказывалось о том, как моряки немецкого подводного флота несут службу в Северной Атлантике. Фильм был необыкновенно традиционен. Под хоровое исполнение песни «Мы маршируем на Англию» демонстрировались все возможные штампы тех лет: хорошие немецкие подводники и плохие английские, благородные командиры и склонные к героическому самопожертвованию матросы. Геббельсу фильм не понравился. Чего у него было не отнять — это хорошего вкуса. Однако, как уже говорилось, Геббельс–пропагандист не во всем соглашался с Геббельсом–эстетом. По некоторым признаком он уловил, что публика останется довольна.

«Фильм несколько напоминает бульварный роман на героические темы, но в нем есть великолепные морские съемки, а также замечательные технические сюжеты, и он будет иметь большой успех»[192].

Публика действительно встретила картину очень благожелательно.

Помимо фильмов, воспевающих подвиги доблестных подводников, снимались картины о не менее доблестных летчиках («Эскадрилья Лютцова») и представителях сухопутных сил («Победа на Западе»). Снятая режиссером Хансом Бертраном «Эскадрилья» во многом повторяла приемы, использовавшиеся в фильме «Подлодки идут на Запад». Но если в подвигах подводников Геббельс увидел что‑то такое, что способно было «зацепить» публику, то похождения летчиков, видимо, показались ему малоубедительными. Он решил заняться картиной самолично. Бертран был вызван для беседы. Если сначала режиссер еще пытался как‑то отстаивать свою точку зрения, то вскоре вынужден был уступить. Геббельс убеждал его, что фильму не хватает драматизма и трагическая гибель юного летчика как нельзя больше украсила бы картину. Министр ни секунды не сомневался, что Бертран вынужден будет принять его вариант финала: «С Бертраном обсуждал его новый фильм "Эскадрилья Лютцова". Наши последние разногласия касаются его финальной части, но и их мы также вскоре устраним». Бертран в очередной раз вынужден был согласиться со всеми пожеланиями, и фильм вышел именно в «геббельсовском» варианте. Министр лично проследил, чтобы отклики в прессе были исключительно положительными, поскольку чувствовал себя «сопричастным творчеству». В дневнике он не забыл описать свои впечатления от «исправленной» им картины: «Вечером[193] премьера фильма "Эскадрилья

---

191 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 79.

192 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 274.

193 28 февраля 1941 года.

Лютцова" в Уфа "Паласт ам Цоо". Элитная публика. Фильм увенчался грандиозным успехом. Он вышел блестящим, доступным, реалистичным, с великолепной съемкой и киномонтажом. Истинный военный фильм для народных масс»[194].

Вышедший в этот же период фильм о сухопутных войсках «Победа на Западе» не получил от Геббельса и сотой доли похвал, которых удостоилась «Эскадрилья Лютцова», не потому, что был хуже, а потому, что не обладал должным военным пафосом, который, по мнению Геббельса, лишь украшал подобные картины.

Когда представители Верховного командования сухопутных войск обратились с требованием положительных откликов в прессе, они натолкнулись на отказ. Министр слишком заботился о своем престиже и действовал только наверняка. Надо сказать, что кино постоянно испытывало этот престиж на прочность.

Чем, казалось бы, мог быть опасен фильм режиссера Фейта Харлана «Кольберг» о героическом сопротивлении городка в Померании, осажденного наполеоновской армией? На съемки этого достаточно зрелищного фильма ушло два года и было потрачено 8 миллионов рейхсмарок. В нем участвовали тысячи статистов–солдат, специально для съемок отозванных с фронта. Актерский состав оказался звездным: Кристина Сёдербаум, Генрих Георге, Пауль Вегенер, Густав Диссль, Хорст Каспар, Ирене фон Майендорф. Костюмы актеров поражали воображение. Образы главных действующих лиц с идеологических позиций были продуманы до мелочей. Так, Наполеон представал злобным и кровожадным созданием, идущим по трупам, существом настолько страшным, что ради того, чтобы с ним покончить, можно было заключить союз даже с русским императором Александром I. Единственный раз за весь фильм Бонапарт показывается достойно в сцене поклонения гробу Фридриха Великого: «Фриц, если бы ты правил, разве был бы я здесь?» Романтическая линия в фильме представлена историей любви простой девушки Мари и благородного гусара. Однако долг превыше всего: «Я обручен с войной». У немецкого зрителя, возможно, должны были возникнуть ассоциации с Гитлером, заявлявшим, что его невеста — Германия.

Все было продумано, кроме одного: фильм был закончен к самому концу войны. Премьера состоялась 30 января 1945 года. А в марте 1945 года немецкие части вынуждены были закончить вовсе не киношную, а самую настоящую борьбу за Кольберг, оставив его. К этому времени Геббельс уже окончательно отрешился от реальности, замкнувшись на своей работе:

«Мы вынуждены теперь оставить Кольберг. Город, сражавшийся с исключительным героизмом, нельзя больше удерживать. Я позабочусь о том, чтобы об оставлении Кольберга не упоминали в сводке верховного командования вермахта. Мы не можем в настоящий момент делать этого из‑за серьезных психологических последствий для фильма о Кольберге».

Мысленно Геббельс уже закончил войну. Он как никто другой был осведомлен о реальном положении дел, но предпочитал фантазировать на тему моральной победы над врагом. Посмотрев «Кольберг», он не нашел ничего лучше, как сообщить представителям прессы о том, что через сотню лет снимут фильм о героической защите Берлина. Реакция на эти слова была по большей части скептическая. Кое‑кто даже позволил себе заметить, что вряд ли стоит погибать на войне, чтобы через сто лет тебя на экране сыграл молчаливый статист.

Художественным фильмам Геббельс уделял огромное значение, беспокоясь о том, какое впечатление они произведут на зрителя, в то время как беспокоиться уже пора было совсем о другом.

По степени значимости документальное кино ничуть не уступало художественному. С той поры как в 30–х годах в кинопроизводстве Германии появился звук, документальное кино шагнуло на качественно новый уровень и его участь как одного из основных средств

194 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 155.

«народного просвещения» была предрешена.

Так уж устроен человек, что чем больше органов восприятия у него задействовано одновременно, тем более успешным будет направленное воздействие на него. Геббельс уловил этот факт опытным путем еще во времена предвыборной борьбы, когда «встраивал» в митинги откровенно постановочные приемы.

Позже подобный опыт окажется полезным и при работе над документальным «Германским еженедельным кинообозрением»[195].

Как бы ни был Геббельс утомлен в конце рабочего дня, он обязательно находил возможность в своих дневниковых записях раскритиковать или, наоборот, похвалить создателей обозрения и себя лично.

Строилось оно всегда по одному и тому же принципу максимального воздействия на органы зрения и слуха. Бравурная музыка не смолкала ни на минуту, а на экране шли и шли кадры кинохроники. Каждый выпуск имел достаточно четкую и почти неизменную структуру. Сначала демонстрировались кадры, касавшиеся важных внутриполитических и внешнеполитических событий, происходивших на высшем уровне.

Но большую часть места и времени занимала именно военная хроника. В начале каждого сюжета несколько секунд зритель имел возможность наблюдать карту той страны, о которой в дальнейшем должна была идти речь. Далее под бодрые звуки маршей следовали прекрасно снятые, действительно документальные кадры. Общая мысль, к которой раз за разом подводился зритель, была такой: да, нам безумно трудно, но с таким боевым настроем мы способны преодолеть любые трудности. Если была возможность показать крупным планом, например, подбитый советский танк с дырками в броне, обходились минимумом закадровых комментариев, а если бой с английскими судами в Ла–Манше заканчивался ничем, то подробно рассказывалось о том, как важно сбить врага с курса.

Нельзя обойти молчанием и один из самых выразительных и любимых сюжетов, который использовался в обозрениях: борьба человека и стихии. Штормовое море, палящий зной, русские морозы — все это добавляло драматизма и динамики, а потому редко какой выпуск обходился без подобных «актеров».

Демонстрация холодной русской зимы преследовала еще одну цель — подтолкнуть гражданское население к более активному сбору теплой одежды. Думая разбить Советский Союз до наступления зимы, руководство Третьего рейха элементарно не позаботилось о зимнем обмундировании для солдат. Однако сбор теплых вещей не должен был производить гнетущего впечатления, тем паче натолкнуть на мысль о недальновидности руководства. Поэтому показ русской зимы оправдывал неподготовленность — кто ж знал, что там ТАКИЕ морозы!

При том, что хроники действительно содержали минимум постановочных кадров, они выполняли свою функцию, демонстрируя как только можно превосходство немецкого оружия. Для каждого выпуска снималось огромное количество пленки. Это позволяло сделать «нарезку», оставив самые выразительные и «правильные» кадры.

Как же добывались все эти горы пленки, отображавшие, казалось, каждый шаг немецкого солдата? Идея сбора изобразительного материала для кинохроник возникла еще до войны. Первый выпуск еще немого «Вохеншау» вышел в 1926 году, однако действительно значимым обозрение стало лишь к 1938 году. Именно в этом году генерал Кейтель в качестве представителя вермахта и Геббельс договорились о ведении пропаганды на фронте. В том же году стали формироваться специальные роты пропаганды. Первые пять рот подчинялись командованию армейских корпусов в Дрездене, Бреслау, Нюрнберге, Вене и Берлине[196].

---

195 Die Deutsche Wochenschau.

196 *Басистое Ю. В.* Особый театр военных действий. С. 88.

Во время войны с СССР число их весьма существенно выросло. Отснятые километры пленки многочисленные операторы отсылали в Берлин, где, собственно, и происходило редактирование и составление окончательного варианта хроники. Подмяв под себя УФА, Геббельс постарался максимально «замкнуть» новую корпорацию на Министерство пропаганды, на небольшое количество преданных людей[197] и на себя лично. Регулярно просматривая уже смонтированный материал, он контролировал и содержание, и длительность показа.

Продолжительность обозрений варьировалась в разные периоды времени. В 1939 году средняя длина отснятой пленки, из которой составлялся один выпуск, равнялась 300–400 метрам, а демонстрационное время занимало около 12 минут. Факт покорения Франции увеличил длину пленки до 1200 метров, а демонстрационное время — до 40–45 минут[198]. Однако министру пропаганды и этого было мало. С 1940 года стали создаваться специальные кинотеатры для показа «Вохеншау». Ежедневно с 10 до 22 часов в них демонстрировались выпуски обозрения, прерываемые лишь показом художественных короткометражных фильмов.

В мае 1941 года, когда в обстановке строжайшей секретности готовилось нападение на СССР, Геббельс предвкушал тот миг, когда пропаганда поменяет свою направленность на 180 градусов и «Вохеншау» приобретет новые черты, обогатившись свежими военными реалиями.

«Вечером "Вохеншау". Неплохая журналистская подборка. Это еще не военный выпуск. Но скоро все будет иначе. Мы все с радостью ждем этого»[199].

Радость довольно скоро сменилась опасением. Результаты войны диктовали свои условия. Уже к августу 1942 года продолжительность выпусков сократилось до получаса, а в 1944 году — до 15 минут. А в 1945 году, когда почти все специалисты ушли в фольксштурм, Геббельс до последнего делал все, чтобы те, кто обеспечивал материалом и монтировал «Вохеншау», занимались своим непосредственным делом, однако от него уже ничего не зависело. «Еженедельное обозрение» агонизировало вместе со всем рейхом.

«НЕСЕРЬЕЗНЫЕ И СЕРЬЕЗНЫЕ » СМИ: ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО

Однако было замечено, что
психологический эффект, производимый
на телеэкране, изменчив
и зависит от многих факторов.
А. Е. Тарас

— О каком конкретно шуме вы говорите?
— Об этом собачьем радио… Только не заливай мне, что ты его не слышишь.
Кен Кизи. Пролетая над гнездом кукушки

---

197 Совет директоров корпорации состоял из шести членов. Фриц Гипплер, глава киноподразделения министерства, занимал пост председателя правления. Минимум двое из представителей УФА должны были являться сотрудниками Министерства пропаганды. Ответственными за выпуск хроники были Генрих Релленберг и Фриц Тиц, а Фриц Винклер контролировал финансовую сторону производства.

198 *Роберт Э. Герцштейн.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 288.

199 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 303.

Если считать, что у Й. Геббельса были любимые «дети», такие как, например, «Дас Райх», то положение «новорожденного» телевидения было вполне сравнимо с положением нелюбимого пасынка.

Первое и основное, что следует сказать о телевидении в Третьем рейхе, — это то, что оно в принципе было. Оно развивалось и могло бы занять свое место в структуре, подчиненной всесильному министру пропаганды. Но этого не произошло. Не только Геббельс, но и другие иерархи Третьего рейха оставались полностью безучастными к появлению столь прогрессивного средства массовой информации. Журналисты, занятые в подготовке телепередач, не подвергались столь пристальному контролю, как, например, работники радио. Министерство пропаганды не обрастало соответствующими отделами и ведомствами. Неужели никому не было дела до того потенциала, который имелся в новом изобретении? К счастью, не было — время еще не пришло.

Датой рождения телевидения в Германии можно назвать день 22 мая 1935 года. Именно тогда Ойген Хадамовски, возглавлявший на ту пору отдел радиовещания произнес высокопарную речь о том, что Германия стоит на пороге новой эры, эры телевидения:

«В этот час вещательная индустрия призвана осуществить величайшее и священное задание — увековечить образ фюрера в сердце каждого немца, чтобы он остался там навсегда!»[200]

Однако обещанная эра телевидения наступит еще не скоро. Слишком трудоемким и дорогостоящим был сам процесс съемки, слишком больших сил требовало развитие соответствующей техники и обучение персонала. Силы же эти были направлены на поддержание проверенных средств массовой информации, более необходимых в условиях начавшейся вскоре войны. Известно, что лучшее — враг хорошего: в Германии снималось огромное количество фильмов и хроники; для демонстрации всего этого постоянно открывались новые кинозалы. Чего же еще желать?

Как ни странно, но немецкое телевидение спасла Англия. Погоня за ее достижениями привела к тому, что новое изобретение не пропало окончательно. Однако стать истинно народным у него так и не получилось.

Сказалась еще и дороговизна самих приемников. Если радиоприемник «морда Геббельса» имелся в каждой семье, то телевидение долго еще оставалось изобретением малодоступным и технически несовершенным. Замысловатое устройство под названием «диск Непкова» обеспечивало подачу изображения благодаря своему вращению. При этом разрешение было столь мало, что зачастую на маленьких экранчиках возникали расплывчатые световые пятна на очень темном фоне. В нескольких просмотровых залах, открытых в Берлине, на стене обязательно имелось объявление для публики: «Пожалуйста, наблюдайте изображение с максимально большого расстояния!» В противном случае не всегда представлялось возможным различить, что, собственно, происходит на экране. Так, например, футбольный матч выглядел мельтешением белых пятен на очень темном фоне. Впрочем, правильное местоположение в зале не гарантировало, что передачу получится досмотреть до конца, поскольку два телевизора, которые были установлены на специальных возвышениях, то и дело вообще «теряли» изображение. Появлялся почтовый служащий (первоначально именно работники почты осуществляли техническую поддержку) и пытался наладить работу капризного аппарата. Если его манипуляции помогали, то сеанс продолжался.

Все эти издержки, свойственные телевидению на заре его существования, привели к тому, что Геббельс с самого начала принял его очень настороженно.

Был и еще один аспект, на который, конечно, невозможно полностью списать

---

[200] Из речи, произнесенной Ойгеном Хадамовским 22 мая 1935 года в честь начала телевещания. Материал взят из фильма Михаэля Клофта: «Телевидение в Третьем рейхе».

безразличное отношение со стороны министра пропаганды, но упомянуть о нем следует. Дело в том, что когда Геббельс первый раз увидел себя по телевизору, он испытал настоящий шок. Все его физические особенности предстали на телеэкране в гипертрофированном виде. Геббельс не мог скрыть своей досады и разочарования. Невольно напрашивается сравнение с радио, где он буквально зачаровывал слушателей своей грамотной, язвительной речью и голосовыми модуляциями. Можно назвать это совпадением, но именно радио получило приоритетное развитие в Третьем рейхе, а телевидению была отведена весьма второстепенная роль.

Телепередачи — от развлекательных до политических — очень часто шли в прямом эфире[201]. Но сравнительно недавно в одном из архивов были обнаружены удивительные материалы: тысячи метров кинопленки с запечатленными на ней телевизионными программами. Имеющаяся информация была в спешном порядке перенесена на другие носители, что дало возможность восстановить интереснейшие подробности. Современные исследователи взглянули на события того времени не только благодаря выверенным материалам Лени Рифеншталь или особым образом смонтированным кадрам «Вохеншау». Материалы для телевидения шли практически без предварительной обработки, в результате при демонстрации, например, политических событий можно было наблюдать несколько затянутое, но зато сверхточное изображение происходившего. Неопытные операторы находили порой совершенно немыслимые ракурсы, демонстрируя, например, снизу и сбоку Гитлера, залезающего в автомобиль. Камера в их руках прыгала как живая. Если она переводилась на другой объект, то зрителю гарантировались несколько секунд головокружения от резко меняющейся смазанной картинки. Однако именно эти передачи, почти лишенные постановочных моментов, представляют сегодня наибольший интерес.

Впечатление от несовершенной съемки первые телевизионщики Германии пытались скрасить закадровыми комментариями. Здесь не понадобилось изобретать велосипед, поскольку они велись в духе уже привычных для немцев радиопередач: максимум простоты и доходчивости. По–иному и быть не могло, ведь на телевидении работали почтовые служащие, журналисты и радиокомментаторы.

Поняв, что серьезная работа, сопоставимая с работой на радио или в газетах, пока не для них, телевизионщики все больше переходили на передачи развлекательного жанра. При этом нельзя сказать, что телевидение совсем не выполняло каких‑то политико–социальных заказов. Патриотические передачи занимали большое количество эфирного времени. Однако все это было как‑то несерьезно.

Появилась даже первая, довольно специфическая, социальная телереклама. Белокурая девушка–простушка рассказывала со счастливой улыбкой, что ее поездка в деревню обернулась для нее личным счастьем — она нашла «радость в силе Эмиля». Странная фраза становится понятнее, когда выясняется, что в данном случае рекламируется национал–социалистическая организация «Сила в радости»[202]. Ее глава Роберт Лей таким образом формулировал задачи этого объединения: «Рабочий видит, что мы всерьез относимся к росту его социального положения. Он видит, что не только так называемому "образованному классу", с которым мы связываем представление о новой Германии, но и ему, германскому рабочему, мы стремимся показать мир. Через несколько лет рабочий человек избавится от чувства неполноценности, которое он унаследовал от прошлого»[203].

---

201 Удивительный способ демонстрации изображения почти в режиме реального времени был найден во время Олимпийских игр 1936 года. Отснятый на стадионе материал за считанные секунды доставлялся в студийный автобус, откуда изображение передавалось на телевизоры.

202 Kraft durch Freude. KdF.

203 Энциклопедия Третьего рейха. С. 421.

Реклама была сделана на случай, если немецкий народ не впечатлится речами Лея, которого крупный немецкий промышленник Франц Тиссен называл «заикающимся алкоголиком». Являвшаяся частью Германского трудового фронта «Сила в радости» занималась вопросами досуга, отдыха и развлечений среди рабочих. Получая огромные правительственные субсидии, она развивала туризм, организовывала любительские театры, культивировала массовый спорт. При желании горожане могли также приобщиться к фермерскому труду, заодно получив представление о том, что такое идеальный германский образ жизни. Прагматичных горожанок предполагалось заманивать в деревню, обещая им браки с крепкими сельскими парнями. Реклама ли тому виной или сознательность немок, но начинание это имело большой успех.

С первых моментов своего существования телевидение дало жизнь не только телерекламе, но и теленовостям. Поскольку официальные источники не баловали телевидение своим вниманием, то информацию для новостных передач получали порой достаточно причудливым образом.

Так, журналист мог быть отправлен, например, на рынок, где после разговора с покупательницами и продавцами приобретал «достоверные» сведения и выслушивал «экономические прогнозы». Особенно прославился на этом поприще репортер Фриц Янеке. Именно он вдруг обнаружил в себе талант–умение разговаривать с людьми. Янеке одинаково увлеченно рассказывал о кулинарных рецептах и о том, как следует правильно сидеть на лошади. А главное, он слушал так, что члены общества охотников принимали его за своего, а домохозяйки были уверены, что он как никто разбирается в кулинарии и шитье. Тематика передач менялась постоянно, неизменными оставались лишь приветствие: «Хайль Гитлер!» и тот восторженный общий тон, который выделялся даже на общем фоне хвалебных немецких передач.

По мере того как военная фортуна все больше отворачивалась от Германии, телевидение приобретало все более гротескные черты. Чем хуже становилась ситуация, тем более легкими и веселыми делались телевизионные передачи. Они развлекали, утешали и отвлекали от действительности. Раненые солдаты в госпиталях стали первыми настоящими поклонниками немецкого телевидения.

Телевещание в нацистской Германии официально прекратилось осенью 1944 года, но это событие не выглядело для немцев такой уж страшной потерей на фоне всего происходящего. Проглядели в Третьем рейхе огромный потенциал, который несло в себе новое средство массовой информации. Телевидению оставили роль глупого горшочка с бубенчиками, который умел наигрывать: «Все пройдет, мой Августен, Августен, Августен…» Впрочем, к 1944 году его уже мало кто слушал.

Несмотря на то что радио, как и телевидение, было для Германии новинкой, судьба его в Третьем рейхе сложилась совершенно иначе. История его широкого распространения началась с 1923 года. После этого каждый новый год количество радиослушателей увеличивалось необыкновенно быстрыми темпами. Если на 1.04. 1924 года их было 10 000, то уже к 1.04.1925–го насчитывалось 780 000, к 1.04. 1927–го — 1 миллион, к 1.04.1929–го — 2, 8 миллиона, к 1.04.1931–го — 3,7 миллиона. В 1932 году, несмотря на экономический кризис, число радиослушателей превысило 4 миллиона человек. К этому времени Германия вышла на второе в Европе место (после Великобритании) по количеству радиоприемников. фактически это выражалось в том, что радио дома имела каждая четвертая семья[204].

После прихода национал–социалистов к власти радио, как и другие средства массовой информации, было подвергнуто унификации. Это не потребовало таких хлопот со стороны министра пропаганды, как, например, завоевание прессы, находившейся в руках разных частных владельцев. Изначально подчиненное государству радио оказалось намного проще контролировать, чем какие бы то ни было еще средства массовой информации.

---

204 *Eberhard Kolb.* Die Weimarer Republik. S. 105.

В марте 1933 года имперским министром внутренних дел Геббельсу официально было передано право контроля за «персональными, политическими, культурными и программными задачами радио»[205]. Планируя мартовскую избирательную кампанию, Геббельс довольно преждевременно заметил: «Теперь борьба будет легкой, так как мы можем использовать все средства государства. Радио и пресса в нашем распоряжении. Мы достигнем вершин пропаганды»[206]. На самом деле он был прав лишь частично. Во–первых, оказалось, что замена руководителей радиостанций на нацистов — мера далеко недостаточная для того, чтобы превратить радио в превалирующий инструмент пропаганды. Следовало так организовать предвыборное радиовещание, чтобы передаваемые речи Гитлера не стали своеобразной антирекламой национал–социализма. Одно дело — выступление на митинге, где при минимуме выразительных средств толпа «заведет» себя сама, и совсем другое — радиовещание, где индивидуальное прослушивание передач оставляет место для критического восприятия. Гитлеровский истерический надрыв, так хорошо действовавший на людей во время митингов, в данном случае мог оказаться не только бесполезным, но даже вредным. В 1933 году, после прослушивания одной из своих речей во Дворце спорта, фюрер довольно уныло заметил, что, похоже, ему никогда не стать радиозвездой. Геббельс взялся опровергнуть это замечание и добился поразительных результатов. Все те речи Гитлера, которые мы имеем возможность услышать сегодня, — плод кропотливой работы самых разных специалистов. В конечном итоге подбирались наиболее выразительный тембр, предварительные и последующие комментарии, звуковое сопровождение — все то, что должно было максимально приблизить радиослушателя к тому экзальтированному состоянию, которое было характерно для участника митинга. Геббельс не скрывал удовлетворения. Партия успешно осваивала один из самых на то время прогрессивных способов распространения информации. Оставалось совсем немного времени до того момента, когда появится радио, «марширующее вместе с нацией».

Создание министерства пропаганды вывело систему контроля радио на новый уровень. Все отделы министерства начинали свое существование как достаточно компактные структуры, впоследствии разраставшиеся до огромных размеров. Не был исключением и третий отдел (т. е. отдел радио). К 1940 году он состоял из четырех частей, каждая из которых ориентировалась на что - то свое.

1) Отдел по делам культуры и вещания на зарубежные страны: это отделение занималось радиопередачами по вопросам политики, радиопрограммами для национальных фестивалей, культурным обменом с зарубежными странами, помощью в вещании на заграницу, школьными и научными передачами, передачами по вопросам международной культуры, связью с прессой и с Всемирным союзом радио.

2) Отдел по особой тематике: отделение ведало подготовкой радиопередач в случае, когда была необходима срочная мобилизация, организацией радиовещания в военное время и использованием радио как оружия военной пропаганды.

3) Отдел юридического обеспечения.

4) Отдел технических вопросов[207].

Четвертое отделение помимо явных своих задач достаточно часто занималось техническим обеспечением особо секретных и важных объектов. Так, шеф политической разведки В. Шелленберг упоминал об одном из таких объектов:

«Геббельс, будучи министром пропаганды, создал службу радиоперехвата, главная задача которой состояла в снабжении его министерства всем необходимым для ведения

---

205 Цит. по: *Ralf Georg Reuth.* Goebbels. München, 2005. S.276.

206 Штурм власти. С 146.

207 *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Й. Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. С.113.

пропаганды в странах противника. Эта служба, в которой в качестве операторов работало много иностранцев, была благодатной базой для вражеских секретных служб и поэтому находилась под постоянным и тщательным наблюдением гестапо»[208].

Достаточно высокий уровень развития радиотехники позволял не только перехватывать «вражеские голоса», но и поддерживать сложную систему вещания. Уже в 1936 году вещание осуществлялось на Южную Азию, Австралию, Восточную Азию, Африку, Южную Америку, Центральную Америку и Северную Америку. Во время войны с СССР Геббельс с радостью отмечал отличную работу секретных радиостанций, вещавших на русской территории:

«Наши секретные радиостанции образцово используют всяческие уловки и ухищрения. Сталину не до смеха. Значительная часть русской пропаганды внутри страны занята опровержением нашей. Она носит оборонительный характер, эта расхваленная и опасная большевистская массовая пропаганда. Теперь наши радиостанции беспрепятственно выходят в эфир. Официальные подчеркнуто объективны, а секретные радиостанции жмут на всю катушку»[209].

Координация таких разноплановых отделений требовала огромных сил как от самого Геббельса, так и от его непосредственных подчиненных. Неудивительно, что Отдел радио Имперского министерства народного просвещения и пропаганды оказался неспокойным местом для тех, кто его возглавлял. Обилие самых разнообразных функций, а главное—деспотичный контроль со стороны Й. Геббельса, требовавшего от руководителей полного и безоговорочного подчинения, привели к тому, что люди там надолго не задерживались. Первый глава отдела, Густав Крукенберг[210], продержался на новом месте совсем немного. Его противостояние с министром пропаганды вылилось в то, что вскоре ему пришлось подыскивать новое место работы. На смену Крукенбергу пришел 28–летний Ойген Хадамовски. Его отношения с Геббельсом тоже были далеки от идеальных. С одной стороны, именно его министр в своих записях обозначил как «одного из спутников жизни, много лет неустанно и преданно сопровождавших его», с другой — стремительный карьерный взлет и непомерное честолюбие молодого работника безумно раздражало министра. А. Шпеер не раз становился свидетелем достаточно безобразных сцен, когда Геббельс намеренно дискредитировал Хадамовского перед фюрером:

«Некоторые остроты бывали тщательно подготовлены и как звенья аккуратно вплетены в цепь действий, о развитии которых Гитлер получал регулярную информацию. Геббельс и здесь превосходил остальных, поскольку одобрительная реакция Гитлера снова и снова побуждала его к действию. На радио старый член партии Ойген Хадамовски получил руководящую должность и теперь горел желанием возглавить все радиовещание рейха. Министр же пропаганды, у которого на примете был совсем другой кандидат, опасался, как бы Гитлер и впрямь не вздумал поддерживать Хадамовского, поскольку тот с заметным

---

208 *Шелленберг В.* Лабиринт. С. 356.

209 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». Запись от 5 июля 1941 года. С. 383.

210 Крукенберг Густав (8.03.1888 — 23.10.1980) — один из руководителей пропаганды и командиров войск СС, бригаденфюрер СС, генерал–майор войск СС. Получил юридическое образование, доктор права. Участвовал в 1–й мировой войне. В 1932 году вступил в НСДАП. В 1933 году был назначен младшим статс–секретарем и начальником отдела радио в геббельсовском министерстве. С началом войны поступил в действующую армию в чине майора резерва. С 1940 года являлся начальником группы оперативного отдела штаба командующего вермахтом в Нидерландах. В 1943 году стал начальником штаба экономической инспекции «Центр» в составе экономического штаба «Восток», занимавшегося вывозом ценностей с территории СССР. С 1944 года — начальник штаба 3–го танкового корпуса СС и генерал–инспектор французских формирований СС. С 2.5.1945 — командир 11–й добровольческой моторизированной дивизии СС «Нордланд». В конце войны вместе с остатками этой дивизии сдался советским войскам; почти 10 лет провел в лагерях. В 1955 году передан властям ФРГ и освобожден.

искусством организовал передачи о ходе избирательной кампании. Ханке, статс–секретарь в министерстве пропаганды, после этого пригласил его к себе и официально сообщил ему, что он недавно был произведен Гитлером в "рейхсинтенданты". Восторги Хадамовского по поводу желанного назначения были, по всей вероятности, за обедом доведены до сведения Гитлера в огрубленном и искаженном виде, так что Гитлер воспринял все происшедшее как интересную шутку. На другой день Геббельс нарочно велел напечатать несколько экземпляров одной газеты, в которой была опубликована ложная информация о назначении, а вновь назначенный осыпался неумеренными похвалами. В таких интригах Геббельс знал толк; теперь он мог доложить Гитлеру, какие преувеличения и восторги содержала информация и с какой радостью Хадамовски все это воспринял. Результатом был новый приступ хохота у Гитлера. В тот же день Ханке попросил вновь назначенного произнести приветственную речь в неподключенный микрофон, и это снова послужило источником бесконечного веселья, когда за столом было сообщено, с какой неумеренной радостью — доказательством откровенного тщеславия — он реагировал на это предложение. Теперь Геббельсу нечего было опасаться, что кто‑то поддержит Хадамовского. Дьявольская игра, причем высмеиваемый даже не имел возможности вмешаться, он, вероятно, и не подозревал, что все эти шуточки имели целью сделать его совершенно несостоятельным в глазах Гитлера. Никто не мог бы также проверить, точно ли Геббельс излагал факты или дал волю необузданной фантазии»[211].

Интриги Геббельса привели к ожидаемым результатам. Хадамовски сначала был вытеснен в Мюнхен, подальше от Берлина, а в 1943 году в числе других партийных функционеров направился в действующую армию, где и погиб в бою.

Следующим беспокойное место в отделе радио занял Дресслер–Андресс, человек опытный, прошедший Первую мировую войну и примкнувший к нацистскому движению с середины 20–х годов. Еще до прихода НСДАП к власти он являлся одним из создателей Молодежной германской организации и командиром молодежной боевой группы. Будучи талантливым журналистом и толковым руководителем, Дресслер–Андресс хорошо зарекомендовал себя как глава политического отдела радио в Имперском руководстве НСДАП. Казалось, этот человек как ни один другой готов к работе в министерстве пропаганды. Однако его сгубило именно наличие большого опыта руководящей работы, поскольку, как он считал, давало ему право на собственное мнение. Начались неизбежные конфликты с Геббельсом, закончившиеся сменой руководства отдела радио. Та же участь постигла позже и преемника Дресслер–Андресса по фамилии Криглер[212]. Следующий руководитель, Берндт[213], поплатился за то, что часто передоверял свои обязанности заместителю, который вскоре и занял его место[214].

Последним главой отдела радио оказался Ганс Фриче, талантливый журналист,

---

211 *Шпеер А.* Воспоминания. С. 187–188.

212 Криглер Ганс (3.05.1905, Бреслау - ?), журналист. По образованию архитектор. В НСДАП вступил в 1926 году. С 1931–го — руководитель радиоотдела гау Силезия. После того как к власти пришли нацисты, Криглер был назначен интендантом радио в Бреслау. В геббельсовском министерстве работал с 1937 года, однако вынужден был освободить занимаемую должность из‑за конфликта с министром пропаганды.

213 Берндт Альфред Ингемар (22.04.1905, Бромберг — 21.03.1945, Вешперем, Венгрия), журналист. Вступил в НСДАП в 1924 году. Два года возглавлял пронацистский «Германский ежедневный листок», работал редактором в различных провинциальных изданиях. С 1934 года — член СС. С 1936 по 1938 год руководил отделом прессы в министерстве пропаганды, с 1938 по 1939–й — отделом литературы. Отдел радио возглавил с 1939 года. С 1.04.1945 года командовал 2–м батальоном 5–го танкового полка 5–й танковой дивизии СС «Викинг». Погиб в бою.

214 Имеется в виду Диверге, два с лишним года занимавший должность руководителя отдела радио.

исполнявший свои обязанности до мая 1945 года. Поначалу его отношения с Геббельсом складывались непросто, как и у его предшественников. Еще до получения новой должности, будучи руководителем службы внутренней прессы, он не раз вызывал раздражение Геббельса, пытаясь действовать по своему разумению. В частности во время инцидента с Гессом Фриче пытался добиться от Геббельса вразумительной информации для распространения внутри страны. Но Геббельс, избравший тактику замалчивания для ликвидации последствий от скандального перелета, был нем.

«Фриче постоянно терзает меня, требуя больше информации о деле Гесса внутри страны. Я отвергаю это. Эту аферу необходимо систематически замалчивать»[215]. Довольно скоро Фриче научился не задавать лишних вопросов, демонстрируя высокий уровень приспособляемости и большие способности в лавировании.

Скорее всего, он добился бы больших успехов, но не случилось. В мае он был захвачен советскими войсками и в качестве военного преступника привлечен к суду Международного военного трибунала в Нюрнберге. Современники были немало удивлены этим фактом.

«Ганс Фриче, сделавший карьеру в качестве радиокомментатора благодаря тому, что его голос напоминал голос Геббельса, который и взял его на службу в министерство пропаганды. Никто из присутствовавших на суде, включая самого Фриче, не мог понять, почему он, будучи слишком мелкой сошкой, там оказался, — и его оправдали»[216].

Однако все объяснялось достаточно просто: на процессе в Нюрнберге[217] обвинители хотели видеть представителя министерства пропаганды, человека изнутри знавшего устройство министерства. Фриче подходил по всем статьям. Он действительно был необыкновенно осведомленным человеком. При этом его знали в Германии все. Вся страна спешила к радиоприемникам, заслышав позывные: «Говорит Ганс Фриче».

Приемники эти, образца 1938 года, стоившие 65 марок, а позже — еще дешевле, производили в огромном количестве. Содержание их обходилось в 2 рейхсмарки ежемесячно. Они обладали неоспоримым преимуществом перед всеми другими моделями, поскольку физически были не в состоянии выловить иностранные передачи. Подобные приемники были и в семьях, и на производстве. Они передавали политические передачи вроде таких, как «Слово предоставляется партии», а также развлекательные — «Веселые минуты на работе и дома» и «Музыка и танцы на предприятии». Они просвещали крестьян, излагая сельскохозяйственные новости, воспитывали молодежь в духе преданности национал–социализму во время «Часа молодежи нации».

Программа передач с течением времени видоизменялась и трансформировалась: все больше было легкой танцевальной музыки, по мере того как положение на фронте становилось все серьезнее. Все реже и реже Геббельсу удавалось уговорить выступить Гитлера. В последние месяцы войны он посвятил этим уговорам немало времени, но вот еще:

«Фюрер обещает мне быстрейшим образом выступить с обращением по радио к немецкому народу. Но, как уже было сказано, он сначала хочет дождаться успешных результатов принятых им на Западном фронте мер. Я несколько сомневаюсь теперь в том, что он действительно намерен выступить в обозримом будущем. У фюрера сейчас появился какой‑ то совершенно непонятный мне страх перед микрофоном. Хотя он и понимает, что

---

215 *Агапов А. Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». С. 285.

216 *Уильям Ширер.* Крах нацистской империи. Смоленск, 2003. С. 723.

217 Представ перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 году, Фриче признал, что ошибался в своей оценке Гитлера и нацизма и что в конце концов он пришел к осознанию, что фюрер решился на истребление не только евреев, но и германского народа. «Это самый ужасный приговор всех времен и народов. Только одно еще более ужасно: приговор германскому народу, оскорбительный для его идеализма».

было бы неверно теперь оставить народ без такого обращения, но, к сожалению, служба СД после его недавнего выступления доложила ему, что в народе его речь критиковалась, что он будто бы не сказал ничего существенного нового. А он и действительно не может сообщить народу ничего нового. Уже о чем‑то говорит сам факт, что фюрер заявляет о необходимости сообщить в своей речи нечто существенное, а пока у него для этого нет предпосылок. Я возражаю, обращая его внимание на другую сторону дела и указывая, что народ ожидает от него хотя бы какого‑то сигнала. Такой сигнал можно было бы дать и в нынешней сложной обстановке. В общем, наша "дуэль" по поводу речи приобретает такой характер, что мне становится просто не под силу убедить фюрера немедленно составить эту речь»[218].

К весне 1945 года, собственно, уже было безразлично, будет Гитлер выступать или нет. К тому времени «народные приемники» отчаявшееся население давно уже переименует в «морды Геббельса». Империя будет трещать по швам, и самая откровенная правда, самая беспардонная ложь, равно как и самая «изысканная» пропаганда уже не будут волновать значительную часть немцев. 1 Мая не станет Геббельса. А 2 мая извлеченный русскими солдатами из подвала Министерства пропаганды Ганс Фриче передаст по радио призыв к немецким войскам берлинского гарнизона прекратить всякое сопротивление.

МОБИЛИЗОВАННЫЕ СМИ: ПРОПАГАНДИСТСКИЕ МЕТОДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

То, что войны могут длиться так долго, что они продолжаются, даже если давно проиграны, объясняется глубочайшей потребностью массы сохранять себя в возбужденном состоянии, не распадаться, оставаться массой.

Хосе Ортега–И-Гассет.
Восстание масс

Как уже говорилось, ни Гитлер, ни Геббельс не были теоретиками — разработчиками методов психологического воздействия. Однако оба являлись практиками. Первый, будучи натурой весьма артистичной, обладал великолепно развитой интуицией. Просто чувствовал, что именно надо сказать в данную конкретную минуту. Именно поэтому самое яркое в пропагандистском плане явление — это Гитлер–оратор. Второй, безусловно, обладая талантом и фантастической работоспособностью, опирался скорее на собственный профессионализм, что позволяло ему добиваться результатов вне зависимости от способа донесения информации. Среди применявшихся Геббельсом методов большая часть была великолепно известна и до него, просто мало у кого получалось использовать их так, как это делал он.

Драматический эффект — один из приемов, которому Геббельс был обязан своей славой отличного пропагандиста. Едва вступив в должность министра народного просвещения и пропаганды, 21 марта 1933 года Геббельс потряс немцев грандиознейшим по виду и лицемернейшим по сути действом. Именно на этот день было запланировано открытие новой сессии рейхстага, ставшее наглядной демонстрацией единения НСДАП и старых имперских традиций. Прежде всего большую роль играло то, что церемония

---

218 *Геббельс Й.* Последние записи. С. 353.

проходила в Потсдаме, бывшем долгое время монаршей резиденцией. Так же тщательно, как и город, было выбрано место — церковь, сооруженная над могилой Фридриха Великого. Тщательный выбор места предполагал и тщательный выбор времени — годовщина открытия Бисмарком первого рейхстага. Далее оставалось продумать максимальное количество сочетаний старых и новых традиций в оформлении, чтобы потешить немецкую склонность к сентиментальности и умилостивить представителей самых консервативных кругов Германии. У Геббельса получилось сочетать несочетаемое. Солдаты рейхсвера и штурмовики почтительно вытянулись, когда канцлер Германии А. Гитлер получил от имперского президента Гинденбурга «согласие на возвышение Германии» и возложил цветы на могилу Фридриха Великого. Встретились прошлое и будущее, а над всем этим развевались черно–бело–красный императорский флаг и знамя со свастикой. Впоследствии идея преемственности власти НСДАП будет отражена и графически — появятся плакаты с тремя профилями, расположенными так, как в СССР любили изображать Маркса, Энгельса и Ленина: Фридрих Великий, Гинденбург и Гитлер.

Среди акций, спланированных Геббельсом и имевших ярко выраженный постановочный эффект, нельзя не назвать также сожжение книг нежелательных авторов, проходившее в Берлине перед Оперным театром 10 мая. Геббельс вообще очень любил открытый огонь, так как с ним мало что могло сравниться по степени выразительности. Отблески языков пламени ложились на лицо Геббельса, монотонно произносившего однообразные формулировки: «Приговаривается к сожжению книга…» Такие зрелищные акции благосклонно воспринимались населением Германии. Но «мирные» развлечения длились недолго, надвигалась война, а с нею и новые «зрелища».

Что ни говори, самый лучший метод военной пропаганды — это освещение военных успехов. Именно на этой непреложной истине базировалась методика подачи материала в начале войны. Конечно, было бы наивно утверждать, что типичный' выпуск, скажем, «Вохеншау» в начале войны сосредотачивался лишь на одном–единственном методе; конечно, нет. Но все же наглядная демонстрация успешности военной кампании являлась определяющей при подаче информации. Каждый выпуск представлял собой материал, состоявший из кадров, отснятых специальными подразделениями пропаганды, и того, что удалось позаимствовать у противника. Почти в каждом фильме специально подчеркивалось наличие трофейного материала, что само по себе выполняло пропагандистскую функцию.

Взять, например, 1940 год, один из самых удачных для немецкого оружия. Одна из задач, которая была поставлена перед Западной армией в этот период, — захват Голландии и Бельгии. Эту операцию предполагалось осуществить в результате внезапного удара, разгрома левого крыла противника и поворота на юг с одновременным нанесением ударов по северному крылу фронта французов. В этом случае, несмотря на наличие перед ними линии Мажино, перешел бы в наступление южный участок немецкого фронта. Главный удар должна была наносить группа армий фон Бока. Особую проблему для наступающих представляла собой бельгийская крепость Льеж. Многочисленные форты, окружавшие Льеж, придавали ему исключительную неприступность. Среди всех фортов самым сильным был северный форт Эбен–Эмаель, прикрывавший своими орудиями большой участок канала Альберта. Если Льеж можно было обойти, то форт Эбен–Эмаель, блокирующий пути продвижения, нужно было взять во что бы то ни стало. Для овладения им был подготовлен специальный воздушный десант, который должен был высадиться в форте с планеров в тот момент, когда наступающие войска перейдут границу. Саперы, высаженные вместе с десантом внутри форта, должны были взорвать огневые сооружения. Предварительно их довольно долго тренировали на специально построенном макете. Одновременно группа парашютистов должна была захватить мост, а пикирующие бомбардировщики — совершить налет, чтобы не дать бельгийцам мост взорвать.

Вот как выглядели фрагменты этой операции в зеркале «Вохеншау».

Задумчивый немецкий летчик разглядывает географическую карту. Монтажный переход — и вместо карты возникает реальное изображение местности. Под бравурную

музыку немецкие войска форсируют водные преграды.

Появляется закадровый голос: «Солдаты Западного фронта, 10 мая 1940 года наступил решающий час схватки за будущее немецкой нации. У немцев нет ненависти к английскому или французскому народу. Но сегодня встал вопрос о жизни и смерти. Многомесячная подготовка завершилась. Англия и Франция пытаются развернуть крупномасштабное наступление через Голландию и Бельгию по направлению к Рурской области. Солдаты Западного фронта, такими они вступают в этот решающий час». На экране возникают лица солдат. Очень долго и крупным планом показывают солдата внешне необыкновенно похожего на министра пропаганды. «Начинающаяся сегодня борьба определит судьбу немецкого народа на ближайшие тысячелетия. Немецкое командование получило сведения, что мощные силы противника — французские и английские дивизии при участии голландского и бельгийского правительств — концентрируются под Лиллем. Они получили приказ открыть крупномасштабное наступление на нашу страну через Рурскую область. Шлагбаум на бельгийской границе открывается для прохождения сил западных армий». Под французскую музыку демонстрируются угрожающие кадры: марширующие французские части. Сразу следом, — кадры с марширующими англичанами, соответственно под звуки английской музыки.

«Летящие над бельгийскими дорогами и голландскими каналами десантники первыми начинают наступление. Немецкие солдаты выступают единым фронтом». Параллельно тому, что говорится, идет демонстрация уличных боев. Несколько секунд показывают немецкого солдата, склонившегося над телом павшего товарища. На этом лирическое отступление завершено. Далее снова кадры военной хроники. «Одно из самых мощных укреплений противника форт Эбен Эмаель. Командование противника надеется на 100 000 своих солдат. Наши воздушные силы наносят удар». На экране появляются немецкие солдаты, штурмующие форт. «11 Мая Эбен Эмаль капитулировал. При штурме погибло несколько немецких солдат. Их гибель — выкуп за свободу… Крепости Голландии вынуждены сдаваться одна за другой. Голландия капитулирует. Цель достигнута. Наступление на Рурскую область остановлено»[219].

Военные успехи действительно красноречивы сами по себе. Задача пропагандиста в этом случае заключается лишь в передаче информации. Можно усилить драматический эффект за счет преувеличения вражеских потерь либо добиться того же самого, приводя цифры, «накопившиеся» за определенный срок. Поэтому, когда настал период освещения военных действий против СССР, никто не стал изобретать велосипед, используя поначалу опробованную методику.

«К июлю 1941 года, после удара немецких войск, у врага — более 100 000 убитых, более 400 000 раненых, уничтожено 7615 танков и боевых машин, 6233 самолета… Маловероятно, что советская власть опомнится от такого ужасающего удара»[220].

Наглядность и простота, — вот каков был самый востребованный на тот момент способ подачи информации. Как ни странно, но если убрать техническое оснащение, то данный метод в психологическом плане можно будет отнести к одному из самых древних. Цари древности сооружали пирамиды из отрубленных голов, переправляли на родину отрубленные части вражеских тел — все это должно было устрашить противника и продемонстрировать «тылу», что война идет по плану.

Именно в немирные времена особенно заметно, что идущий семимильными шагами прогресс меняет лишь какие-то внешние проявления в человеке.

Исторические аналогии. Пропагандисты Третьего рейха в силу мировоззренческой

---

219 «Вохеншау». 10 Мая 1940 г.

220 Militaerwissenschaftliche Mitteilungen. Wien, 1941. N9 8. S. 10.

позиции своего фюрера вообще то и дело вынуждены были обращаться к историческим примерам: то для обоснования избранности германцев, то для доказательства злокозненности мирового еврейства. Во время войны необходимость в подобном погружении в глубины истории возникала, как правило, тогда, когда положение на фронте складывалось не лучшим образом. К чему еще апеллировать в безнадежной ситуации, как не к героическому прошлому своего народа? Если происходящее беспримерно, то подойдут и другие исторические либо мифологические аналогии.

После того как ситуация с немецкой армией, запертой в Сталинградском котле, потребовала отклика немецких средств массовой информации, то, в частности, ими была растиражирована речь Геринга, в которой он сравнивал гибнущих солдат с нибелунгами: «Они тоже стояли в зале, полном огня, полыхавшем от пожара, утоляя жажду собственной кровью. Они стояли до последнего»[221].

Позже в газетах будет приведен еще один исторический пример: противник смог победить лишь благодаря численному превосходству, так же как в свое время персы буквально смяли при Фермопилах маленький отряд из трехсот спартанцев во главе с царем Леонидом.

В самом конце войны, когда потребовались факты, имевшие мировое значение, Геббельс писал в своих дневниках: «Фюрер дал мне указание опубликовать в немецкой печати подробные рассказы о Пунической войне. Пуническая война наряду с Семилетней — это тот великий пример, которому мы пока можем и должны следовать. Собственно говоря, она еще больше подходит к нашему положению, чем Семилетняя война, так как в Пунической войне речь шла более о всемирно–историческом решении, последствия которого сказывались на протяжении нескольких столетий. Да и столкновение между Римом и Карфагеном, в точности как нынешнее из‑за Европы, было решено не в ходе одной войны, и то, кто будет руководить античным миром — Рим или Карфаген, — зависело от храбрости римского народа и от его руководства».

Замалчивание с целью выжидания. Когда нечего сказать, то достаточно выдержать длинную паузу, и может так случиться, что говорить уже ничего и не придется, поскольку потрясшая всех новость очень быстро перестанет быть актуальной. В мае 1941 года весь мир был потрясен неожиданным перелетом заместителя Гитлера по партии Гесса в Англию с целью заключения мира между двумя германскими народами. Это был удар так удар! Мартин Борман — рейхсляйтер, руководитель партийной канцелярии фюрера — оперативно создал версию, будто Гесс был сумасшедшим. Более того, он уговорил Гитлера озвучить эту версию в первом официальном сообщении по делу Гесса. Шеф прессы Отто Дитрих подхватил данное заявление и растиражировал его.

«Видимо, член партии Гесс жил в мире галлюцинаций, в результате чего он возомнил, что способен найти взаимопонимание между Англией и Германией… Национал–социалистическая партия считает, что он пал жертвой умопомешательства. И таким образом, его поступок не оказывает никакого воздействия на продолжение войны, к которой Германию вынудили»[222]. Подобное опрометчивое заявление дало возможность Геббельсу вволю негодовать и удивляться непроходимой тупости своего вечного конкурента: «Какая картина для всего мира: душевнобольной является вторым после фюрера человеком! Такое даже помыслить и то невозможно». Полностью «размазав» Дитриха, Геббельс берет освещение вопроса в собственные руки: «Даю указание прессе и радио опубликовать это сообщение без всякого комментария. А затем выждать, какова будет

---

221 Goering Rede vom 30.01 Л943. См.: Deist Wilhelm, Messerschmidt Manfred, Volkmann Hans‑Erich, Wette Wolfram. Ursachen und Folgen. Frankfurt/M., 1991. S. 95.

222 Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 153.

реакция. Лондон сразу даст о себе знать, а мы не останемся в долгу со своим ответом». Далее Геббельс развивает бурную деятельность: «Я приказываю немедленно вырезать кадры с его (Гесса) изображением из еженедельного киножурнала». Затем он успокаивает гауляйтеров и рейхсляйтеров, которые совершенно растерялись, не зная какую версию тиражировать в местных средствах массовой информации, и потому бросились обрывать телефоны, дозваниваясь до Министерства пропаганды. 14 мая 1941 года, на следующий день после того, как до него дошла сенсационная новость, Геббельс провел в министерстве совещание. Его итогом было указание: «Пока — абсолютное молчание. Не слушать никаких слухов». 15 мая, — по–прежнему молчание. «Даю прессе и радио приказ энергично писать и сообщать о всяких других вещах и делать вид, будто ничего не произошло». Геббельс напрасно ждал реакции Лондона — там тоже решили молчать. Подобное не входило в расчеты министра пропаганды! Он полон злобы, обвиняет Лондон в некомпетентности: «Лондон хитро выжидает со своим официальным сообщением и дает полный простор для лживых измышлений. Будь я английским министром пропаганды, я бы извлек из этого гораздо больше».

Молчание затянулось. Больше всего Геббельс боялся, как бы в Лондоне не додумались до «самой собой напрашивающейся махинации»: делать заявления от имени Гесса. Его страхи оказались небеспочвенными. 15 мая в дневнике Геббельса появятся полные паники строки: «Теперь я уже несколько отстраненно читаю ужасные сообщения из Лондона. Эту чудовищную смесь лжи, скандалов и правды. Беднягу Гесса используют там таким образом, что это не поддается описанию. Его детская наивность наносит нам такой ущерб, который даже трудно себе представить. Постепенно англичане наконец догадались, что от его имени можно фабриковать самую невероятную ложь. Он, конечно, мог бы заранее об этом подумать, но теперь он совершенно беззащитен. Большую часть всего этого он никогда не узнает. Настоящая трагедия. Я постоянно работаю над опровержениями, но если это будет продолжаться, то мы будем вынуждены заговорить». 16 мая Черчилль сообщает в палате общин об инциденте с Гессом. Его называют убийцей и умалишенным. Тоже, конечно, не сахар, но больше всего Геббельс страшился, что заявления якобы от имени Гесса «поставят на поток»: «Это была бы для нас единственная, но страшная опасность. Я дрожу от страха, что это может случиться. Но, кажется, ангел–хранитель снова оберегает нас. Мы имеем дело с отпетыми дилетантами… Слухи начинают затихать. Повсюду царит состояние отрезвления. Я запретил транслировать сообщения, предназначенные для распространения в стране, а для зарубежья сообщаем одни лишь факты. Эта тактика оказалась правильной». 17 мая министр пропаганды понимает, что гроза, кажется, пронеслась: «Вчера: инцидент с Гессом затихает. У Лондона и Вашингтона другие заботы. Что сделал бы я из этой истории! Но руководящий слой Англии, право, созрел для своего свержения». 19 мая Геббельс уже прямо заявляет, что политика замалчивания дала свои плоды: «Мировое общественное мнение едино в том, что пропагандистскую кампанию вокруг Гесса выиграли мы. Я в этом никогда не сомневался, но что все пойдет так быстро, и не предполагал»[223].

Использование придуманной терминологии. Еще до начала войны Геббельс активно использовал этот метод, либо подменяя термины, либо создавая новые взамен существующих. Так, все недовольные режимом получали ярлык: Kritikaster. Данным придуманным термином обозначались всем недовольные люди, которые пальцем о палец не ударят для того, чтобы помочь своей стране. Слово оказалось настолько емким и выразительным, что вошло в обыденную речь того времени для обозначения личностей брюзгливых и при этом безынициативных.

Во время войны потребность в искусственной терминологии возросла. Стали

---

223 *Геббельс Й.* «Война — начало всех начал». Из дневников. Октябрь 1939–го — май 1941–го. Цит. по.: Сост. Г. Я. Рудой. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР. Смоленск, 2000. С. 270–273.

возникать ситуации, когда соответствующие явлениям названия не указывались напрямую, поскольку это было бы равносильно признанию поражения. В 1943 году, когда дела немецкой армии на Восточном фронте стали далеки от идеальных, для существовавшего положения был найден термин: «эластичный фронт». Он был широко растиражирован, поскольку не содержал в себе негативной информации в отличие от равнозначного «временного отступления».

Геббельс вообще старался очень аккуратно относиться к терминологии; видимо, сказывалось то, что когда‑то он занимался наукой. От своих подчиненных он требовал подобной же аккуратности или даже, можно сказать, осторожности. В немецких печатных изданиях времен Второй мировой войны, невозможно найти слова «солдат» для обозначения русского противника. Обозначения: «русские», «советские» и «иваны» попадаются достаточно часто, а вот слово «солдат» отсутствует. Дело в том, что в Третьем рейхе понятию «солдат» придавался едва ли не сакральный смысл. Солдат, — это тот, кто в первую очередь должен был являться носителем национал–социалистической идеологии. Соответственно, даже союзники относились ко второму сорту. В воспоминаниях бывшего офицера вермахта командира саперного батальона майора Гельмута Вельца можно найти полные горечи слова, характеризующие подобное положение вещей:

«Мы, немцы, — венец творения и господа всего сущего, мы одни — хорошие солдаты, мы — все и вся! А другие зачем существуют? Для спокойных участков фронта, для затычки брешей, как фарш для котлет. Для этого они сгодятся! Да, нам они как раз кстати. Вместо снарядов больших калибров подкинем‑ка пять–шесть рыцарских крестов их командирам, опубликуем в газетах фотографии с длинными комментариями — все это, конечно, для них весьма привлекательно»[224].

Несмотря на то что писавшим двигали возмущение и гнев, сказанное им объективно. То, что именно немецкий солдат — истинный солдат, внушалось постоянно. То, что союзники воюют хуже, — подразумевалось, но не афишировалось. И наконец, противник вообще не удостаивался подобного обозначения, поскольку не обладал необходимым набором качеств.

Использование музыкального сопровождения для усиления драматического эффекта. Здесь уместно будет вспомнить, что воздействие на человека усиливается многократно, если оно направлено на несколько органов чувств одновременно. Работая над каждым из выпусков «Вохеншау», Геббельс всегда старался, чтобы изображению соответствовало звуковое сопровождение, дополнявшее образ, возникающий на экране:

«Вечером новый выпуск "Вохеншау". Предстоит много работы по монтажу и музыкальному оформлению. Зато потом он обретет литые формы, станет настоящим шедевром кинохроники».

Кадры с марширующими немецкими солдатами, как правило, традиционно сопровождались бравурными маршами, придававшими военным действиям на экране цельность и даже некоторую праздничность.

Важные сообщения по радио тоже не обходились без подходящего озвучивания и сопровождались, например, звуками фанфар. Историк Курт Рисс пишет, как трепетно Геббельс относился к тому, как, где, с какими промежутками должны они звучать. С хронометром в руках он подсчитывал, сколько времени понадобится матери семейства, чтобы подойти к радиоприемнику с кухни. А сколько времени понадобится ей, чтобы собрать вокруг приемника детей и мужа? Сколько раз надо давать позывные: один раз, а может, два или три?

Так же лично Геббельс проверял и то, как будут звучать фанфары перед передачей, возвещающей начало войны с СССР. «Между тем я испытываю новые фанфары для

---

224 *Вельц Г.* Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 210.

радиопередач. Это очень подходит к обстановке… На этот раз фанфары будут возвещать об особой важности радиопередачи. Они прозвучат вступлением к речи Гитлера, который оповестит мир о начале новой войны»[225].

Геббельс знал, что делал. Можно, конечно, иронически отнестись к картине Пауля Падуа, написанной в 1939 году и изображавшей немецкое семейство, рассевшееся под радиоприемником, с тем чтобы, затаив дыхание, слушать речь Гитлера. Оставлены дела, дети забросили игрушки, а на все это взирает с портрета фюрер. Но ведь именно так и слушали!

А коль скоро радио — одно из самых популярных средств массовой информации, то важна любая мелочь.

Создание ощущения сопричастности и общности. На чувстве общности и противопоставлении себя другим, собственно, строилась вся идеология национал–социализма: «мы против них». Именно поэтому создание особого состояния единения являлось одним из излюбленных приемов в средствах массовой информации. Особенно актуальным стал данный способ во время ведения боевых действий. Бывало, что для усиления пропагандистского эффекта использовался попутно или в качестве самостоятельного еще один метод: *обратная связь.* Именно в этом случае достигался максимальный результат, поскольку идея единения находила соответствующее подтверждение. Одним из самых выразительных примеров в данном случае можно считать радио–мост, организованный на Рождество, 24 декабря 1942 года. В данном случае особо циничным выглядело то, что в этой акции участвовала и находящаяся в окружении под Сталинградом 6–я армия, командование которой 30 декабря будет поставлено в известность о том, что деблокирование не представляется возможным. Солдатам поступит приказ держаться до середины февраля своими силами, в надежде на то, что ситуация нормализуется. Солдатам продемонстрировали, что они — часть великой нации, после чего их бросили на произвол судьбы.

«Внимание всем! Еще раз под впечатлением тех часов, которые мы вместе пережили, наши товарищи, находящиеся на дальних рубежах, засвидетельствуют в этой передаче своими откликами наше единство…

— Внимание, я вызываю еще раз Сталинград!

— Здесь Сталинград! Здесь фронт на Волге!

— Еще раз фронт в Лапландии!

— Здесь Лапландский фронт, в финском зимнем лесу…

— Внимание, еще раз Кавказский фронт!

— Докладывает фронт на Кавказе!

— Внимание, экипажи подводных лодок в Атлантике!

— Здесь центр по координации подводных лодок в Атлантике…

А теперь мы вас просим, друзья, исполнить совместно красивую старую немецкую рождественскую песню "Тихая ночь, святая ночь". (Звучит песня).

Благодаря этому спонтанному желанию наших товарищей, находящихся далеко от нас, мы связали воедино все станции. Теперь наши воины поют у Ледовитого океана, в Финляндии, теперь они поют и под Ржевом, а теперь мы подключаем все остальные станции: Ленинград, Сталинград, а теперь к нам присоединяется и Франция… Вот присоединилась Африка. Теперь все поют вместе, все поют с нами вместе в эти минуты старинную немецкую рождественскую песню»[226].

Нарочито примитивное изложение. То, что пропаганда должна быть доступна,

---

[225] *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. С. 259.

[226] Das Dritte Reich. Deutsche Geschichte 1933–1945. Eine Documentation. Frankfurt/ M., 1990. S. 242.

постоянно подчеркивалось и Гитлером, и Геббельсом. Если в том была необходимость, то она могла стать не просто доступной, но откровенно примитивной. Именно интеллектуал Геббельс высказал мысль, что худший враг любой пропаганды — интеллектуализм. Потребность в примитивном изложении фактов появлялась, как правило, в том случае, когда надо было донести до аудитории достаточно ограниченный объем важной информации.

Так, например, после начала Второй мировой войны, Геббельс столкнулся с серьезной проблемой: немцы слушали не только составленные для них Министерством пропаганды радиопередачи, но и стали проявлять повышенный интерес к передачам английским. Репрессивные меры помогали, хотя и не слишком. Лишь за первый год войны 1500 немцев, уличенных в прослушивании враждебного радио, были отправлены в лагеря, тюрьмы и на исправительные работы.

Подобные меры были направлены против явных нарушителей. А сколько было тех, кто пребывал в сомнениях, боясь наказания и в то же время желая услышать английские новости, чтобы составить собственное мнение о том, что происходит на самом деле. Вот против таких сомневающихся и были направлены простенькие скетчи, цель которых заключалася в том, чтобы убедить обывателей, что наказание неотвратимо, что англичане лгут, а разовое прослушивание иностранных передач — тоже предательство. В диалогах двух персонажей — правильного Людвига Шмитца и простоватого Юппа Хассельса — мысль о противоправности и непатриотичности подобных действий доносилась в необыкновенно доходчивой форме[227]:

Ю.: Мне больше никто не говорит правду. Теперь я все узнаю из первых источников. Возможно, я могу разок… время от времени послушать иностранные передачи.

Л.: Как, ты хочешь послушать иностранные передачи?

Ю.: Ага, иностранные новости. К примеру, Лондон.

Л.: Лондон?!

Ю.: Да, Лондон! Ты не можешь подсказать, как я могу поймать радиостанцию?

Л.: Я не знаю как тебе поймать Лондон, но я твердо знаю, куда тебя посадят, если ты поймаешь Лондон.

Ю.: И куда же меня посадят?

Л.: В кутузку!

Ю.: Ха–ха, в кутузку!

Л.: Возможно, даже в тюрьму!

Ю.: Как, если этого даже никто не заметит?

Л.: Заметит или не заметит, это не играет никакой роли. Хороший немец так не поступает!

Ю.: Да, но надо же сориентироваться, когда все это закончится!

Л.: Конечно, в иностранных передачах говорят чистую правду, не так ли?

Ю.: Понятное дело!

Л.: Нда, понятно. Ты, тупица, неужели ты никогда не слышал о системе, которую используют наши враги при подаче новостей?

Ю.: Да, но…

Л.: Видно никогда, потому как в противном случае ты бы знал, что все у них нацелено на то, чтобы ослабить нашу обороноспособность!

Ю.: О, Боже мой, я уже достаточно взрослый, чтобы отличить, когда говорят правду, а когда нет. Пойду‑ка я, пожалуй.

Голос радиокомментатора: «…за прослушивание вражеских передач был приговорен к двум с половиной годам тюремного заключения».

Л.: Смотри‑ка, что я говорил! Ха–ха!

---

[227] Время записи передачи — ориентировочно 1940 год.

Правило Сократа. Следующий метод, как понятно из названия, был известен с глубокой древности. Издавна люди знали, что «он работает», и только сейчас смогли объяснить причину этого. Само правило гласит, что с целью получения положительного решения в важном для вас вопросе следует поставить главный вопрос на третье место, предпослав ему два других, на которые собеседник ответит вам «да». Только современные исследования показали, в чем же секрет действенности правила Сократа. Психологи–практики утверждают, что дело тут в особенностях нашей гормональной системы. «Когда мы говорим "да", это означает наше согласие, а вместе с ним — осознание того, что в ближайшее время противостояния с собеседником не предполагается. Наш организм, ориентированный на экономное расходование сил, сразу расслабляется, что осуществляется посредством выделения в кровь эндорфинов (гормонов удовольствия) — »[228]. Геббельс ничего не знал об эндорфинах, но интуитивно чувствовал, что толпа, несколько раз подряд сказавшая: «да», уже не способна сказать: «нет». В качестве примера наиболее уместно будет вспомнить принцип, по которому строилась знаменитая речь Геббельса, произнесенная в Шпортпаласте 14 февраля 1943 года и ознаменовавшая собой начало тотальной войны:

«Итак, вы, мои слушатели, представляете здесь в данный момент всю нацию. Поэтому я хотел бы задать вам десять вопросов, на которые я прошу вас ответить от лица германского народа и перед лицом всего мира, учитывая и то, что наши враги слушают нас сейчас по радио.

Первое: англичане утверждают, что германский народ утратил веру в победу. Я спрашиваю вас: верите ли вы вместе с фюрером и нами в полную и окончательную победу германского народа? Готовы ли вы следовать за фюрером через все испытания в борьбе за победу и выносить даже самые тяжелые личные тяготы?

— Да!

Второе: англичане утверждают, что германский народ устал от борьбы.

Я спрашиваю: готовы ли вы под руководством фюрера составить крепкий тыл и поддержать вооруженные силы для продолжения борьбы, с полной решимостью и невзирая на все превратности судьбы, до тех пор, пока победа окажется в наших руках?

— Да–да!

Третье: англичане говорят, что германский народ не желает больше нести растущее бремя военных работ, требуемых от него правительством.

Я спрашиваю: готовы ли вы, как и все немцы, работать по приказу фюрера десять, двенадцать, а если необходимо — то четырнадцать и шестнадцать часов в день и отдать все, что у вас есть, ради нашей победы»?[229]

Дальше можно не продолжать, оставшиеся семь вопросов построены по такому же принципу. Толпа в Шпортпаласте, состоявшая из «верных», скандировала «да» в ответ на каждое обращение: «Да, фюрер, мы следуем за тобой». Тем, кто слышал радиотрансляцию, тоже нелегко было сохранить трезвость мысли, поскольку «да», выкрикиваемое в едином порыве, воистину звучало как голос нации.

Создание истерии. Геббельс сам был потрясен тем эффектом, который вызвало его выступление в Шпортпаласте. Казалось, прикажи он этим людям совершить нечто немыслимое — и они откликнутся на его призыв, не усомнившись ни на минуту. Подобный успех надо было развить, выжать из него все, что можно в пропагандистском плане. Газеты еще долго изощрялись в придумывании заголовков, чтобы полнее отразить готовность нации

---

[228] *Шейное В. П.* Скрытое управление человеком. М., 2000. С. 308.

[229] Цит. по: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Й. Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. С. 312–313.

к величайшим жертвам во имя победы: «Скорее мы попросим большего для закрепления победы, чем меньшего», «Да–да–да!», «Доктор Геббельс подал сигнал — нация последует!», «Десять вопросов — народный опрос. Представители всех слоев дали вчера свой решительный ответ!», «Доктор Геббельс в берлинском Шпортпаласте — нация, поднимись! Тотальная война — заповедь времени!», «Доктор Геббельс показал, в какое серьезное время мы живем. Воля всей нации — победа!», «Наши сердца дрогнули!». Массовая демонстрация фанатической воли к победе в Шпортпаласте!», «Тотальная война — тотальная победа. Фанатичное согласие с десятью вопросами доктора Геббельса!» [230]. Объясняя, что происходило с людьми во время прослушивания речей Геббельса, уместно будет вновь обратиться к трудам такого признанного авторитета в области социальной психологии, как Гюстав Лебон. В частности, он писал о мощнейшем факторе, превращающем поведение толпы в нечто полностью иррациональное. Речь идет о «заразе»: «В толпе идеи, чувства, эмоции, верования — все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы. Это явление вполне естественное, и его можно наблюдать даже у животных, когда они находятся в стаде. Паника, например, или какое-нибудь беспорядочное движение нескольких баранов быстро распространяется на целое стадо. В толпе все эмоции точно так же быстро становятся заразительными… Умственные расстройства, например безумие, также обладают заразительностью»[231]. Можно сказать, что выступление в Шпортпаласте спровоцировало подобную бурную реакцию из-за того, что люди «подзаряжались» друг от друга. Фактор скученности, безусловно, благоприятен для пропагандиста, однако для распространения заразы вовсе не обязательно собирать толпы в одном зале, достаточно лишь сориентировать, пускай на расстоянии, мысль в нужном направлении.

«Держи вора». Этот метод был основан на отвлечении внимания общественности от каких-то нелицеприятных дел указанием на то, что другие грешны так же, если не больше. Несмотря на то что солидная часть опрошенных после войны немцев утверждала, что они не подозревали ни об убийстве евреев, ни об уничтожении психически больных, очевидно, что они лукавили. Безусловно, люди знали или подозревали о многом. Значительная часть из них, не полностью пропитанная националистической пропагандой, вполне могла негласно не одобрять подобных методов.

Поэтому так кстати пришлась страшная находка в Катыни. 13 апреля 1943 года берлинское радио сообщило о судьбе десяти тысяч расстрелянных большевиками польских офицеров. Казалось, в этот раз мир должен был по–настоящему содрогнуться. Были установлены личности многих погибших. Благодаря уликам выяснили, что поляков расстреляли в 1940 году, а немцы оказались в этом районе лишь в 1941–м. Был проведен химический анализ найденных останков. Геббельс лично проследил, чтобы на место были направлены многочисленные наблюдатели, в том числе и из нейтральных стран. Однако ожидаемого эффекта не получилось. Благодаря пропагандистской работе, проводимой Геббельсом с 1941 года, ничего другого немецкое население от Сталина не ожидало.

Воздействие на взрослую аудиторию через детскую. Идеологическое воздействие на детей в Германии было ничуть не меньшим, чем на взрослых. Буквально с первых лет жизни маленькие немцы сталкивались с «правильными» игрушками. Свастики украшали кукольные сервизы и обои игрушечных домиков, появлялись в задачниках для самых маленьких и на иллюстрациях в букварях. Не было обойдено вниманием и такое любимое всеми детьми мира явление, как мультипликация. Однако адресное воздействие в данном случае вовсе не

---

230 Цит. по: *Герцштейн Р. Э.* Война, которую выиграл Гитлер. С. 107.

231 *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб, 1995. С. 241.

настолько очевидное, как может показаться. То, что раньше не принято было снимать мультфильмы для взрослых, вовсе не означало, что взрослые не смотрели их. Просто они это делали со своими детьми. Соответственно, вполне объяснимой становилась логика тех, кто насыщал простенькие детские мультипликационные фильмы совсем недетскими деталями.

Так, после нападения Германии на Польшу студия «Бавария» на волне патриотических настроений выпустила мультфильм «Нарушитель мира» режиссера Ханса Хеда, отличавшийся необыкновенным сходством с «Вохеншау» — и детям посмотреть интересно, и взрослым повторить не вредно. В мирный лес, где проживают ежи да зайцы, вдруг проникает лиса. Лисе необходимо дать отпор. Кто же это сделает? Может, длинноногий заяц? Но заяц, который поначалу был готов идти в бой и даже вооружился доской от забора, оказался плохим бойцом. Он убегает от лисы и получает трепку от своей зайчихи. То ли дело подразделение ежей, всегда готовое к военным действиям! С воздуха ежей прикрывают пчелы. Они летят, показывая фигуры высшего пилотажа, хитрым образом превращают собственные жала в пулеметы, при этом общаются друг с другом исключительно посредством узнаваемой жестикуляции летчиков люфтваффе. Скоординировав свои действия, они заходят для бомбометания. Где‑то внизу съежилась полностью деморализованная лиса. Заяц раскаивается, звери ликуют. Вот такой детский мультик!

Создание мифов. Выше уже говорилось о том, какое огромное значение отводил Геббельс мифологизации отдельных людей, событий и явлений. К сожалению, он оказался полностью прав в своей убежденности: мифы намного более живучи, чем реальная история, иначе у национал–социализма не было бы сторонников сегодня.

В последние месяцы войны мифотворчество, казалось, обрело второе дыхание. Вот как описывает создатель мифов с противоположной стороны Илья Эренбург свою встречу с одним из порождений Геббельса после войны: «Я прочитал листовку, в которой почему‑то упоминались традиции "вервольфов"; я спросил капитана, занятого пропагандой среди войск противника и, следовательно, хорошо знавшего немецкий язык, что такое "вервольф"; он ответил: "Фамилия генерала; кажется, он сражался в Ливии…" Я решил проверить, заглянул в толковый словарь и прочитал: "В древних германских сагах вервольф обладает сверхъестественной силой, он облачен в волчью шкуру, живет в дубовых лесах и нападает на людей, уничтожая все живое". В Растенбурге я нашел школьную тетрадку, какой‑то мальчик написал: "Клянусь быть вервольфом и убивать русских!"»[232]

Что же это были за «вервольфы», неизвестные русскому офицеру, но зато отлично известные любому жителю Германии, кто хоть изредка слушал радио? В данном случае имелись в виду ополченческие подразделения, созданные в последние дни войны. Наивно было бы рассчитывать, что подростки и пожилые люди, прошедшие краткий курс боевой подготовки, способны оказать серьезное сопротивление наступающим войскам.

Геббельс был совсем не так глуп, чтобы ожидать каких‑то серьезных военных результатов. Помимо всего прочего, идея создания «Вервольфа» принадлежала руководителю Германского трудового фронта Роберту Лею, к которому министр пропаганды не испытывал ничего, кроме презрения. Однако идея Лея получила поддержку фюрера. Перед Геббельсом была поставлена задача распропагандировать движение, которого еще не было и в помине. Ну что ж, эта задача была не сложнее тех, что он решал раньше.

«Я сейчас занят делом, связанным с организацией радиостанции для нашей акции "Вервольф". Ею будет руководить Слезина, который приобрел на этом поприще немалый опыт еще во времена сражения в Саарской области. Прюцман[233], занимавшийся

---

[232] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. М., 2005. С. 456.

[233] Прюцман Ганс Адольф (31.08Л901 — 21.05Л945). Один из руководителей оккупационного режима в СССР, обергруппенфюрер СС, генерал полиции, генерал войск. Руководил карательными операциями на

подготовкой самой организации "Вервольф", сделал пока не очень много. Мне кажется, что дело у него движется слишком уж вяло. Он жалуется на то, что население в захваченных противником западных немецких областях все еще ведет себя пассивно и настроено против партии, однако это вовсе не причина, чтобы выполнять свою работу столь медленно. Сейчас здесь нужно быть очень энергичным. Я рассчитываю дать всему делу мощный импульс с помощью пропаганды, которую мы развернем, используя создаваемую нами новую радиостанцию "Вервольф"»[234].

Радиостанция, вещавшая якобы откуда‑то с оккупированных территорий, была создана достаточно оперативно. А дальше на немцев обрушились трогательные рассказы о посильных подвигах женщин и детей. Параллельно с радиопередачами на улицах стали обнаруживаться листовки угрожающего содержания:

«Мы покараем каждого изменника и его семью. Наша месть будет смертельной!»[235]

Обычно в основе мифа лежит какое‑то реальное событие, в данном случае все произошло с точностью до наоборот: миф стал основой реальности. Наслушавшись про подвиги несуществующей организации, немецкие подростки стали совершать действия, способные, по их мнению, переломить ход войны. Судя по воспоминаниям, они до последнего не теряли надежду, что их «детский крестовый поход» окажется более удачным, чем военные действия, ведущиеся регулярными войсками:

«Трудоемкая работа, заключавшаяся в копании траншей, была основной нашей деятельностью в период от четырнадцати до семнадцати лет. Это считалось уроком на выносливость, чтобы сделать из нас настоящих мужчин. Победа несомненно должна была быть за нами. Вера в непобедимость немецкого народа являлась неотъемлемой частью нашей жизни. Тот факт, что русские перешли границу на востоке нашей страны, нисколько не тревожил нас. Как и первые распространившиеся слухи о близком конце»[236].

Вера в чудо. Обращение к тайным знаниям, ко всему чудесному и необъяснимому как нельзя более устраивало Министерство пропаганды.

Этот метод действовал не на всех, но «радиус поражения» увеличивался, если призыв верить в чудо поддерживался крупным авторитетом.

Например, в 1940 году в геббельсовском министерстве решили использовать туманные предсказания Нострадамуса. По мысли Геббельса, средневековый провидец невольно должен был содействовать успеху начатой по приказу Геринга воздушной операции «Атака орла». В пропаганде, направленной в основном на население Англии, использовались следующие строки: «Альбион, когда гора извергнется с неба… придет твой последний час»[237]. «Извергающаяся гора» была объявлена иносказательным обозначением германских люфтваффе, и слух о предрешенном исходе операции обрел жизнь. Это не помешало англичанам успешно противостоять налетам и сорвать операцию люфтваффе, а Геббельсу оставалось утешаться мыслью, что уж на своем‑то поприще он сделал все, что

территории Украины. В конце войны руководил созданием организации «Вервольф». В конце войны был назначен главнокомандующим в Хорватии, но приступить к выполнению обязанностей уже не успел. В мае 1945 был арестован британскими войсками. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

[234] *Геббельс Й.* Последние записи. Смоленск, 1993. С. 364.

[235] Энциклопедия Третьего рейха. М. 1996. С. 110.

[236] *Хорст Герлах.* В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного. 1945–1946. М., 2006. С. 7.

[237] *Басистое Ю. В.* Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб, 1999. С. 89.

мог.

В самом конце войны, когда надеяться нацистским руководителям было, собственно, не на что, упование на чудо стало, пожалуй, одним из самых часто употребляемых пропагандистских приемов.

Так уж устроен человек, что каким бы рационалистическим складом ума он ни обладал, в критических ситуациях он зачастую предпочитает надеяться на лучшее даже в ущерб своему рационализму. Вот как описывают очевидцы проявления этой парадоксальной веры: «В последние дни нашего бегства и вообще войны мы наткнулись у околицы одного верхнебаварского села у реки Айхах на группу людей, рывших одиночные окопы. Рядом с землекопами собрались зрители — инвалиды этой войны в гражданском, однорукие и одноногие, и седые мужчины преклонного возраста. Шел оживленный разговор; ясно было, что это люди из фольксштурма, задача которых заключалась в стрельбе фауст–патронами по наступавшим боевым машинам. В эти дни, когда все рушилось, я не раз слышал высказывания, в которых звучала абсолютная уверенность в победе, напоминавшая веру в чудо».

Пробуждая иллюзорную надежду у населения Германии, Геббельс опирался на тот самый образ непогрешимого и всезнающего фюрера, который он создал еще в первые годы своей работы. Он надеялся, что население все еще помнит о том, что фюрер ошибаться не может. А раз так, то любое заявление от его имени будет раз за разом вызывать всплески энтузиазма:

«Фюрер сказал, что уже в этом году судьба переменится и удача снова будет сопутствовать нам… Подлинный гений всегда предчувствует и может предсказать грядущую перемену. Фюрер точно знает час, когда это произойдет. Судьба послала нам этого человека, чтобы мы в годину великих внешних и внутренних испытаний могли стать свидетелями чуда»[238].

13 апреля 1945 года, когда всякая объективная надежда на победу давно умерла, выяснилось, что скончался Рузвельт. Случившееся произвело сильнейшее впечатление на министра пропаганды, который вслед за своим фюрером каждый день погружался в область иррационального. Он связался с Гитлером по телефону, чтобы поделиться с ним своей радостью и своей верой:

«Мой фюрер, поздравляю вас, Рузвельт мертв! Судьба убрала с вашего пути величайшего врага! Бог нас не забыл! Чудо свершилось! Это похоже на смерть русской царицы во время Семилетней войны. Не зря предсказывали звезды, что во второй половине апреля нас ждет полная перемена событий! Сегодня пятница, 13 апреля, и этот день стал поворотным в истории!»[239]

Примеры того, как оказывалось психологическое воздействие на гражданское население Германии и на военных, можно было бы приводить бесконечно. В ход шло все: от игры на инстинктах до использования патриотических устремлений. Но об этом не рассказать и в двух книгах. Патриотизм, — это та кнопка, на которую Геббельс давил, не переставая. Старая циничная шутка о том, что государство называет себя родиной, когда ему что‑то от тебя надо, оказалась актуальной и для данного народа, и для данного периода человеческой истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

238 *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. С. 354.

239 *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Й. Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. С. 404.

Странное впечатление производят последние записи Й. Геббельса. В них — описание военного положения, сведения о кадровых перестановках. Все, кроме осознания бессмысленности всяких действий. Все дневники, которые он вел ежедневно, тратя по 10 минут, чтобы надиктовать стенографисту текст, были адресованы тем, кто будет читать их спустя время. Геббельс не мог допустить того, чтобы в них сквозила истерика. Его задачей было донести мысль о том, что он — человек долга, который до последнего выполнял свои обязанности.

Между тем все двигалось к своему логическому завершению. Многие вещи происходили в последний раз. 19 апреля Геббельс последний раз выступил по радио по случаю грядущего дня рождения фюрера. 20 апреля, день пятидесятишестилетия Гитлера, был ознаменован тем, что последний раз собралось вместе руководство Третьего рейха. Помимо Гитлера и Геббельса в бункере присутствовали Гиммлер, Борман, Шпеер, Лей, Риббентроп и высшие чины вермахта. Несмотря на наигранно бодрое настроение, каждый из них думал лишь об одном: что делать лично ему в свете сложившейся обстановки. Гитлер не был исключением. Накануне своего дня рождения он высказывал мысли о том, что, по–видимому, переедет в Оберзальцберг, откуда постарается возглавить борьбу. Судя по всему, именно так и планировалось поступить. Но тут вмешался Геббельс, который начал свою последнюю пропагандистскую кампанию. У него уже не было технических средств воздействия на население Германии. Даже если бы и были, не до того сейчас было людям.

Последняя битва министра пропаганды шла уже не за умы измученных войной немцев, а за их потомков, которых на данный момент еще вообще не было на свете. Географически эта битва ограничивалась не пределами Германии, но пределами бункера. Главное было втолковать Гитлеру важность «моральной всемирной победы»[240], которая непременно последует, если фюрер найдет в себе силы возглавить сражение за Берлин и умереть как герой на его развалинах. Гитлер поддался уговорам. Битва за умы потомков началась. 28 апреля Гитлер пригласил к себе всех обитателей бункера и заявил им о своем решении уйти из жизни. В ночь с 28 на 29 апреля он сочетался браком с Евой Браун, затем покинул присутствующих, с тем чтобы продиктовать свое политическое и частное завещание. Оба завещания Геббельс подписал как свидетель. Согласно этому документу рейхспрезидентом должен был стать адмирал Карл Денниц, Геббельс назначался рейхсканцлером, а Борман должен был возглавить партию. 30 апреля после 15 часов Гитлер и Ева Браун покончили жизнь самоубийством. Борман отправил Деницу телеграмму, в которой говорилось, что тот стал преемником Гитлера, в ответ Денниц сообщил о своем согласии и передал свои заверения в преданности фюреру[241].

В качестве единственного своего деяния на новом посту Геббельс провел ночью 30 апреля вместе с Борманом совещание, результатом которого стало решение о проведении с русскими переговоров о перемирии. В середине дня пришел ответ от Жукова с требованием безоговорочной капитуляции всех обитателей бункера. Вечером 1 мая, отравив предварительно своих детей, Йозеф и Магда Геббельс покончили жизнь самоубийством.

Одним из последних документов, подписанных Геббельсом, было дополнение к завещанию А. Гитлера. Вот оно:

«Фюрер приказал мне в случае крушения обороны имперской столицы покинуть Берлин и войти в назначенное им правительство в качестве ведущего его члена.

Впервые в жизни я категорически отказываюсь выполнить приказ фюрера. Моя жена и мои дети тоже отказываются выполнить его. Иначе — не говоря уже о том, что мы никогда не могли бы заставить себя покинуть фюрера в самую тяжелую для него минуту просто по

---

240 Фест Й. «Адольф Гитлер». Пермь, 1993. Т. 3. С. 365.

241 Сперва ему не сообщили о смерти Гитлера.

человеческим мотивам и из личной преданности, — я в течение всей своей дальнейшей жизни чувствовал бы себя бесчестным изменником и подлым негодяем, потерявшим вместе с уважением к себе уважение своего народа, которое должно было бы стать предпосылкой моего личного служения делу устройства будущего германской нации и германского рейха.

В лихорадочной обстановке предательства, окружающей фюрера в эти критические дни, должно быть хотя бы несколько человек, которые остались безусловно верными ему до смерти, несмотря на то что это противоречит официальному, даже столь разумно обоснованному приказу, изложенному им в своем политическом завещании.

Я полагаю, что этим окажу наилучшую услугу немецкому народу и его будущему, ибо для тяжелых грядущих времен примеры еще важнее, чем люди. Люди, которые укажут нации путь к свободе, всегда найдутся. Но устройство нашей новой народно–национальной жизни было бы невозможно, если бы оно не развивалось на основе ясных, каждому понятных образцов. По этой причине я вместе с моей женой и от имени своих детей, которые слишком юны, чтобы высказываться самим, но, достигнув достаточно зрелого для этого возраста, безоговорочно присоединились бы к этому решению, заявляю о моем непоколебимом решении не покидать имперскую столицу даже в случае ее падения и лучше кончить подле фюрера жизнь, которая для меня лично не имеет больше никакой ценности, если я не смогу употребить ее, служа фюреру и оставаясь подле него. Написано в Берлине 29 апреля 1945 года в 5 часов 30 минут»[242].

Он ушел, как он сам считал, с высоко поднятой головой. Выглядел ли его уход достойно? Да! Последние дни и часы он работал над тем, чтобы именно так оно и было. Все, кто находился в это время вместе с ним, свидетельствовали: он не предал своих идеалов, не оставил того, кому безоговорочно верил. Все так. Но ушел - то он не один. За ним шли его жена, его маленькие дети, из фанатизма умерщвленные ею, солдаты, убитые на фронте, подростки и старики из фольксштурма, погибшие в безнадежных боях за Берлин, все те, кто не дождался конца войны. А ведь каждый из людей, — это лишь одно из звеньев. Умирает человек — и умирают те, кто мог бы у него родиться; умирают повторно те, кого он помнил из своих предков. Обрывается не одна нить, а тысячи нитей. Не надо обольщаться — толпа мертвецов идет не только за Геббельсом, но и за каждым идеологом, который считает, что заповедь «не убий», можно обойти, если цели будут уж очень высокие. Только есть ли на земле НАСТОЛЬКО высокие цели?

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
ДУХ И БУКВА НАЦИОНАЛ–СОЦИАЛИЗМА [243]

Йозеф Геббельс, имперский министр народного просвещения и пропаганды Берлин, 1934 г.

Сущность национал–социализма невозможно объяснить в сжатые сроки, ведь речь идет о рассмотрении процесса и идеи, которые мощно и динамично врываются в общественную жизнь Германии, основательно меняя все обстоятельства и взаимоотношения людей. Отсюда следует, что национал–социализм сегодня представляет собой не нечто свершившееся, а лишь свершаемое; что он подвержен текущим изменениям и поэтому не может быть охарактеризован окончательно.

---

242 *Геббельс Й.* Последние записи. Смоленск, 1993. С. 409–410.

243 *Goebbels J.* Das eherne Herz. M., 1942. Перевод Е. Г. Кормилицыной.

Мы не хотим рассматривать национал–социализм в качестве всеобъемлющего явления. Наша задача — лишь разъяснить основные понятия данного учения, представить и обозначить те столпы, на которых покоится здание нашего мировоззрения, объясняя не только возможность, но и необходимость национал–социалистической реальности.

Национал–социализм, как каждое великое мировое учение, опирается на немногие основные понятия, заключающие в себе глубокий смысл.

Простое объяснение основных ошибок немецкой политики последних четырнадцати лет заключается в том, что мы, немцы, никогда не приходим к соглашению в вопросах, касающихся нашей судьбы, ни в качестве отдельных индивидов, ни будучи объединены в организацию или партию. Хотя и происходили дискуссии о понятиях, но исключалась возможность достичь единства в основных принципах нашей политической мысли, так как каждый считал себя вправе подразумевать под этими понятиями что‑то свое. То, что один понимал под «демократией», другой рассматривал как «монархию»; один говорил «черно–бело–красное», другой — «черно–красно–золотое». В том, что один обозначал как «авторитарное государство», другой видел «парламентскую систему». Пришла пора вновь включить народные массы в политическую жизнь. Чтобы находить в них понимание, мы разработали ориентированную на народ пропаганду. Таким образом, мы вынесли на улицу ситуацию, понимание которой было доступно лишь нескольким специалистам и экспертам.

Мы обсуждали эти понятия до хрипоты. Если бы кто‑то четырнадцать лет назад дал себе труд выяснить перед политическим противостоянием, что, собственно, каждый отдельный человек понимает под «демократией» или «монархией», под «системой» или «авторитарным государством», то стало бы очевидно, что мы, немцы, едины в основных принципах, просто по–разному их обозначаем.

Национал–социализм упростил мысли немецкого народа и привел их назад, к примитивным прототипам. Он свел сложные подходы политико–экономической жизни к самой простой формуле. Он естественным образом вложил ее объяснение в мозг маленькому человеку; при этом все было объяснено так просто, что стало доступно самому примитивному разуму Мы отказывались иметь дело с расплывчатыми, нечеткими и неясными понятиями, придавая всем вещам простой и ясный смысл.

В этом заключалась тайна наших успехов.

Гражданские партии ощущали себя не способными понять наш «культ примитивности». Они судили о нас с аристократической надменностью, придя к ошибочному мнению, что они являются государственными мужами, а мы — болтунами. В лучшем случае они рассматривали нас в качестве агитаторов и выразителей идей толпы. Но мы поставили перед собой другие задачи: захватить колеблющиеся троны, чтобы после передать их достойнейшим.

Мы обладаем способностью ясно видеть и представлять основные принципы ситуации в Германии и в немецкой общественной жизни. Мы также обладаем силой побуждать широкие массы нашего народа к борьбе за эти, по–новому увиденные принципы и основы политической жизни. Такой агитационный подход не остался без последствий и в плане мировой политики.

Я вижу в этом успехе предпосылку к политическому взаимному согласию немцев друг с другом и всего нашего народа с демократическими, фашистскими или большевистскими государствами. Если мы не обратимся во всем к единому толкованию понятий, то объединение будет исключено. Первая необходимость каждой политической классификации основывается на разграничении понятий и разъяснении принципов. Важно, чтобы имелась возможность простого перехода от теоретической дефиниции к политической практике.

Кто однажды четко уяснит основные понятия, тот с удивлением увидит, что политическая практика проистекает из них органически, естественно и логично. Ему станет очевидно, куда должно быть направлено политическое развитие. Станет очевидным и то, что процесс, начатый с того момента, когда разразилась национал–социалистическая революция

в Германии, не может рассматриваться как завершенный, но будет иметь свое продолжение; что он вообще сможет завершиться лишь тогда, когда национал–социалистический образ мыслей обновит и заполнит содержанием всю общественную и частную жизнь Германии.

Так это называется сегодня в Германии: «Мы сделали революцию». Однако немногие люди знают, что эта революция означает, что она представляет собой в динамике и в плане исторического развития. Имеются даже отдельные товарищи, которые вообще не хотят признавать, что в Германии произошла революция.

Что такое революция? Перед тем как произошел национал–социалистический переворот, с этим понятием связывали признаки, которые, собственно, лишь приблизительно относились к первоначальному значению слова. Под революцией понимался политический подход, когда все решается на баррикадах и направлено против существующих законов. Известно лишь очевидное — это процесс насильственного свержения господствующей прослойки и передача власти насильственно пробившейся новой группе. Но скрытый смысл того, что есть революция, несколько иной. К нему не обязательно относится понятие «баррикада», оно вообще ни в коем случае не должно быть признаком настоящей революции. Революция может совершаться бескровно и без нарушений закона; равно как возможно, что правящая группа пойдет на баррикады, не провозглашая революции. Революция заключает в себе динамичный процесс, развивающийся по собственным законам и направленный на то, чтобы перенести свою, когда‑то оппозиционную динамику на государственный уровень законности. Абсолютно не важно, какими средствами все осуществляется. При этом степень легальности не играет никакой роли. Немецкая революция является тому классическим примером, так как она проводилась легальным путем при непременном соблюдении существующих законов и все же принесла с собой самый большой духовный, культурный, экономический и социальный переворот, какой только был когда‑нибудь в мировой истории. А причина лежит в особенности именно немецкой революции, которая была совершена снизу, а не сверху.

Бывают революции, совершаемые сверху и снизу, они гораздо меньше отличаются тем, какую сферу жизни они захватили, нежели своими методами и долговечностью результатов. Революция, совершаемая сверху, является противоестественной и имеет по большей части ограниченное историческое значение. Революция, совершаемая снизу, напротив, естественна и живет столетия. Очень тяжело, если вообще возможно, спустить народу сверху новый закон без предварительной духовной подготовки. Именно поэтому спущенные сверху революции имеют столь короткий срок жизни.

При революциях, проводимых снизу, наоборот, их законы не открываются ограниченной группой людей, сидящих за письменными столами, и не проводятся насильственным образом, а живут в народе, давая всходы.

Если народ не готов к революции, то революционная группа, захватив власть и имея перед глазами четкую цель, недолго сможет этой властью распоряжаться. Проводимые сверху революции, как правило, очень быстро выходят в тираж. Собирается горстка генералов или государственных деятелей, приводит режим к падению и перенимает власть.

Революции, совершаемые снизу, напротив, прорастают из глубин; они развиваются из самых крошечных народных групп; из десятка революционеров делается сто, из тысячи — сто тысяч, и вот уже в мгновение происходит духовная победа революции, поскольку динамичная энергия оппозиционно настроенных революционеров сильнее, чем постепенно ветшающий государственный аппарат. С захватом власти и слиянием с государственным аппаратом совершилось то, что мы в Германии наблюдали с 30 января 1933 года. Это не революция сама по себе, скорее последняя часть многопланового явления. Очевидно, что законы, образ мыслей и динамика революции, выросшие за десятилетия из мощнейших корней народной мощи, будут перенесены на государственный уровень.

В Германии мы пережили чудо: без кровопролития, без баррикад и пулеметов свершалась революция в пределах нашего шестидесятимиллионного народа; революция, чья динамика никогда не прекращалась, которая заполнила все стороны жизни и чьи законы

утвердились повсюду. В течение прошедших месяцев мы показали, с какой скоростью она должна совершаться. Результатом явилось новое государство!

В действительности свершилось не что иное, как перенесение революционной законности в масштабы государства. Авторитеты национал–социализма стали выступать в качестве авторитетов государственных; революционные законы стали государственными, а национал–социалистический образ мыслей — национальным. В Германии не имеется ничего, что могло бы помешать законному развитию данного исторического процесса.

Революция никогда не свершилась бы, если бы она поддерживалась только группой людей с узурпаторскими намерениями, чей захват власти осуществлялся бы без внутренней идеи. Национал–социалистическая революция способствовала прорыву в мировоззрении!

Мировоззрение, и это его существенная черта, не зависит от образовательного уровня. Бедный, неизвестный рабочий с незначительным образовательным запасом может иметь мировоззрение на уровне ученого университетского профессора, который свободно разбирается во всех областях знаний. Опыт показывает даже, что чем выше уровень образованности, тем зачастую меньше мужества остается для мировоззрения. Мировоззрение, как явствует из самого слова, — это особый способ смотреть на мир. Данный способ восприятия подразумевает единый угол зрения. Когда носитель мировоззрения рассматривает экономику в том же масштабе, что и политику, то культурная жизнь будет рассматриваться в органической связи с социальной, а внешняя политика — с внутриполитическим положением. Мировоззрение означает, что человек рассматривает государство, экономику, культуру и религию под одним углом. Этот подход не нуждается в большой программе, а может быть выражен в коротком предложении. Разумеется, это зависит от того, правильным или ошибочным окажется данное предложение. Если оно будет правильным, то сможет несколько столетий или тысячелетий служить народу; если неправильным, то система, выстроенная на его основе, развалится очень быстро. Исходя из данных соображений, все великие исторические революции произошли сами по себе. Никогда у истоков революции не стояла книга или разбитая на параграфы программа, всегда лишь единственный лозунг, отражавший в себе всю общественную и частную жизнь.

Большой объем христианских обрядов и религиозных правил был установлен не их Творцом. Христос лишь сформулировал основное понятие любви к ближнему, все прочее является творением отцов церкви. Любовь к ближнему была настолько диаметрально противоположна понятиям античного мира, что между этими полюсами не могло быть никакого согласия: либо античный мир должен был устранить христианское учение, либо христианство — ограничить античность.

У революционеров нет намерения оставаться в рамках одной теории, они продвигаются от теории к практике и видят развитие так ясно, что делаются излишними дискуссии о реализации их лозунгов. Идеи национал–социалистической революции будут осуществлены, так же как и идеи христианского учения и французская революция.

Раньше над нами издевались, что де «программа национал–социализма означает отсутствие программы». Мы, национал–социалисты, не чувствовали себя отцами церкви, скорее агитаторами и поборниками нашего учения. У нас не было намерения по–научному обосновывать наше мировоззрение, мы хотели лишь осуществить учение, предоставив более поздним временам возможность оценить нашу практику в качестве объекта познания. Ни один ученый не спланирует народный образ жизни, не вставая из‑ за стола. Конституции, которые делаются на бумаге, никогда не дадут народу законность. Природа уходит от науки прочь и формирует собственные правила. Так это произошло и во время национал–социалистической революции!

Незадолго до нашего прихода к власти наука пыталась доказывать, что тот или иной революционный процесс не соответствует существующим законам. Она, не смущаясь, передавала политико–государственные споры в ведение высших судебных инстанций. Мы тогда только улыбались, поскольку в то время, когда наука утверждала, что такого не может быть, все уже давно было осуществлено.

Наука обладает лишь правом выбирать из существующих компонентов новую законность, и потому положение, возникшее благодаря переносу нашей национал–социалистической революционной законности в масштабы государства, само по себе является законом.

Этот закон представляет собой новое, нормальное состояние народа и не подвержен научной критике. Революция стала действительностью, и только безрассудные реакционные люди способны верить в то, что построенное нами возможно когда‑нибудь повернуть вспять.

Теперь национал–социализм находится на этапе, когда он медленно стабилизирует новое состояние закона в Германии, сформированное революцией. Оно принципиально отличается от старой законности и не может быть подвергнуто критике, которая могла бы быть применена в условиях старой системы. Если демократия использовала во времена нашей оппозиционности демократические методы, то это было логично в условиях демократической системы. Однако мы, национал–социалисты, никогда не утверждали, что мы являемся приверженцами точки зрения демократов. Мы открыто утверждали, что средства демократии мы использовали с целью получить власть, что после ее захвата мы будем решительно противодействовать нашим противникам всеми средствами, на которые нам было дано согласие еще во времена нашей оппозиционности. И все же мы можем утверждать, что наше правительство соответствует законам облагороженной демократии.

Мы стали самостоятельны в своих критических проявлениях и сегодня можем поставить себя на правовые позиции. Но с одной оговоркой: мы даем право на критику только в том случае, если это осмысленная критика, а не демократический вздор. Эта критика должна служить народной пользе, которая выше всех политических дел. Критиковать разрешается лишь более умным более глупых и никогда наоборот. Итак, осталось лишь доказать, что мы, национал–социалисты, являемся более умными.

Наши противники обладали властью, армией, полицией, чиновничьим аппаратом, деньгами, партиями и парламентским большинством. Они владели общественным мнением, прессой, радио — одним словом, всем, что можно обозначить общим понятием «власть». Если маленькой группе в количестве семи человек удалось за четырнадцать лет оспорить это право у власти, имея в наличии лишь право критики противоположной стороны, то становится понятным, кто оказался умнее. Если бы умнее была противоположная сторона, то при подобном неравном распределении средств для достижения успеха она бы нашла пути и возможности, чтобы воспрепятствовать нашей победе. Этого не произошло, наоборот, хотя власти удалось на определенное время задержать продвижение революции, новая законность восторжествовала.

Очевидно, она появилась в те дни, когда свершилась немецкая революция, 30 января 1933 года, и национал–социалистическое движение объединилось с властью. Однако фактически она началась гораздо раньше, вероятно уже с начала войны и с утверждения версальского диктата. Она творилась годами, завоевывала приверженцев, формировала общественную жизнь сторонников, создавала новые авторитеты, новые формы существования, новые взгляды и новый стиль, который после захвата власти был перенесен на новое государство.

1 августа 1914 года является исторической точкой пересечения, поскольку уже тогда каждому исторически мыслящему человеку было понятно: там, где мы сегодня отступим, мы не сможем начать вновь после масштабной войны. Девять миллионов немецких людей перенесли самые страшные физические и нравственные муки; они прошли ад и чистилище человеческого горя, человеческой боли, лишений и депрессии. Для них не представлялось возможным начинать с того, на чем они остановились четырьмя годами раньше. Нет — эти люди выносили из окопов новый образ мышления. В ужасных лишениях и опасностях они узнали новый вид общности, который им никогда не довелось бы испытать в счастье. Они поняли, что перед смертью все равны, и пережили то, что в конечном итоге важными оказываются лишь свойства характера. Они не зависят от обеспеченности, образованности

или благородного имени, пуля не видит разницы в вечном стремлении сравнять своим полетом высокое и низкое, бедное и богатое, большое и малое. Между людьми остается одно–единственное различие: то, чего каждый из них стоит как личность. Форменная одежда никогда не могла сгладить разницы между смелым и трусом, между тем, кто проявлял себя как мужчина, проводя жизнь в окопах, и тем, кто пытался спрятаться. Само собой разумеется, что подобная оценка получила распространение и на родине и что старые «государственные мужи», остававшиеся дома, не почувствовали этих новых тенденций, напротив, отвергали их. Однако это был лишь вопрос времени, по закону жизни более молодые, твердые, мужественные должны были победить тех, кто старше и трусливее.

Девять миллионов немецких фронтовых солдат знали о беспомощности того политического режима, который они защищали ценой своих жизней, выполняя волю нации. Они пережили то, что весь мир поднялся против Германии, и узнали, что только напряжение всех сил могло бы отвести угрозу. Очевидно, что самый бедный представитель народа, имевший отношение к собственной нации, все же зачастую никогда не ощущал свою к ней принадлежность. Он не ведал ничего о культурных достижениях своей страны. Имена Вагнера, Бетховена, Моцарта, Гете, Канта и Шопенгауэра он в лучшем случае знал понаслышке. Он считал себя вправе говорить: «Мне нет дела до шахт и рудников, которые мы собираемся захватывать, поскольку мне полностью безразлично, работаю ли я у немецкого или у французского хозяина». И все же нам довелось испытать то, что эти люди заступились за идеал, все величие которого они даже не могли осознать, когда начались суровые испытания, когда миллионы из слабости или неосведомленности изменяли этому идеалу. Но мы не были тогда народным государством, лишь оно пересиливает опасности. Единый народ никогда не станет оставлять свое собственное государство в тяжелый момент.

Противоположным образом происходило развитие национал–социалистического движения. Во время кризисов никогда не отделялись от движения члены партии, лишь сторонники и избиратели. Партийные товарищи, напротив, становились настойчивее и активнее, заполняя собой пробелы. Таким же образом все будет обстоять у народа, у которого появится осознание ценности обладания народным государством. Если бы люди, которые отдавали свои жизни, имели понятие о величии, ценности и достижениях народной страны, которую они защищали, они никогда не допустили бы, чтобы в решающий час эта страна играла на руку политическим аферистам и дельцам. Они противились бы этому с фанатичным усердием и никогда бы не потерпели того, что ужасные жертвы, принесенные на фронтах, оказались в один прекрасный день проиграны и истрачены.

Мы, немцы, ранее не были мировой нацией, не проводили мировой политики. В тот момент, когда разразилась война, во главе нации стоял человек, являвшийся настолько же плохим философом, насколько плохим государственным деятелем. Позднее его отказ от власти ничему не научил нас, напротив, государственные деятели стали старее, а не моложе, в то время как у наших противников имела место противоположная тенденция. Там у штурвала стояли настоящие мужчины, жестокие властные люди, не отягощенные никакой сентиментальностью и бесцеремонные в использовании государственных средств власти. Они не позволяли парламенту проработать и недели без того, чтобы не расстрелять того, кто возмущал спокойствие, имея силы наказать виновного. Мы, немцы, в военном отношении блестяще выигрывали войну, но в политическом — полностью проигрывали по всем фронтам. Мы не имели никакой военной цели и не проводили мировую политику. Пролетарий должен был жертвовать своей жизнью во имя неопределенных и расплывчатых целей. И произошло так, что наш фронт отступал, наш народ распадался и понятие народного государства не имело никакого значения перед реалиями исторического развития. После героически и мужественно проведенной войны разразилась ужасающая катастрофа. Твердые духом, лучшие немецкие патриоты разочаровались тогда, в те серые ноябрьские дни, в будущем нашего народа, многие из них тогда погибли. Сегодня мы смотрим на многие вещи иначе. Мы признаем органичность и целесообразность подобного развития и понимаем пророческие слова Меллера Ван ден Брука: «Мы должны были проиграть войну, чтобы

обрести революцию». Если мы будем придерживаться мнения, что война уже являлась частью революции, отразившейся хотя и не в реальных условиях, но внутри людей, то придем к выводу: мы должны были проиграть первую часть революции, с тем чтобы опомниться во втором, третьем, четвертом акте и в конце концов выиграть.

Противники изобрели после окончания войны мирный договор, который с хитрой изощренностью был направлен на то, чтобы уничтожить немецкую нацию, окончательно вычеркнуть ее из списка мировых держав. Об этом не догадывались партии Веймарской политической системы. Еще недавно гражданская пресса в Германии ужасалась слову «дань» и озвучивала мнение, что одно лишь упоминание Версальского позорного договора способно отравить взаимное доверие «наций, связанных дружбой». Благодаря многолетней работе мы, национал–социалисты, разъяснили нашему народу сложное положение дел, связанное с вражеской политикой порабощения. Сегодня в Германии каждый ребенок знает страшные последствия Версаля и нет ни одного немца, который не знал бы о последствиях грабительского договора. Но пятнадцать лет назад немецкий канцлер мог выступить перед нацией, заметив по поводу позорного договора: «Немецкий народ победил по всем направлениям!» Какая перемена произошла за эти пятнадцать боевых лет! Можно по праву сказать, что народы не всегда однородны — в них заложены стремления к хорошему и плохому, и всегда зависит от руководства, к добру или ко злу обратится нация!

Современный немецкий народ не может сравниваться с народом 1918 года, равно как не могут ставиться ни в какое сравнение массы 1918 года с нацией 1914–го. Здесь речь идет о принципиально различных менталитетах, о разных способах мышления, об иных внутренних связях.

Мы отразили методы захвата власти, обрисовав наши сущностные основы. Осталось объяснить еще некоторые основные понятия, которые должны дать нам окончательное понимание национал–социалистического способа мышления. Часто можно слышать, высказываемые общественностью слова: «Национал–социализм хочет тотальное государство!» Здесь кроется большая ошибка, так как национал–социализм стремится не к тотальному государству, а к тотальной идее. Это означает полное утверждение того мировоззрения, за которое происходила борьба в последнее десятилетие и которое мы привели к победе. Оно находит свое применение в общественной жизни нации, не останавливаясь перед проникновением в области экономики, культуры, религии. В Германии больше не найдется такой области, которая бы не соответствовала национал–социалистическим воззрениям.

Часто возникает мнение, что национал–социалистическое движение ведет к упадку, поскольку оно захватило власть и уничтожило все прочие партии. В качестве аргумента используется тот факт, что «все мы сегодня являемся национал–социалистами». Это не так, благо весь народ может мыслить по–военному и при этом не отказываться от армии в качестве гаранта Собственной безопасности. Она является носителем традиций, организации, опыта военной жизни. Только в исключительных случаях солдатом становится весь народ; как правило, это остается привилегией избранного меньшинства.

Другой пример: директор театра очень заинтересован в том, чтобы его театр посетили как можно больше людей. Однако это не значит, что каждый зритель выйдет на сцену, чтобы заменить собой артистов. Это право приобретается не усердным посещением театра, лишь тяжелым трудом можно добиться приобщения к немногочисленной иерархии деятелей искусства.

Каждый встречный не может примерять на себя плащ героя или, говоря о политике, цеплять на себя партийный значок и утверждать, что он настоящий национал–социалист. Если в тогу облачается дилетант, то он еще долго не будет великим трагиком. Напротив, великого трагика признают и без тоги. Дилетант же облекается в нее лишь потому, что у него отсутствует драматический талант. Таким образом, партия должна всегда оставаться иерархией национал–социалистического руководства. Всегда лишь малая ее часть должна претендовать на руководство государством. Она держит открытыми двери для немецкой

молодежи, которая желает войти в ее иерархию. Однако, исходя из этого, ее иерархия имеет меньше прав, чем обязанностей. Она ответственна за руководство государством, она торжественно принимает ответственность, переданную народом. У нее обязанность, вести государство к благам, к общей пользе нации.

Мы бы совершили чреватую последствиями ошибку, если бы поставили национал–социалистическое движение на тот же уровень, который раньше занимали гражданские и марксистские партии. С самых своих истоков национал–социализм имел целью уничтожить все другие партии и избавить людей от их иссушающего влияния. Поэтому сейчас нельзя менять существенные программные предпосылки национал–социалистического движения. Его взгляд на будущее остается неизменным, оформление собственных программных положений — однозначным, оно держит себя непоколебимо, а не предоставлено изменчивой и колеблющейся силе масс.

Многократно от нас, национал–социалистов, тайно требовали изменить ту или иную формулировку в программе. Говорили: «Почему вы называете себя социалистами? Вполне достаточно будет термина "социальный"! Наконец, мы все социальны! Придайте слову потерянную актуальность, и все придет в полное согласие». Нет, мы, национал–социалисты, так не можем, поскольку имеется существенная разница в том, провозгласим мы себя «социальными» или «срциалистическими», «национальными» или «националистическими». Рядом с понятием «национал» по большей части стоит словечко «также», и это является решающим. Здесь проходит граница между мирами. Для национал–социалиста совершенно не важно, как другие трактуют его «национальную» позицию. Для него не имеют значения формальности, однако он посвятил себя своему народу плотью и кровью, телом и душей. Никогда настоящий националист не станет произносить пустые фразы: «Это так отрадно и почетно — умереть за Отечество». Для этого он слишком честен, и это удерживает его от того, чтобы растрачивать в пустых фразах, направленных на обывательскую публику, свою готовность на самопожертвование.

То же самое относится и к понятию «социализм». «Я социален!» — так говорит большинство директоров банков, синдикатов, владельцев фабрик или высокопоставленных чиновников. Социалисты же хотели основать больницы и санатории, чтобы помочь бедным людям; они были согласны с тем, что так не может продолжаться и надо что‑то менять. В этом проявляется социалист. Он придерживается той позиции, что мы все должны стать одним народом, чтобы нация могла выдержать испытания.

Любая жертва во имя народного будущего оправдана. Я принадлежу к моему народу в хорошие и в плохие времена и вынесу с ним радость и горе. Я не знаю никаких классов, единственно только чувствую в себе обязательства по отношению к нации.

Национал–социализм не думает о разделении немецкого народа и признает каждое деяние, выделяющее человека из множества современников. По большому счету, мы все равны перед смертью, перед опасностью и перед испытаниями. Давайте же выразим эту мысль, признав друг друга и никогда не допуская, чтобы между нами пролегла пропасть, поскольку когда‑нибудь настанут опасные времена, когда наш народ будет опираться на свою внутреннюю солидарность.

Под этим же углом должен рассматриваться многократно обсуждаемый еврейский вопрос. В этом случае речь идет не об отдельных жертвах, а единственно только о благополучии нации.

Мы, национал–социалисты, находимся у власти лишь полтора года. Когда мы перенимали власть, мы условились с немецким народом о четырех годах переходного времени. Прошло более четверти этого времени, и никто не может утверждать, что оно прошло без пользы. Нас можно ехидно упрекнуть в том, что многое еще осталось незавершенным. Мы же можем с гордостью утверждать, что в нашем государстве для человека делается все возможное. Мы не пророчили чудес, и поэтому никто не мог их ожидать. Неуклонно и шаг за шагом мы пытались исправить ущерб, нанесенный современностью, и его последствия.

Мы, национал–социалисты, решили в Германии проблемы, которые считались нерешаемыми: проблему имперского реформирования, нового порядка выборов, многопартийности, создания народного единства в политическом и мировоззренческом смысле. Наше правительство развернуло успешную борьбу против безработицы, чего никогда не происходило при старой системе. С неслыханным мужеством оно атаковало нужду, вызванную зимним временем года. В будущем оно намерено истово продолжать борьбу со страшной болезнью нашего времени — безработицей.

В течение прошедшего года немецкий народ получил такое представление о том, что есть национал–социализм, лучше которого он не мог и желать. Тот, кто выступал против нас с враждой и скепсисом, сегодня убедился, что мы честно подошли к решению самых тяжелых проблем. Многое еще остается нерешенным! С энергией, присущей молодым, мы шагаем в будущее. Немецкий народ не имеет никаких причин для разочарования, невзирая на бедствия и нищету, поскольку сегодня он уже опирается на крепкую почву собственной мощи.

«Германия не погибнет до тех пор, пока у нас есть мужество быть сильнее, чем нужда, повергающая нас на землю».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
ЗАКОН О РЕДАКТОРАХ

4 октября 1933 г.[244]

Имперское правительство приняло следующий закон, излагаемый ниже.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Профессия редактора

§1

Данный закон регулирует права и обязанности перед государством тех, кто по основной своей профессии или являясь главным редактором по роду исполняемых обязанностей осуществляет содействие в формировании духовного содержания выходящих на территории рейха газет и политических журналов благодаря статьям, новостям или иллюстрациям. Носители этих общественных задач называются редакторами. Редактором не может называться тот, кто не подпадает под определение данного закона.

§2

1) Газеты и журналы — это печатные издания, которые выходят периодически, с интервалом самое большее три месяца.

2) К печатным изданиям относятся все печатные и изобразительные материалы, подлежащие копированию определенным образом с целью распространения.

§3

1) То, что в этом законе прописано для газет, является также верным и для политических журналов.

---

244 Schriftleitergesetz. Vom 4. Oktober 1933. RGB1. 1. Berlin. 1933. S. 713. Перевод Е. Г. Кормилицыной.

2) Закон не распространяется на печатные издания, выходящие для служебной надобности.

3) Имперский министр просвещения и пропаганды сам устанавливает, какие журналы считаются политическими в рамках этого закона. Если журнал относится к узкоспециальному профессиональному направлению, то решение относительно него принимается высшими имперскими или земельными ведомствами.

§4

Ответственность за духовное содержание газет лежит также на организации, которая снабжает газеты материалом, будь то информация, новости, изобразительный материал. Все вышесказанное верно в том случае, если издание осуществляется не собственно газетой, а этой организацией.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

Соответствие профессии главного редактора

§5

Главным редактором может быть тот, кто:

1) имеет германское гражданство;

2) имеет гражданские права и не лишен права занимать государственные должности;

3) имеет арийское происхождение и не связан браком с лицом неарийского происхождения;

4) достиг возраста 21 года;

5) дееспособный;

6) имеет профессиональное образование;

7) соответствует по своим личным качествам требованиям, предъявляемым к личности, оказывающей духовное воздействие на общественность.

§6

Необходимые сведения, касающиеся требований к арийскому происхождению и арийскому браку, находятся в §1а Имперского государственного закона и его приложениях.

§7

1) Имеющим профессиональное образование считается тот, кто, будучи редактором по образованию, в течение по меньшей мере года стажировался в качестве редактора в немецкой газете или организации, указанной в § 4, и может это документально подтвердить. Стажировка в иностранной газете может быть приравнена к стажировке в немецкой в случае получения дополнительного образования.

2) Предписания данного закона, кроме § 5 № 4, 5, 6, действительны также и для редакторов в период обучения.

§8

Вступление в должность редактора осуществляется путем внесения его данных в профессиональные списки. Профессиональные списки ведутся земельными объединениями немецкой прессы (§ 24, раздел 2). Вопрос о внесении в профессиональные списки рассматривается руководителем земельного объединения. Он должен обеспечить внесение в списки, если соблюдены условия, указанные в § 5. Внесение в список не осуществляется в том случае, если министр просвещения и пропаганды выразит свой протест.

§9

1) После запроса руководителя земельного объединения руководитель имперского объединения немецкой прессы с разрешения имперского министра просвещения и пропаганды может одобрить допущения по пунктам 1, 3, 6 § 5. Эти допущения могут распространяться на определенные направления деятельности редакторов. Эти исключения могут быть допущены министром просвещения и пропаганды в согласии с имперскими или земельными чиновниками.

2) Немцы по происхождению освобождаются от обязательного наличия германского гражданства, если не имеется по этому поводу специальных соображений.

§10

Если по решению руководителя земельного объединения занесения в список не состоялось, претендент на занесение в список должен быть уведомлен о причинах в письменном виде. В течение недели после отказа он может подать апелляцию в профессиональный суд. Апелляция не представляется возможной в случае, оговоренном в § 8.

§11

Руководитель земельного объединения отказывает в занесении в профессиональные списки в том случае, если не выполнены условия указанные в § 5 № 1, 2 или 5 или выяснится, что данные в № 1–6 указаны неверно или что редактор уволен со своей работы. В этом случае следует обратиться к §10, предложения 1 и 2.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

Занятие редакторской деятельностью

§12

С внесением в профессиональные списки редактор получает право заниматься своей профессиональной деятельностью в германских газетах или на предприятиях обозначенного в § 4 типа. При переезде на жительство в другой район он заносится в местные профессиональные списки без всякой проверки.

§13

Редакторы должны максимально точно доносить информацию.

§14

Редактору вменяется в обязанность удалять из газет:

1) все, что смешивает корыстные и общественно–полезные цели, вводя в заблуждение общественность;

2) все, что ослабляет силу Германской империи как извне, так и изнутри; все, что ослабляет общественную волю германского народа, германскую обороноспособность, культуру и экономику; все, что может оскорбить религиозные чувства;

3) все, что оскорбляет честь и достоинство немца;

4) все, что наносит ущерб чести и благосостоянию другого человека, вредит его репутации, выставляет его в смешном свете, содержит презрительные высказывания;

5) все, что безнравственно по другим причинам.

§15

Редактор обязан добросовестно выполнять свою работу и своим поведением вызывать уважение как на работе, так и вне ее.

§16

Издатель газеты может обязать редактора придерживаться каких‑то частных директив. Общественные права и обязанности редактора, описанные в §§ 13–15, не могут быть изменены данными директивами.

§17

Договор о приеме редактора на работу должен быть составлен в письменной форме.

§18

Издатель газеты должен в письменной форме сообщить представителям земельного объединения о назначении главного редактора.

§19

После заполнения договора и уведомления издателя главный редактор обязан предоставить план о разделении труда в редакции, из которого было бы понятно, какую часть работы выполняет каждый из редакторов и каким объемом полномочий он обладает по сравнению с другими редакторами.

§20

1) Редакторы газеты несут профессиональную, уголовную и гражданско–правовую ответственность за ее духовное содержание, поскольку они участвовали в издании газеты и направляли ее в печать. Уголовная и гражданско–правовая ответственность иных лиц не исключается.

2) Главный редактор несет ответственность за общую направленность текстовой части газеты.

3) Главный редактор обязан:

а) заботиться о том, чтобы в газету попадали лишь статьи, одобренные редакторами и предназначенные для печати;

б) заботиться о том, чтобы в каждом номере газеты были указаны имя и фамилия, а также адрес главного редактора и его представителя, равно как и редакторов, ответственных за отдельные разделы газеты;

с) в том случае, если это не ясно из пункта б), выдавать справку о том, какой редактор за какую статью несет ответственность, каждому, кто проявит законный интерес.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

Правовая защита профессии редактора

§22

Редакторы должны следить за тем, как выполняются обязанности и обеспечивается выполнение прав и поддержание благосостояния работников.

§23

По закону редакторы должны быть объединены в Имперское объединение германской прессы. К нему принадлежит каждый редактор с момента внесения в профессиональные списки. Исходя из этого закона Имперское объединение является юридическим лицом. Оно имеет представительство в Берлине.

§24

1) Главу имперского объединения назначает имперский министр просвещения и пропаганды. Глава обязан разработать Имперскому объединению устав, требующий одобрения министра, а также назначить членов совета.

2) Имперское объединение подразделяется на земельные объединения. Подробности

определяет устав. Редакторы, проживающие за рубежом, должны принадлежать к тому земельному объединению, в котором находится газета или иное предприятие, указанное в § 4.

§25

(1) Имперское объединение имеет следующие задачи:

1) обеспечивать условия для образования, повышения квалификации и благосостояния редакторов;

2) профессионально консультировать имперские и земельные инстанции;

3) содействовать редакторам в соблюдении условий при приеме на работу;

4) по просьбе одной из сторон быть посредником в спорах, сглаживая разногласия между сторонами;

5) учреждать профессиональные суды прессы.

(2) В качестве своих дальнейших задач имперское объединение может следить и за соблюдением того, что обозначено в § 22.

(3) Имперское объединение уполномочено для покрытия своих расходов производить сбор взносов среди своих членов. Указания, касающиеся данного вопроса, требуют одобрения имперского министра просвещения и пропаганды. Взносы будут взиматься в виде общественных сборов.

§26

Имперский министр народного просвещения и пропаганды контролирует, выполняет ли Имперское объединение поставленные перед ним задачи.

§27

Для защиты редакторской профессии организуются профессиональные суды прессы.

Первой инстанцией профессиональных судов, являются окружные суды прессы. Высшей инстанцией является судебный департамент прессы в Берлине.

§28

Профессиональные суды компетентны в том, что касается:

1. проведения переговоров и принятия решений по вопросам занесения в профессиональные списки в случае, указанном в § 10;

2. проведения переговоров и принятия решений по вопросу, связанному с допустимостью отказа, в случае, указанном в § 11;

3. принятия окончательного решения о правомерности прекращения исполнения обязанностей редактора в случае, указанном в § 30;

4. проведения переговоров и принятия решений по вопросам, связанным с профессиональными проступками редакторов (дисциплинарные процессы).

§29

Расторжение договора с редактором должно быть представлено в письменной форме и содержать перечисление причин.

§30

Издатель вправе уволить редактора лишь в том случае, если тот не выполняет общественный и профессиональный долг редактора или выступает против единых директив. Профессиональный суд на основе ходатайства редактора выносит решение о том, соответствовало ли его увольнение причинам, указанным в первом предложении, или нет. До готовности экспертного заключения возможный судебный процесс прерывается.

§ 31

(1) Редактор, пренебрегающий своими обязанностями, обозначенными в §§ 13–15, 19, 20, раздел 3, совершает профессиональный проступок, его дело рассматривается в судебном порядке. Профессиональный суд в этом случае может:

1) предупредить редактора;

2) наложить на него административный штраф вплоть до размера месячного оклада;

3) распорядиться об удалении его из профессионального списка.

(2) С момента удаления из списка редактор теряет право именоваться таковым и исполнять свои профессиональные обязанности.

Профессиональный суд может лишить редактора права исполнять свои обязанности до тех пор, пока не будет вынесено судебное решение.

§32

Профессиональный суд осуществляется председателем и заседателем. Для председателя и заседателей предусмотрены полномочные представители. Председатель и его полномочные представители должны поддерживать связь с судебным ведомством или с высшими службами управления. При этом они являются независимыми в судебном плане. Места председателя и его полномочных представителей должны быть в равных пропорциях поделены между издателями и редакторами. Все члены профессионального суда назначаются министром просвещения и пропаганды. Кандидатуры редакторов предлагает к рассмотрению руководитель Имперского объединения редакторов, кандидатуры издателей предлагаются к рассмотрению руководителем организации издателей, входящей в Имперскую палату прессы.

§33

Окружные суды прессы состоят из пяти членов, судебная палата прессы — из семи членов с учетом председателя.

§34

Делопроизводство профессиональных судов регулируется специальным порядком делопроизводства, доведенным до сведения руководителя имперского объединения министром просвещения и пропаганды и имперским министром юстиции.

§35

Имперский министр просвещения и пропаганды может выступать инициатором рассмотрения руководителем имперского объединения вопроса о внесении кандидатуры редактора в профессиональные списки независимо от порядка профессионального судебного делопроизводства в том случае, если он считает это целесообразным.

ПЯТЫЙ РАЗДЕЛ

Уголовно–процессуальная защита редакторской профессии

§36

Тот, кто выполняет обязанности редактора, не будучи внесенным в профессиональные списки или вопреки запрету, приговаривается к тюремному заключению сроком до года или к денежному штрафу.

§37

Издатель, который допустил до работы в качестве редактора персону, не внесенную в профессиональные списки, или того, кому запрещено занимать указанную должность, а также издатель, занимающийся выпуском газеты без того, чтобы, согласно §18, назначить ее

главного редактора, карается сроком заключения до 3 месяцев или денежным штрафом.

§38

Редактор, виновный в неисполнении своих обязанностей, перечисленных в §13 и §14, приговаривается к тюремному заключению или денежному штрафу.

§39

Тот, кто возьмется воздействовать на редактора, издателя или его представителя предложением своих услуг, обещаниями выгоды, допуская тем самым формирование духовного содержания газеты, противоречащего §13 и §14, будет посажен в тюрьму или оштрафован за подкуп прессы.

§40

(1) Тот, кто возьмется воздействовать на редактора, издателя или его представителя, угрожая им убытками, что повлечет за собой формирование духовного содержания газеты, противоречащего § 13 и § 14, будет посажен в тюрьму или оштрафован за попытку насилия над прессой.

(2) В том случае, если подобное насилие над прессой произойдет из‑за профессиональной нерадивости редактора, наказанием будет служить тюремное заключение сроком не ниже трех месяцев.

§41

В случаях, указанных в §§ 38–40, наряду с заключением в тюрьму может осуществляться поражение в гражданских правах.

§42

Тот, кто назовет себя редактором, не будучи при этом занесенным в профессиональные списки, приговаривается к выплате штрафа в сумме до 150 имперских марок или к заключению под стражу.

§43

Запрещение издателю заниматься его деятельностью по причинам, указанным в §§ 37, 39, 40, может быть вынесено службой занятости через органы управления, подчиненные земельному праву.

ШЕСТОЙ РАЗДЕЛ

Заключительные постановления

§44

Постановления, которые ограничивают деятельность законодательных органов, не должны находить себе применения согласно §§ 31–35.

§45

(1) §§ 7–8 Имперского закона о прессе от 7 мая 1874 года, опубликованные в сборнике имперских законов на стр. 65[245], не должны действовать применительно к политическим журналам и газетам.

(2) Поскольку Имперский закон о прессе касается в остальных своих постановлениях деятельности ответственного редактора, то упоминающийся в данном

---

245 Reichgesetzblatt S. 65.

законе в § 20, часть 1, и § 21 редактор рассматривается в качестве ответственного редактора.

§46

Имперский министр народного просвещения и пропаганды может согласовывать данные постановления с другими министрами и с действующим правом.

§47

То, когда этот закон вступит в силу, решается министром народного просвещения и пропаганды.

Берлин, 4 октября 1933 Имперский канцлер Адольф Гитлер Имперский министр народного просвещения и пропаганды
Др. Геббельс

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
ТРИДЦАТЬ ВОЕННЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ НЕМЕЦКОГО НАРОДА [246]

Й. Геббельс
Берлин, 1943 г.

Перед вами военные статьи для немецкого народа, находящегося в состоянии самой решительной и судьбоносной борьбы за всю нашу историю. В ходе этой борьбы неисчислимое количество лучших представителей немецкого народа отдали свои жизни, будучи на фронте и в тылу, за свободу и будущее. За это борются миллионы мужественных немецких солдат на всех военных направлениях, во имя этого трудятся в тылу в неустанной готовности миллионы прилежных мужчин и женщин — дома, на фабриках, на производстве, в бюро и лабораториях, на полях и пашнях.

Эти статьи должны стать завещанием павших живущим, борющимся и работающим, подтверждением ценности их высокой жертвы. Всем же медлительным и нерешительным пусть они послужат суровым напоминанием и строгим вызовом.

Статья 1

Все может быть возможным в этой войне, кроме того, чтобы мы капитулировали и согнулись перед мощью врага. Тот, кто об этом говорит, а также думает, совершает тем самым трусливое предательство своего народа, его права на жизнь и должен быть со стыдом и позором исключен из радов борющихся и работающих.

Статья 2

Мы ведем эту борьбу за наше право на жизнь. Если мы его добьемся, то сумеем в сравнительно короткое время преодолеть убытки и страдания, обусловленные войной, противопоставив им нашу совместную национальную мощь. Проигрыш стал бы концом нашего народа и его истории.

Статья 3

Эта война является оборонительной. Она была навязана нам нашими врагами с целью исключить всякую возможность национальной жизни и развития. В том случае, если бы им удалось добиться этого, сегодняшнее поколение потеряло бы все то, чего добились до него неисчислимые немецкие поколения в своей жизненной борьбе, длившейся тысячелетия. Все

246 Перевод Е. Г. Кормилицыной.

то, что они построили в своем усердии, трудном и полном жертв. В заключительной главе истории нашего народа были бы отражены наши бесчестье и позор.

Статья 4

Как и любая другая война, эта тоже несет с собой бесчисленные опасности и риск. Пусть каждый думает о том, что любая опасность и любой риск преодолимы, если им противостоит такой великий народ, как немецкий, не оставляющий неиспользованной ни единой возможности, с таким сильным и целеустремленным руководством, как в этой войне.

Статья 5

Если все немцы будут думать и действовать как лучшие сыны своего народа, руководствуясь соображениями общественной пользы, то мы определенно выиграем эту войну. Если бы, напротив, мы утеряли этот дух общности, как это сделали лентяи, трусы и нерешительные люди, все было бы давно потеряно. Исход войны целиком и полностью зависит от духа общности нашего народа.

Статья 6

Общественный дух характеризуется тем, что тот, кто, как немцы, заявляет о жизненном праве своего народа, должен также быть верен его жизненным обязанностям. Уже в мирной жизни, при нормальных обстоятельствах, каждый вынужден будет обходиться без общественной помощи и поддержки, взяв на себя весь груз забот и задач. Насколько больше чувствуется эта поддержка во время войны.

Статья 7

Каждая рекомендация, приходящая от врага, является по сути проверкой нашей морали. Враг, также как и мы, желает одержать победу. Все, что он говорит и делает, должно служить тому, чтобы ввести нас в заблуждение хитростью и захватить врасплох коварством. Тот, кто слушает врага и используемые им лицемерные аргументы, тот предает свой народ в минуту высшей опасности. Даже неосведомленность не может освободить его от заслуженного наказания.

Статья 8

Молчание является основной заповедью ведения войны. Лишь немногие посвящены в военные тайны. Они представляют собой оружие в борьбе нашего народа за жизнь и, поэтому ничего не должно разглашать врагу ни при каких обстоятельствах. Бесчестно и вредно для всеобщего блага путем распускания слухов вынуждать собственное правительство к тому, чтобы оно открыто давало объяснения по вопросам важным и даже решающим в военном плане, поскольку это будет использовано врагом и причинит большой вред нашему народу.

Статья 9

Во время войны речь идет о проявлении таких качеств, как ум и совесть. Во многих случаях сведения не могут быть оглашены без того, чтобы дать весьма ценную подсказку врагу, но случается, что даже доброжелатели это не всегда понимают. Именно в этом состоит претензия войны на доверие нашего народа, доверие, продемонстрированное им через неисчислимые проявления мужества, отваги и дальновидности. Всезнайки могут вас критиковать лишь потому, что вы обречены на молчание. Если бы вы могли говорить, вы бы сразу опровергли их.

Статья 10

В этой войне есть только одно, чего мы никогда не сможем потерять, — это наша свобода, залог нашей жизни и нашего будущего. Все остальное восполнимо, хотя бы и ценой

сложных, длительных усилий. Потеря нашей свободы, напротив, привела бы к потере как материальной, так и духовной собственности, принадлежащей как нашему народу в целом, так и каждому гражданину в отдельности. Итак, если потребует война, мы должны использовать все, что мы имеем, и все, чем мы являемся, для того чтобы сохранить и защитить то, без чего мы не смогли бы жить как народ и как личности. Имеется в виду наша свобода.

Статья 11

Это старый политический трюк ведения войны — отделить народ от его правительства, с тем чтобы сделать его неуправляемым и тем самым обезоружить. Этот трюк, если бы он удался с нами, стал бы единственным средством, с помощью которого враг сумел бы нас одолеть. Тот, кто поддастся на эту вражескую хитрость, является либо дураком, либо предателем. Он подвергает опасности нашу победу, за которую отдали жизни солдаты и приняли смерть герои. Из‑за отсутствия верности этот человек оказывается за пределами воюющего фронта. Ни одно наказание не может считаться достаточно суровым, для того чтобы привлечь его к ответственности.

Статья 12

Разгневайтесь на тех «благоразумных», которые пытаются заслужить ваше доверие лицемерными словами, подрывая вашу стойкость потоком пустых фраз и слухов. Точно проверяйте сказанное ими, и вы поймете, что не мудрость, а враждебность выступают их советчиками. Они хотя и всезнайки, но никоим образом не люди дела. Если бы они таковыми являлись, они заняли бы военные посты на фронте или в тылу, чтобы внести свой вклад в приближение победы.

Статья 13

Тот, кто говорит о войне и ее перспективах, должен таким образом подбирать слова, как если бы его слышал враг, поскольку во множестве случаев он действительно слышит. Любой непродуманный оборот речи с нашей стороны дает ему смелость и силу и служит тем самым делу продления войны. Дурное настроение и злость на те или иные проявления войны имели бы иногда под собой почву, если бы они не делались второстепенными по сравнению с великой народной судьбой, которую мы сегодня проживаем.

Статья 14

Помогайте всем, кто нуждается в помощи, насколько это только возможно. Если действенная помощь не может быть оказана во время войны, то не смущайтесь, поскольку она может быть оказана после победы. Победа является предпосылкой национального возрождения, которое снизит весь ущерб войны. Чем больше жертв приносилось и приносится для войны, тем фанатичнее следует верить в победу, работать и бороться во имя нее. Война требует самой серьезной жертвы — вашего понимания.

Статья 15

Требуется, чтобы каждый подробно ознакомился со своими обязанностями, расписанными в законах и постановлениях. Тот, кто не ознакомится с законами и постановлениями из‑за небрежности или забывчивости, нанесет тем самым такой же ущерб, как если бы он это сделал злонамеренно. Уже из этих соображений он не может рассчитывать на снисхождение. Война — серьезная вещь, которую каждый должен воспринимать так серьезно, как она того заслуживает.

Статья 16

Со временем привыкаешь даже к войне. Мы должны каждый день и час бороться против того, чтобы привычка к войне привела к рутинному выполнению наших военных

обязанностей. То, что является для нас привычным, через несколько десятилетий станет предметом гордости для наших детей и внуков. Когда вы перестанете сталкиваться с тяготами, которые нам готовит долгая война, то увидите и оцените ее в совокупности как самое великое и героическое переживание в истории нашего народа. Не забывайте об этом в однообразии будней.

Статья 17

Все, в том числе и война, когда‑нибудь закончится. Мы только должны заботиться о том, чтобы она закончилась счастливо для нас. Этого мы можем достичь прежде всего благодаря спокойствию и стойкости сердца. Победит тот народ, который обладает этими добродетелями в большей степени.

Статья 18

Нет более глупой ситуации, чем та, когда руководство лучше своего народа. То, что вынужден переносить каждый в отдельности, может иногда в материальном плане быть тяжелее. Но тяжелее всего все‑таки груз ответственности, поскольку заботы, которые он с собой несет, не исчезают никогда. Не будьте несправедливыми и не судите исходя из сиюминутного дурного настроения о вопросе, во многом не поддающемся суждению непричастных к нему.

Статья 19

Не менее неуважительным является убеждение, что одна часть народа ведет войну, а другая только наблюдает. Эта не война режима или вермахта, а война народа. Тот, кто остается в стороне от этого, лишь доказывает тем самым, что он не в ладу со своим рассудком. Он — военный паразит, который существует благодаря страданиям и трудам, которые взяли на себя другие. Если другие станут рассуждать и действовать так же, как он, мы проиграем войну. В интересах тех, кто добросовестно относится к своим обязанностям, манкирующий ими должен быть призван к порядку. Это необходимо сделать непосредственно для военной пользы и общественной морали.

Статья 20

Подобно тому, как на войне имеются ордена и знаки отличия для тех, кто особенно отличился при исполнении своего воинского долга, так тем, кто пренебрегает своими военными обязанностями, должны выноситься выговоры или, в зависимости от обстоятельств, они должны подвергаться суровым наказаниям. Невыполненная обязанность в условиях военного времени гораздо страшнее таковой в мирных условиях. Каждый немец сегодня живет по военным законам. Имейте в виду, что суровые наказания предусмотрены также за проступки, которые не воспринимались бы так трагично в мирных условиях. Во время войны их можно отнести к позорнейшим преступлениям, поскольку они ставят под угрозу победу и, следовательно, заслуживают самого строгого осуждения.

Статья 21

Солдат умирает на фронте во исполнение своего долга. Он может потребовать смертельного приговора для того, кто в тылу саботирует войну или ставит под угрозу ее исход. Фронт имеет на это право с позиции военной морали тех, кто защищает Родину. Они не должны терять уверенности в том, что их спина прикрыта. Тот, кто своим антиобщественным поведением в тылу крадет у воюющих эту уверенность, заслуживает сурового наказания, которого потребует для него в своих мыслях солдат.

Статья 22

Дисциплина является основной добродетелью как на фронте, так и в тылу. Только железная сплоченность поможет нам преодолеть огромную проблему, которую поставила

перед нами война. Нарушение дисциплины является нарушением военной морали и направлено против всех военных законов. Любое нарушение нашего единства во время войны является преступлением против народа. Возможность того, что мы в конце концов победим, — в тесной сплоченности и жесткой решимости нашего народа.

Статья 23

Никто не имеет право жаловаться на ограничение своей личной свободы, обязательное в условиях войны. Какое значение это имеет по сравнению с тем фактом, что неисчислимое количество мужчин, даже женщин и детей вынуждены брать эти лишения на себя, подчас расставаясь с жизнями!

Статья 24

Война требует от нас полной отдачи по отношению к ней и к своим обязанностям. Все, что осталось нам от мирной жизни, должно рассматриваться как подарок и исключение из правил. Мы не должны забывать о том, что рано или поздно мы можем оказаться перед необходимостью отказаться и от этого. На этой войне мы боремся не за сохранение нынешнего положения, а за восстановление мира. На войне действует закон: следует отдать в залог то, что ты желаешь спасти.

Статья 25

Из того, что жертвуется во имя свободы, ничто не может иметь чрезмерную цену. Все, чем мы владеем, мы получили и построили, будучи свободным народом. Без свободы это все потеряло бы свой смысл, свою цель и свою способность к существованию. Для нации намного лучше выйти из войны свободной, хотя и нищей, чем несвободной при кажущемся отсутствии потерь в своих владениях. Свободный народ может получить и отстроить заново все то, что он потерял, защищая свою свободу. Несвободный народ теряет всё то, что он сберегал в борьбе, а также способность вернуть это когда‑либо назад.

Статья 26

Личный долг во время войны может выражаться даже в том, что некоторым из вас придется отдать свои жизни за то, чтобы сохранить и защитить жизнь своего народа. Как можно не быть готовым на эту высокую и необходимую жертву, не отказаться, если потребуют обстоятельства, от владений и собственности, чтобы служить тем самым победе и обеспечивать защиту своей народной общности! Именно через готовность к самопожертвованию из простой группы людей рождается народ и высшее его проявление — нация.

Статья 27

Сделать нашу нацию свободной, способной к жизни и развитию во всех областях — вот цель нашей политики и войны. Наше поколение должно добиться этой цели благодаря борьбе и серьезному труду. Обстоятельства складываются так, что ее осуществление нельзя перенести на более поздний срок. Либо ее добьемся мы, либо она вообще никогда не будет осуществлена.

Статья 28

Нашему поколению выпали не только особые тяготы, но и особая честь. Если мы победим в борьбе, а мы можем и должны победить, то войдем в историю как поколение увенчанное славой; если мы проиграем, то через столетия последующие поколения, вынужденные нести груз нашего поражения, предадут наши имена презрению и проклятию.

Статья 29

Есть люди, которых это все мало интересует. Я говорю о материалистах, думающих в

жизни единственно только о собственном удобстве и наслаждениях и не видящих смысла в выполнении исторических обязанностей. К ним можно относиться лишь с глубоким презрением. Из‑ за жажды удовольствий они способны поступиться будущим нашего народа. Следует решительно противостоять им там, где они просят слова. Они не понимают предметной дискуссии, поскольку преследуют лишь собственную выгоду. Они действуют по принципу: после нас хоть потоп! Этому настрою, говорящему о бесхарактерности, мы противопоставляем основной принцип, выражающийся в том, что если мы даже должны будем на многие годы отречься от нашего жизненного счастья, то им по меньшей мере будут обладать наши дети и внуки.

Статья 30

В общем, обдумывай все, что ты делаешь и чего не делаешь, что говоришь и о чем молчишь, поскольку ты немец. Верно и непоколебимо верь в фюрера и в победу! Имей в виду, что ты — дитя самого мужественного и прилежного народа в мире, который вынес много несчастий и страданий, для того чтобы прийти к своей цели. Эта цель будет достигнута наперекор всему в том случае, если ты останешься верен тем благородным добродетелям, которые в этом народе сокрыты, если будешь готов в случае нужды пожертвовать на этой войне всем, чтобы обеспечить его свободу и его будущее.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4
ВОЕННОЕ РАДИО [247]

Й. Геббельс
15 июня 1941 г.

Количество высказанных и не высказанных пожеланий к программе радиопередач приблизительно равно количеству радиослушателей. Поэтому руководство немецкого радио никогда бы не смогло угодить всем. Да, пожелания каждого отдельного человека сами по себе еще очень зависят от ситуации. Находится ли он в печальном и угнетенном состоянии или в радостном и деловитом, он по праву требует, чтобы за его две марки ежемесячной платы программа радиопередач отвечал бы этому настрою соответствующим образом, тактично и с уважением. Его очень злит и раздражает, если ему, погруженному в прослушивание умного литературного произведения, помешает легкая музыка, доносящаяся из соседней квартиры. Возможен вариант, когда в качестве помехи и разрушителя радости будет выступать высокий чин, из чистой мизантропии не допускающий того, чтобы человек отдохнул как он хочет.

Находясь перед угрозой получить многотысячный протест, мы установили, что вообще не бывает радиопрограммы, которая устраивала бы всех. Мы исходили из того, что люди различны по своим задаткам, темпераментам, духовным и интеллектуальным потребностям. Если бы радио желало удовлетворять людей с одними и теми же запросами абсолютно однородными и похожими передачами, такими как, например драматические пьесы или симфонические концерты, было бы самым простым предложить вам усредненную программу. Это, однако, не представляется возможным. Радио рассчитано на весь народ. Его слушатели набираются из самых разных слоев. Они выставляют самые разные претензии, имеют многочисленные потребности, и каждый верит, что именно его нужды являются

---

247 Goebbels J. Die Zeit ohne Beispiel. Reden und Aufsaetze aus den Jahren 1939–1941. Miinchen, 1941. S. 503. Перевод Е. Г. Кормилицыной.

самыми неотложными и главными, поэтому должны быть удовлетворены в первую очередь.

Мы знаем, какие песни можно спеть, чтобы программа воспринималась народом с удовольствием и с глубоким внутренним участием. Такое бывает в часы больших национальных праздников, во время сообщений из вермахта, фронтовых программ, во время блестящих сообщений об актуальных и всем интересных темах, во время выпусков новостей, во время экстренных сообщений и в других подобных случаях. Однако понятно, что ими одними невозможно заполнить всю радиопрограмму. Это единичные высшие проявления блистательных передач, со своей стороны ограниченных распорядком, который не должен нарушаться с пяти часов утра и до двух часов дня. Программа радиопередач должна соответствовать современному политическому и военному положению. Само собой разумеется, что она не должна быть легкомысленной или даже фривольной, с другой стороны, она не должна быть слишком сложной и перегруженной. Она должна удовлетворять потребность в развлечении и расслаблении, но при этом давать нечто такое, что позволяло бы рассмотреть суть явлений, вместо того чтобы оставаться на поверхности.

Насколько это сложно, мы можем судить по количеству писем, которые приходят к нам после каждой, пусть даже очень осторожной попытки изменения в программе радиовещания. Если мы ориентируемся больше на легкую, развлекательную сторону, то с нами связывается серьезный любитель музыки, который оценивает нас со всей возможной откровенностью: он‑ де сыт по горло, эта программа недостойна первого в мире по своей музыкальности народа, следовало бы залить уши воском, чтобы наконец спастись от этого нервирующего рева, звучащего из всех громкоговорителей страны.

Если же, напротив, оказать предпочтение возвышенной, серьезной или даже классической музыке, тогда другая часть населения хватается за перо и заявляет прямо и открыто, что невозможно больше слушать только ля–бемоль и ре–бемоль, что в доме радио не имеют представления о потребностях времени, и когда‑ де снова наконец после всех этих тупых симфоний получится вытребовать музыку, дающую что‑ то и народу. Никто не хочет слушать возражения, поскольку за каждой позицией что‑ то есть; и мы оказываемся перед опасностью быть однажды снова «обрадованными» тюками, полными писем, которые выросли напротив друг друга вашими стараниями. Поскольку каждая из этих позиций отстаивается с одинаковым пылом, мы объясняем, что следует добросовестно удовлетворить оба пожелания.

Если бы мы имели в нашем распоряжении дюжину имперских радиостанций для внутренних потребностей, проблема решалась бы очень легко. Можно было бы поставить разные задачи перед разными радиостанциями. Каждый слушатель имел бы возможность выбирать в соответствии со своим вкусом; если ему не нравится передача, то достаточно повернуть тумблер, и он получит то, чего хочет. К сожалению, дела сейчас обстоят не так. Немецкое радио, как и любой другой общественный институт, страдает от недостатка персонала. Большая часть его дикторов, техников и организаторов участвует в пропагандистских кампаниях на фронте. Его музыканты должны рассредоточить свою деятельность между радио, театром, кино и военными мероприятиями. Сюда же следует прибавить, что наши радиостанции выполняют свою работу, будучи загружены работой за границей, о которой немецкая общественность почти не имеет представления и о которой можно будет, по понятным соображениям, говорить лишь после войны. В настоящее время мы транслируем передачи за границу более чем на тридцати языках. Информационные и развлекательные передачи, ежедневно выходящие в Берлине и на сопутствующих станциях, занимают в письменном виде четыре толстых тома. Что касается охраны, работы, организации, техники и персонала, об этом неспециалист вообще не имеет представления. Из этих и некоторых других соображений, которые в настоящий момент учитываются обществом, развитие немецкого радиовещания может проводиться лишь в ограниченном объеме. Исходя из интересов безопасности государства, немецкий слушатель должен ограничить себя, что является сложным, но необходимым условием.

Следует особо отметить в наших дебатах и то, что в нынешней ситуации,

развлекательные передачи достойны особого отношения. Это следовало бы сделать из следующих соображений: наш народ сегодня включен всеми способами в военную работу, поэтому он по праву может требовать того, чтобы получать отдых в редкие часы досуга, отвлекаться от трудностей повседневности и находить в легком и приносящем радость развлечении некоторый противовес жестким требованиям времени. Это делается не от легкомысленности или даже фривольности. Это просто попытка компенсировать трудности, попытка, которую следует рассматривать в качестве необходимой. Не беда, что потребность в развлекательных программах сильнее всего находит выражение со стороны фронта; это не умаляет военный подвиг. Число философов, спокойно и со стоицизмом разделяющих героическую судьбу нации, в нашем народе тоже ограничено. Наши солдаты и рабочие, когда это требуется, сражаются и работают со всем энтузиазмом. Но остаток дня они хотят провести счастливо, преисполнившись радости, которая, как это ни абсурдно, может быть и во время войны. По вечерам они сидят в бункерах, полевых лагерях, бомбоубежищах, казармах. У них нет ни времени, ни досуга слушать длинную, сложную музыку. Они пишут письма домой или читают, развлекаются или просто ждут, но попутно они хотели бы послушать немного музыки, легкой, расслабляющей, тихой музыки, которая ни к чему не обязывает, которая, напротив, прерывается лишь шутками и смешными рассказами. Кто откажется предоставить им это невинное удовольствие, кто может фарисейски утверждать, что сам не испытывает подобных потребностей?

Во время войны наш народ на деле доказывает свой положительный настрой. С опущенными головами не выигрывают битвы! Когда год тому назад, по вечерам, во время западного наступления, после тяжелых и кровавых боев в полевых квартирах передавались по радио или проигрывались на граммофонах вальсы, танцевальная и опереточная музыка, этого не понял бы лишь тот, кто не знает солдатской души. Когда экипажи наших самолетов после тайных налетов на Англию просматривают по ночам шкалу приемников в поисках чего‑то легкого и развлекательного, это лишь является знаком того, что самое твердое мужское сердце склонно искать успокоения после тяжелых нагрузок. Мы далеки от того, чтобы представлять себе людей такими, какими они не бывают: возвышенными, как в сентиментальных, выдуманных романах. Они нам нравятся такими, какие они есть. Других мы не хотим. В общем, мы лишь можем дать им то, в чем они нуждаются. Тот, кто не сумеет оптимистично воспринимать жизнь даже в тяжелый период, тот никогда не будет к этому готов.

А мы все должны быть готовы. Не только наши философы, нет, к этому должен быть готов весь народ. Никому из нас это не дается просто так. Во время войны необходимо и важно все, что укрепляет боевую мощь и внутренний настрой, что поднимает мужество, что делает нас свободными, открытыми и искренними. Когда мы недавно сделали содержание нашей радиопрограммы более свободным, то на нас обрушился шквал писем из Греции, Норвегии, Франции, с мест сражений на Западе, с наших боевых кораблей, из палаток, разбитых в пустыне Северной Африки. Все эти письма содержали одно единственное слово: браво! Это многотысячное «браво», стало для нас подтверждением правильности предпринятых мер и перевесило раздававшиеся тут и там протесты серьезных музыкальных кругов. Мы понимаем и их желания, они тоже по возможности будут обеспечены передачами, но во время войны в первую очередь слово предоставляется фронту.

Мы не имеем желания каким‑то образом принизить высокий статус немецкой музыкальной культуры. Мы в состоянии оценить серьезный концерт или оперу. Во время войны мы лишены ее из‑за недостатка времени, покоя, досуга, и для нас это тоже является потерей. После войны на немецком радио слово опять в полной мере будет предоставлено как серьезным и глубоким передачам, так и развлечению. Сейчас война требует от нас столько заботы и трудов, что мы не можем лишать капли жизненной радости тех, кому приходится труднее всего. А впрочем, эти люди защищают на полях сражений оба явления: незамутненное немецкое веселье, которому они все вместе так радуются, и высокую немецкую культуру, которую они знают лишь отчасти, за которую, однако, готовы умереть в

случае необходимости.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5
О НЕОБХОДИМОСТИ МОЛЧАНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ [248]

Й. Геббельс
31 августа 1941 г.

Одной из важнейших задач во время войны является разработка политики подачи новостей. Нам не известны примеры, чтобы где‑нибудь когда‑нибудь велась война и правительство при этом не оказывало бы влияния на формирование общественного мнения. Вопрос заключается лишь в том, как далеко можно и должно заходить в этом. Собственно, в т. н. демократических странах, в том числе и в Англии, во время войны начисто пропадает то, что можно назвать свободой слова.

Каждое сообщение, которое становится достоянием гласности, читается или слушается не только в собственной стране, но и по всему миру. Часто бывает так, что один и тот же факт приносит пользу собственной стране и одновременно наносит огромный урон враждебным государствам. В частности, известно, что преждевременное озвучивание сведений, связанных с военными успехами во время Первой мировой войны, позволило сориентироваться французскому штабу и привело к тому, что успехи эти были поставлены под сомнение, а в отдельных случаях обернулись поражением. Преждевременная радость оказалась кратковременной.

Во время нынешней войны информационная политика стала еще сложнее. Во времена радио и телеграфа любое сообщение распространяется по земному шару со скоростью ветра. Стоит только выпустить какую‑то новость из рук, и она уже выкрикивается мальчишками–газетчиками в Нью–Йорке и Токио — обратного хода уже нет. Подобные перспективы редко бывают понятны политическому профану. То, что новости участвуют в войне, то, что они способны влиять на политику и в конечном счете влияют на нее, — об этом он не думает, когда читает сообщения Верховного командования вермахта о том, что военные операции на Восточном фронте проходят в соответствии с ранее запланированным. Ему редко приходит на ум, что за этим лаконичным сообщением сокрыто огромное количество подробностей, которые военное руководство не хочет доводить до сведения врага, поскольку огромный опыт и надежные источники ему подсказывают, что враг еще не осведомлен о подробностях. Все это редко кому приходит в голову.

Конечно, каждый воспринимает информационную политику в соответствии со своими потребностями и желаниями. Задача руководства заключается в том, чтобы она соответствовала общим интересам народа, а особенно вермахта. В военное время это справедливо не только для военной, но и для политической информационной политики. Она не должна полагаться на волю случая, подчиняясь определенному плану. Она должна действовать так, чтобы в любой, а особенно в критической, ситуации оставались неприкосновенные моральные резервы.

Определенно справедливо, что самым лучшим оружием пропаганды является постоянная работа с общественностью. Но иногда это приводит к тому, что некоторые факты преждевременно доходят до сведения врага. Поэтому, например, англичане сообщили о том, что в будущем вообще не намерены указывать число своих потерь.

---

[248] Goebbels J. Die Zeit ohne Beispiel. Reden und Aufsaetze aus den Jahren 1939–1941. Mtinchen, 1941. S. 567. Перевод Е. Г. Кормилицыной.

И это происходит, прошу заметить, не в авторитарном, а в т. н. демократическом государстве. В государстве, которое, в отличие от Германии, с начала войны оставляет за собой право на цензуру в отношении иностранных корреспонденций. У нас иностранный корреспондент, напротив, может свободно и неограниченно связаться с заграницей посредством телефона или телеграфа, поскольку нам особо нечего скрывать.

Само собой разумеется, что у нас тоже есть политические и военные секреты, но они представляют собой довольно ограниченный круг тем. Общественная жизнь Германии в разумных пределах открыта взору иностранцев. Мы также не считаем нужным закрывать целые города и провинции для внимания общественности, как это снова и снова происходит в Англии.

Разумеется, мы не позволим противнику навязывать нам свою информационную политику. Мы отвечаем ему тогда, когда это необходимо, а не тогда, когда он этого хочет. По понятным причинам мы не реагируем на его явную ложь. Так, например, Лондон сообщил, что будто бы после очередного воздушного налета англичан в Берлине последовало заявление о параличе индустрии и средств сообщения. Со стороны англичан данное сообщение является откровенной фальшивкой. Наверное, это объясняется тем, что Лондон сам в этом уверился, наслушавшись состряпанных показаний пилотов. Возможен вариант, что пилотам показалось, что они поразили цели, а между тем сей факт совершенно не соответствует истине. В наших же интересах, чтобы компетентные органы в Лондоне находились в состоянии самообольщения. Иными словами говоря, для нас более выгодно предоставить англичанам кажущееся психологическое преимущество, оставив за собой преимущество фактическое.

Это один из бесчисленных примеров того, с какими трудностями сталкивается информационная политика. Пример, позволяющий достаточно наглядно показать, о чем идет речь. Человек, связанный с информационной политикой, никогда не должен забывать, что он вещает на две стороны: в адрес собственного народа и всего мира, не исключая враждебных государств.

Часто враг специально распускает соответствующие слухи, чтобы принудить нас к тому или иному ответу. О том, что происходит в Германии, ему известно лишь приблизительно. Доказательством тому может служить тот факт, что он в своих сообщениях показывает полную неосведомленность и лишь стремится придать им видимость правдоподобия. Время от времени, он «пленяет» или «убивает» различных общественных деятелей, которых любой житель Германии может наблюдать на своих рабочих местах. Враг также не в состоянии добиться точных сведений о военном положении, поскольку этой информацией у нас занимается ограниченный круг особо доверенных людей. Понятно, что информационная политика, базирующаяся на подобных условиях, имеет и свои негативные стороны. Мы замалчиваем некоторые факты из понятных для нас соображений. Но не надо принимать наше молчание за признак того, что правительство не в курсе происходящего. Все, что говорится открыто, враг слушает вместе с нами. Происходящее сходно с тем, как в больших городах или в областях, находящихся в опасных зонах, проводится целый ряд мер противовоздушной маскировки. Это видит бесчисленное количество людей, при этом для врага все происходящее должно оставаться тайной.

В мирное время газеты будут содержать подробные статьи об этой интересной работе. Сегодня они хранят молчание. О нашей маскировке знает и враг. В чем именно мы маскируемся, знает житель Берлина и Гамбурга, но не англичанин.

В том случае, если вражеский передатчик пытается в вечерние часы вещать на частоте наших передатчиков, знайте, что это старый трюк, применявшийся нами еще при бомбардировке Варшавы. Много людей уже слышало кое- что об этом. До сего момента мы вынуждены были сохранять молчание, поскольку враг ничего не должен был знать о том, что его попытка вещания удалась. Со своей стороны, мы осуществили пеленг и установили, что вещание осуществлялось из Москвы. Это было очень важно для наших контрмер. Радиослушатели же испытывали вполне справедливое негодование, поскольку думали, что

правительство не в курсе происходящего, раз оно молчит.

Это не соответствовало истине. Правительство нельзя обязать говорить обо всем, что ему известно. Прежде чем донести информацию о наших планах до сведения слушателей, нам необходимо предпринять целый ряд контрмер. Если мы говорим о чем‑то открыто, то гражданин может быть уверен, что разглашение не нанесет никакого ущерба стране. Разглашения не будет, если это сопряжено хоть с какой‑то опасностью. Пусть даже кое‑кто решит, что правительство спит.

Немаловажно и то, что наша информационная политика как внутри страны, так и за рубежом обладает таким кредитом доверия, что мы можем себе позволить на время онеметь. Англичане же по малейшему поводу начинают кидаться камнями, находясь в стеклянном доме. Если бы люди не были настолько забывчивы, они вообще бы не доверяли ни единому слову, сказанному лондонской службой новостей. Они дают лишь лживые прогнозы, каждое их слово лживо! Кто теперь будет утверждать, что Польша выстояла, что ее армия стояла у ворот Берлина, что французы вошли в Штутгарт, Франкфурт, Мюнхен и Нюрнберг, что через несколько недель мы переживем национальный позор на землях Норвегии, что немцы не пройдут Льеттих, что они потерпят поражение во Фландрии, что наши танки затерялись, как дети, на бескрайних просторах, что Париж нам стоил миллиона жизней, что английская Крета никогда не сдастся, что на Востоке у нас не будет никаких территориальных приобретений и т. д? Ну и кто же после этого не стоит ни малейшего доверия — мы или англичане?

О большевиках я вообще молчу. Они врут не из необходимости, а из любви к искусству. Они передергивают факты, переворачивают все с ног на голову и даже не утруждают себя тем, чтобы придать своим новостям какую‑то видимость правдоподобия. Эти технологии вообще не берутся в расчет.

Но откуда англичане берут смелость изображать из себя поборников правды, противопоставляя себя нам? Они, те, кто с начала войны сопровождают каждое свое наступление потоками лжи. Они, потерявшие свой кредит доверия. Дни и недели, когда мы вынуждены были молчать, они сотрясали воздух своими лживыми победными воплями, провоцируя нас на ответную реакцию. Однако это была неподходящая попытка и неподходящий объект. Мы настолько уверены в немецком народе, что вполне способны поступиться популярностью, чтобы не нанести вреда интересам нации. Немецкий народ ожидает от своего руководства, что оно приведет его к победе, не более того. Как оно это сделает, касается лишь его. Оно одно знает наши возможности, исходя из экономического и военного потенциала; оно вникает в положение изнутри и извне; оно знает наши возможности и спокойно делает все, чтобы завоевать нашему народу достойное место в мире. Оно говорит, когда наступает время говорить, и молчит, когда надо молчать.

Самым потрясающим опытом всей войны было, когда фюрер объявил в своей прокламации о начале похода на Восток. В течение месяцев он был отягощен тяжелыми заботами, однако вынужден был молчать. Что это означает, в полной мере может понять лишь тот, кто когда‑либо вынужденно долго хранил молчание. Он прекрасно осознавал, что всегда в выигрыше тот, кто имеет возможность говорить, не пренебрегая ни малейшей возможностью, поскольку слово имеет огромное влияние.

Нести во время войны на своих плечах груз ответственности за весь народ, за державу — это самое тяжелое, что вообще может быть суждено человеку. Любой другой на его месте попытался бы по возможности облегчить этот груз. Молчит тот, кто несет ответственность, нация же в этом случае должна почтительно замереть, поскольку нередко в этом молчании рождается то, что должно впоследствии стать днями и годами истории.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6
СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ПРЕССЫ И РАДИО. РАДИО — ОРУДИЕ ИСКУССТВА, ГАЗЕТА — ИСТОЧНИК НОВОСТЕЙ [249]

Ойген Хадамовски

Пресса и радио — это сестра и брат, чья совместная работа выражается в служении национал–социалистической идее.

Т. к. радио необходимо опираться на широчайший информационный базис, то оно должно находиться в теснейшем взаимодействии с другими средствами массовой информации нашего времени — с газетами.

В первое время, приблизительно до 1928 года, контакт между прессой и радио полностью отсутствовал. Его рассматривали как техническую сенсацию и боялись конкуренции.

Само поведение прессы является лучшим доказательством того, что в 1928 году ситуация изменилась. Постепенно и неосознанно пресса начинает понимать область применения радио. Друг за другом возникают специальные газеты и журналы; на сегодняшний день имеются 35 основных и 50 технических радиожурналов. При этом большая часть повседневной прессы выходит в качестве подробного приложения к радиопередачам.

Ужас газет перед конкуренцией пропал, поскольку с увеличением количества слушателей не было зафиксировано падения числа читателей газет. Возможность для преодоления прессой и радио каких‑либо столкновений, могущих оказать отрицательное воздействие, заключается в том, что функция прессы выражается в предоставлении новостей. Специализация радио и прессы такова, что исключает всякую возможность конкуренции, если каждый будет оставаться в отведенных ему рамках.

Газета в первую очередь остается источником новостей. В качестве средства борьбы она опирается в своей работе именно на них. Радио, используя новостной аспект, при этом остается орудием искусства, в первую очередь музыкального.

Газета поставляет информацию о том, что происходит в мире искусства. Радио же, если оно правильно организовано, само является частью искусства.

Ежедневная газета существенно расширяет свое содержание в том случае, если она по пожеланию читателей базируется на радиопрограмме. Таким образом, к счастью, контакт радио и прессы становится все теснее и теснее год от года. И сегодня мы не знаем ни одной газеты, которая не опиралась бы на программу радио.

Задачей газеты в первую очередь является духовная работа, опирающаяся на интеллектуальные аспекты и влияющая на их развитие. Задача радио — работа чувств, содействующих развитию эмоциональному.

В газете можно прочитать то, что хочешь, где хочешь и когда хочешь. Радиопередачу приходится слушать целиком, так, как это установлено ее рамками. Таким образом, при всей своей актуальности радио в качестве источника новостей ставит себя в невыгодную позицию относительно газет.

Как газетные читатели мы оказываемся в более выгодной позиции, поскольку прослушивание передач по радио предъявляет повышенные требования к нашему вниманию. Это заставляет большинство слушателей переключаться с новостных программ на музыкальные.

Совместная работа радио и газет становится особенно актуальной благодаря росту

---

[249] Eugen Hadamovski. Der Rundfiink im Dienste der Volksfiierung. Leipzig, 1934. S. 27–29. Перевод Е. Г. Кормилицыной.

числа радиопередач. Невозможно ведь, чтобы слушатель ориентировался хотя бы в двух сотнях передач из тех 25 000, которые ежегодно готовятся нашим немецким радио.

Здесь подготовка должна осуществляться через прессу. Радио использует для этого ежедневную и специализированную прессу. Специализированная пресса должна всемерно способствовать формированию как программы в целом, так и отдельных передач.

Не бывает «радио самого по себе» и «газеты самой по себе». Оба явления имеют смысл, если они служат одной и той же цели. Мы должны наконец сжечь на костре l'art pour l'art! [250] На костре, зажженном нашим поколением для всей либеральной болтовни. «Свобода прессы» на деле являлась властью темных капиталистических сил над самыми разными печатными изданиями. «Свобода радио» была не чем иным, как властью творцов инфляции и коррупционеров.

Наконец оба инструмента освобождены от груза своего прошлого и готовы для реализации задач будущего.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7
МОЛОДЕЖЬ И КИНО [251]

Речь по случаю начала Праздника кино в HJ[252] и BDM[253]

Й. Геббельс
5 ноября 1939 г.

В эти часы немецкая молодежь собралась в кинотеатрах страны. Эфир связал нас воедино. Потому я имею возможность обратиться сегодня ко всем вам с речью, посвященной открытию Праздника кино. В первый раз в течение этого сложного времени вы настолько едины. Это вовсе не означает, что немецкая молодежь была безучастна к тому, что идет война. Напротив, всеми своими силами вы участвуете во всех проявлениях нашей жизни, оправдывая все ожидания. Ни одна задача не была для вас слишком сложной или непосильной. Сталкиваясь с ними, вы их бесстрашно решали, внося свою, иногда решающую лепту в события нашего исторического времени.

Однако для многих из вас оказалось недостаточно той человеческой привязанности, которую вы выказывали фюреру на своих собраниях и слетах, демонстрируя ее в речах и песнях. Многие из вас выразили ее более действенно. Ваши руководители по большей части пребывают на полях сражений в качестве солдат рейха. Часть из них уже отличилась во время польского похода. Двести пятьдесят один человек были убиты. Таким образом, от вас, молодежи, в полном смысле слова зависит то, как будет развиваться наша политика.

Мы, немцы, к нашему несчастью, были народом, находящимся вне политики. У нас часто отсутствовало глубинное понимание закономерностей нашей исторической жизни.

---

250 «Искусство ради искусства» (фр).

251 Goebbels J. Die Zeit ohne Beispiel. Reden und Aufsaetze aus den Jahren 1939–1941. Munchen, 1941. S. 213. Перевод Е. Г. Кормилицыной.

252 «Гитлерюгенд» — «Гитлеровская молодежь», молодежная организация в Третьем рейхе, главный кадровый резерв в НСДАП.

253 «Бунд дойчер медель» — «Союз немецких девушек», женская организация в составе «Гитлерюгенд».

Именно так мы вместе со всем народом вступили в мировую войну в августе 1914 года. Только немногие знали тогда, за что она, собственно, ведется. У немецкой нации отсутствовало необходимое политическое образование и воспитание. У нас не было ясных военных целей, которые бы отечество сделало очевидными и явными для каждого. Именно поэтому оказалось невозможным сплотить воедино помыслы, мужество, самоотверженность нашего народа на долгих четыре с половиной года, после того как схлынуло первое воодушевление.

Сегодня все иначе. Сегодня каждый в Германии знает, что мы боремся за наше национальное и социальное существование.

Теперь мы больше не вне политики, как тогда, а скорее в самом ее центре. Поэтому мы ведем войну по всем направлениям. Это тотальная война. То, что наш народ включился в нее всей своей мощью, является по большей части результатом нашей национал–социалистической воспитательной работы, которая велась на протяжении нескольких лет. Мы пожинаем плоды нашего мировоззренческого воспитания. Но эта воспитательная работа не должна прекращаться во время войны. Она должна лишь усиливаться, поскольку ваше значение сегодня необыкновенно возрастает. Подразумевается, что из современного поколения молодежи подрастает поколение сражающихся солдат. Мы сознательно избегаем того, чтобы оглушить немецкий народ ура–патриотическим шумом.

Мы не хотим вызвать мимолетный энтузиазм, который угаснет так же быстро, как и возник. В этой войне потребна твердая решимость, которая должна выражаться больше в каждодневном труде, нежели в шумных празднествах. Исходя из этого постулата, строится новостная, просветительская и пропагандистская политика. Любой пафос и претенциозный лозунг чужд нам. Но враждебные нам иностранные державы сильно заблуждаются, принимая это за отсутствие воодушевления. Никогда еще немецкий народ не пребывал в состоянии подъема, подобном сегодняшнему. Он полон решимости отстаивать свои национальные идеи всеми доступными ему средствами, всей своей мощью. Нам для этого не нужны возвышенные речи и пустые разглагольствования. То воодушевление, которое обуревает нас, — это внутренний жар, вдохновляющий нас на великие деяния и дающий нам выдержку, даже в самые критические часы нашего национального существования. Одержимо, без устали мы работаем для фюрера, народа и государства, претерпевая лишения сплоченной нацией. Поскольку мы осведомлены, мы можем противостоять иностранным, а особенно английским попыткам смутить нас. Глупые и нелепые листовки, сбрасываемые с английских самолетов на наши города и деревни, не в силах пошатнуть наш внутренний моральный настрой.

В Германии больше никто не слушает радиоголоса, прорывающиеся к нам из враждебно настроенной заграницы. Мы слушаем только голос фюрера. Долетающая до нас английская ложь не в состоянии, как во времена Первой мировой войны, вывести немецкий народ, а особенно молодежь, из состояния равновесия. Мы остаемся полностью безучастными к английским попыткам нашего обольщения. Если раньше британские государственные деятели вызывали опасения у нашего народа, то теперь каждый из них является для нас не более чем комической фигурой, как если бы они остались в стороне от великой битвы и просто не были убраны своевременно. Их лжи мы, настоящие немцы, противопоставляем чистую правду. Наши усилия приводят к тому, что правда делается все более распространена в мире.

Эта борьба имеет политическое значение; она касается не только государственного руководства, но и немецкого народа, и прежде всего немецкой молодежи. Именно молодежь будет пожинать плоды этой войны. Во имя нее ведутся войны. Победа, к которой мы стремимся, — это победа во имя нашей молодежи, наших детей и детей наших детей. Именно поэтому политической обязанностью каждого немецкого юноши и каждой немецкой девушки является выполнение задач, поставленных государством.

Сейчас возникла необходимость в нашем единении для великих свершений. Для того, чтобы собираться вместе, у нас не хватает залов, помимо этого, на территории рейха в

вечернее время должно производиться затемнение. Мною было принято решение использовать здания кинотеатров для совместных собраний по воскресеньям в предобеденное время. Я получил поддержку от руководителей молодежного движения, которые предоставили средства на эти регулярные собрания.

Эти праздничные киночасы нужны нам для того, чтобы обеспечить немецким юношам и девушкам столь необходимый им политический энтузиазм. Попутно мы предоставляем им возможность познакомиться с нашим национальным киноискусством.

Кино стоит сейчас на страже национального воспитания. Мы не можем этого оспаривать. Мы не принадлежим к тем, кто испытывает детскую нелепую робость перед словом «пропаганда». Все то, что служит нашему народу, является положительным явлением, в том числе и пропаганда. Она лишь тогда становится опасным оружием, когда направляется против своего народа. В том случае, когда она работает для народа, она приносит великое благо.

Кино тоже должно реализовываться в рамках национального воспитания. Когда оно было типичным средством выражения гражданско–либерального государства, оно находилось на уровне предоставляемого детям в школе начального образования — азбуки, таблицы умножения — и являлось носителем не государственных, а скорее разрушительных тенденций. Концепция национал–социализма в корне иная: воспитание немцев не только в юном возрасте, но и во взрослом состоянии является обязанностью государства. Оно должно не только поддерживать народные школы или, в лучшем случае, университеты, но и воспитывать народ годами даже после окончания оных, так чтобы он был готов к осуществлению великих целей.

Именно поэтому политическое руководство прессой, радио, кино и театрами не должно быть делом отдельных людей или частных обществ, которые руководствуются принципами свободы слова даже в тех случаях, когда это вредит государству и его интересам. Это должно быть делом государства и его руководства, партии и партийного руководства. В, наше время кино в первую очередь занимается осуществлением великих задач, поставленных перед ним народом и национал–социалистическим государством.

В том, что мы привели вас, немецкие юноши и девушки, в кинотеатры в этот выходной день, тоже проявляется часть воспитательной работы. Те слова, с которыми я обращаюсь к вам всем, донесет кино в качестве художественного средства, выражающего наше мировоззрение.

Этот праздничный час был устроен для всей немецкой молодежи. За ним последует еще множество таких же часов. Я надеюсь, что они станут для вас источником сил в наше серьезное время. Вам я направляю свои самые искренние приветствия. Я вижу вашу духовную сплоченность вокруг меня: на севере и на юге, на западе и на востоке. Я знаю, что вы с бьющимися сердцами ожидали этого часа, который сплотит вас. Этот час мы хотели бы начать с приветствия фюреру. Это является выражением наших общих помыслов. В тяжелое время он сплотил вокруг себя весь немецкий народ, и в первую очередь немецкую молодежь. Для всех нас это является гарантией победы и нашего блестящего будущего. Оно уже стоит перед нашим внутренним взором. Мы приветствуем фюрера нашим старинным приветствием!

ПРИЛОЖЕНИЕ 8
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАДИОПРОГРАММ НА 1938 ГОД [254]

[254] Национальная газета. Эссен, 1938. 10 августа. Цит. по: Джордж Моссе. Нацизм и культура. М., 2003. С. 232.

Берлин, 9 августа. Ежегодно сотрудники и руководство имперского радиовещания со всех концов страны собираются в Берлине на специальную радиовыставку. В этом году на совещании, проведенном во вторник в здании «Кроль–опера», Геббельс продекламировал лозунг: «Германия должна стать крупнейшей радиодержавой мира».

Генрих Гласмайер, генеральный директор имперской радиовещательной компании, сделал доклад, в котором привел основные характеристики программ германской радиовещательной системы. Как он подчеркнул, ее основой является национал–социализм. И именно на этой основе радиовещание должно охватывать все стороны общественной жизни, поддерживая в случае необходимости такие акции, как программа организации «Сила через радость», программа «Зимняя помощь» и отдельные инициативы различных структур движения.

В связи с вызвавшей широкое обсуждение среди радиослушателей проблемой противопоставления легкой танцевальной музыки серьезной музыке, имеющей большую художественную ценность, Гласмайер заявил, что имперское радиовещание должно занять здоровую срединную позицию, которой и будет придерживаться в будущем:

Вместе с тем он резко возразил против включения в радиопередачи юмористических скетчей, несущих разрушительный еврейский дух. «Мы не можем, — заявил он, — допустить такую ситуацию, когда священное понятие брака и мужественных черт немецких солдат, рискующих своей жизнью и кровью за отечество, будет по вечерам высмеиваться и оскорбляться в различных "цветастых" скетчах…» *(Громкие аплодисменты.)*

Гласмайер обратился к коллегам из области музыки с призывом не спать за своими столами дома или в кабинетах, а прилагать все усилия к новым свершениям и открытию незнакомых доныне жемчужин немецкой музыкальной культуры как прошлого, так и современности, чтобы донести их до народа.

В заключение он остановился на задачах центральной и провинциальных радиостанций. Перед радиостанциями земель стоит двойственная задача. Они должны, с одной стороны, представлять свои регионы, а с другой — помнить, что являются радиостанциями рейха и глашатаями его идей и постулатов, а потому в их передачах интересы рейха должны превалировать над провинциальными и клановыми, а в центре внимания должен постоянно находиться немецкий бюргер с его духовными потребностями.

Что же касается центральной радиостанции «Дойчланд зендер», то лицо ее должно быть совершенно другим. Она представляет правительство Германии, национал–социалистическое движение и немецкую культуру. В связи с этим она будет отражать потребности не отдельных земель и регионов, а целиком всей страны.

После Гласмайера, выступление которого сопровождалось аплодисментами, слово взят начальник управления имперского радио Палаты культуры Криглер. Он отметил, что до сих пор радиовещание никогда не испытывало такого к себе внимания со стороны публики. Очевидно, значительную роль в этом сыграло появление новых небольших радиоприемников образца 1938 года, этого своеобразного подарка обществу от дирекции радиовещания и промышленности.

Ныне около 54 процентов семей рейха подключены к радиосети. И только небольшая часть жителей не проявила к радиовещанию должного интереса. Часть же населения из- за своего финансового положения пока не в состоянии приобрести за 65 рейхсмарок народный приемник да еще платить ежемесячно 2 рейхсмарки в качестве налога за пользование им. Поэтому наши усилия должны быть направлены на субсидирование этой группы общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9
ТЕКСТ ДИРЕКТИВ, КОТОРЫМИ ДОЛЖНА РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ НЕМЕЦКАЯ ПРЕССА В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ [255]

Й. Геббельс

1) Вся немецкая политика в области пропаганды и информации должна служить исключительно тому, чтобы укрепить сопротивление, увеличить военные усилия и поднять боевой дух родины и фронта. Для достижения этой цели следует пользоваться всеми средствами прямого и косвенного воздействия на читателей и слушателей. Все, что может вредить этой цели или хотя бы не содействовать ее достижению, в нынешние решающие дни нашей роковой борьбы не должно более проходить в нашей прессе или на радио. Все, что идет на пользу достижению этой великой цели, следует всемерно поддерживать и поставить отныне в центр нашей информационной политики.

2) Главная задача прессы и радио — разъяснять немецкому народу, что западный противник вынашивает те же гнусные цели и те же дьявольские планы уничтожения немецкого народа, что и восточный, и только для видимости пользуется более цивилизованными методами, чтобы обмануть немецкий народ и поймать его на удочку. Жестокая воздушная война, которую ведут англичане и американцы, достаточно хорошо показывает звериное лицо западного противника и не оставляет сомнения в том, что все его мнимые примирительные фразы служат лишь тому, чтобы замаскировать свои Действительные намерения и подорвать усилия немецкого народа, упорно отстаивающего свое право на жизнь. Наша задача — снова и снова указывать на то, что Черчилль и Рузвельт, равно как и Сталин, безжалостно, не считаясь ни с чем, осуществят свои смертоносные планы, стоит немецкому народу проявить слабость и подчиниться врагу.

3) Следует ярко показывать и комментировать подвиги людей на фронте и на родине. Их нельзя расценивать как отдельные примеры, они должны быть стимулом для всех и призывом ко всей нации следовать светлым образцам в борьбе за нашу свободу.

4) Отдел культуры в наших газетах — не по–мещански уютное местечко, где могут отдохнуть уставшие от войны современники. Этот отдел должен всеми средствами содействовать укреплению нашей способности к сопротивлению и подъему нашего военного духа. Особая задача редактора отдела культуры, — возвышенным языком выражать в разнообразной форме то, о чем следует говорить в политическом отделе, о военной и политической борьбе сегодняшнего дня. Пустая интеллектуальная болтовня, игнорирующая войну, словно война идет «где‑то далеко в Турции», в эти недели не имеет права на существование. У редактора отдела культуры как раз сейчас появилось много задач и разнообразных возможностей. Анализ сочинений Клаузевица, статьи о Второй Пунической войне, замечания по «Римской истории» Моммзена, статьи о письмах и сочинениях Фридриха Великого, жизнеописания величайших военных гениев всей истории человечества — вот наметки лишь немногих новых задач, которые больше отвечают требуемой цели, чем невинные развлекательные исторические анекдоты, лишенные всякого политического и морального смысла.

5) Отдел местной жизни в наших газетах также должен подчиниться этим требованиям. Никакие мероприятия коммунального или местного значения, относящиеся к жизни партии, государства или вермахта, не должны преподноситься читателю без того, чтобы со всей убедительностью разъяснять ему, что наша борьба не на жизнь, а на смерть требует напряжения всех сил и мобилизации всех человеческих и моральных ресурсов. Каждая жертва, которой надлежит теперь требовать как раз и в малом, и в повседневности

---

[255] Данные директивы были продиктованы Геббельсом 5 апреля 1945 года. См. Й. Геббельс. Последние записи. Смоленск, 1993. С. 384–385.

войны, служит концентрации наших сил и укреплению нашей способности к сопротивлению, и ее следует истолковывать читателю именно в этом смысле.

6) Отдел объявлений издателям рекомендуется вести с особой тщательностью. Из него надо устранить все традиционные несвоевременные остатки, которые могли бы противоречить духу времени.